

Учредитель
ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет»

ВЕСТНИК
БУРЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Издается с 1997 г.

Выходит 15 раз в год

2015/11

Выпуск. РОМАНО-GERMANСКАЯ
ФИЛОЛОГИЯ

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77–36152 от 06 мая
2009 г. Федеральная служба
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Адрес редакции
670000, г. Улан-Удэ,
ул. Смолина, 24а
E-mail: sesegbud@yandex.ru

Адрес издателя
670000, г. Улан-Удэ,
ул. Смолина, 24а
E-mail: riobsu@gmail.com

Редактор *Е. П. Евдокимова*
Компьютерная верстка
Н. Ц. Тахинаевой

Подписано в печать 15.09.15.
Формат 60 x 84 1/8.
Уч.-изд. л. 7,68. Усл. печ. л. 10,53.
Тираж 1000. Заказ 207.
Дата выхода в свет 27.09.15.
Цена свободная.

Отпечатано в типографии
Издательства БГУ
670000, г. Улан-Удэ,
ул. Сухэ-Батора, 3а

Редакционный совет «Вестника БГУ»

Н. И. Мошкин, доктор технических наук, профессор, и. о. ректора Бурятского государственного университета (председатель) (г. Улан-Удэ, Россия); *А. В. Номоев*, доктор физико-математических наук, доцент, и. о. проректора по НИР (зам. председателя) (г. Улан-Удэ, Россия); *С. Н. Васильев*, доктор физико-математических наук, академик РАН, директор Института управления им. В. А. Трапезникова РАН (г. Москва, Россия); *Г. Ц. Дамбаев*, доктор медицинских наук, профессор, член-корреспондент РАМН, член-корреспондент РАН (г. Томск, Россия); *Ван Ямин*, профессор, декан факультета русского языка Института иностранных языков Восточно-Китайского педагогического университета (г. Шанхай, Китай); *М. Р. Бакланов*, доктор физико-математических наук, профессор, главный научный сотрудник междуниверситетского центра ИМЕС (г. Лёвен, Бельгия); *А. Л. Асеев*, доктор физико-математических наук, академик РАН, член-корреспондент РАН, вице-президент РАН, председатель Сибирского отделения РАН (г. Новосибирск, Россия); *Оде Сесилия*, профессор, Амстердамский университет (г. Амстердам, Нидерланды); *П. А. Минакир*, доктор экономических наук, академик РАН, Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН (г. Хабаровск, Россия); *О. В. Матыцин*, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, президент Российского студенческого союза, президент РГАФК (г. Москва, Россия); *К. Цецура*, доктор философии по коммуникации и связям с общественностью, профессор Университета Оклахомы (г. Норман, США); *П. Ю. Саух*, доктор философских наук, профессор, ректор Житомирского государственного университета (г. Житомир, Украина).

Редакционная коллегия выпуска

Л. П. Ковалева, кандидат филологических наук, профессор (отв. редактор); *Е. О. Хундаева*, доктор филологических наук, профессор; *Л. Д. Раднаева*, доктор филологических наук, профессор; *С. В. Будажапова*, кандидат филологических наук, доцент; *Т. В. Паликова*, доктор исторических наук, доцент.

СРАВНЕНИЕ КАК СПОСОБ ПЕРЕДАЧИ АВТОРСКОГО МИРООЩУЩЕНИЯ В РОМАНЕ ДЖУЛИИ ДАРЛИНГ «THE TAXI DRIVER'S DAUGHTER»

© **Бадмацыренова Дарима Базарсадаевна**

кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии
Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: darina006@yahoo.com

© **Долсонова Арюна Александровна**

аспирант Технического института (ф) Северо-Восточного федерального университета
Россия, 678960, г. Нерюнгри, ул. Кравченко, 16
E-mail: mei_guo@bk.ru

Статья раскрывает сравнение как троп, основанный на образном сопоставлении двух разных по своей природе объектов и явлений на основе признака, существенного для одного из членов сравнения. В английском языке сравнение выражается на уровне морфологии, лексики и синтаксиса. Самым употребляемым союзом в компаративных конструкциях в романе является союз like. Выявлено, что автором романа употребляются полные синтаксические сравнения, которые выполняют познавательную и оценочную функции. Показана роль сравнения как способа передачи авторского мироощущения, творческого мышления автора и его индивидуального стиля. Сравнение помогает при портретной характеристике и описании психологических состояний персонажей.

Выбранные персонажами романа сравнения характеризуют сам субъект высказывания. Показано, что сравнение в романе — это форма присутствия автора. Дж. Дарлинг использует не древние сравнения (например, из фольклора), а сближение предметов из повседневной жизни. Они являются индивидуально-авторскими.

Ключевые слова: троп, сравнительная конструкция, предположно-надежное сочетание, творительные сравнения, отрицательное сравнение, субъект сравнения, объект сравнения, лексико-тематические группы, субъективно-оценочное отношение, картина мира, познавательная и оценочная функции сравнения, авторское мироощущение, индивидуально-авторские сравнения.

SIMILE AS A MEANS OF CONVEYING THE AUTHOR'S ATTITUDE IN JULIA DARLING'S NOVEL «THE TAXI DRIVER'S DAUGHTER»

Darima B. Badmatsyrenova

PhD, A/Professor of the English philology Chair, Buryat State University
24a Smolina St., Ulan-Ude 670000, Russia

Aryuna A. Dolsonova

Research Assistant of Technical Institute, North-Eastern Federal University
16 Kravchenko, Neryungri 678960, Russia

The article dwells upon simile as a trope based on the figurative comparison of two different by nature objects and phenomena on the basis of a feature essential for one of the members of comparison. In the English language simile is expressed on the levels of morphology, vocabulary and syntax. The most widely used conjunction in the comparative constructions of the novel is the conjunction «like». It is revealed that the author of the novel uses full syntactic similes which carry out cognitive and evaluative functions. The role of simile as a means of conveying the author's attitude, creative thinking and individual style is shown. Simile helps in portrait description and in revealing psychological conditions of the characters.

The similes chosen by the characters of the novel reveal the traits of the subject of the utterance itself. Besides, the similes used in the novel are the form of the author's presence in the book. J. Darling doesn't apply old similes (e.g. from folklore), she uses the convergence of the subjects from everyday life. The similes are writer's individual ones.

Keywords: trope, comparative construction, prepositional-case combination, instrumental comparison, negative comparison, the subject of comparison, the object of comparison, lexical-thematic groups, subjective-evaluative attitude, picture of the world, cognitive and evaluative function of similes, author's attitude, writer's individual similes.

Природа сравнения имеет глубокие корни в языке и культуре. В широком философском смысле сравнение — это установление тождества и различия между явлениями действительности.

В лингвистике сравнение — это троп, в котором происходит уподобление одного предмета или явления другому по какому-то одному объединяющему их признаку. Сама этимология термина хорошо передает сущность этого вида иносказания. Цель сравнения — выявить в объекте сравнения новые свойства субъекта, которые придадут тексту большую экспрессивность.

Цель данной статьи состоит в выявлении типов сравнений и союзных слов, используемых автором романа «Дочь таксиста» в сравнительных конструкциях, в анализе функций, которые выполняют сравнения, и в рассмотрении объектов, привлекаемых для сравнения.

Как известно, в сравнении выделяют сравниваемый предмет (объект сравнения), предмет, с которым происходит сопоставление (средство сравнения), и их общий признак (основание сравнения, сравнительный признак). Причем одна общая отличительная черта сравнения обоих сравниваемых предметов может опускаться, но всегда подразумевается при упоминании этих самых предметов сравнения.

Сравнение, также как и метафора, является мощным средством характеристики явлений и предметов действительности и в значительной степени способствует раскрытию авторского мироощущения, выявляя субъективно-оценочное отношение писателя к фактам объективной действительности. Кроме того, сравнения отражают мировоззрение того или иного народа. Расхождения в образах при передаче сходных идей указывают на различие картин мира у представителей разных культур.

В русском языке сравнительные модели находят свое отражение в качестве следующих компаративных конструкций: сравнительной конструкции, предложно-падежного сочетания с предлогами (в виде, наподобие), конструкций с предикативными словами (похож, напоминает), творительного сравнения, родительного сравнения, сравнительного придаточного, метафоры

разных структур и т. д., образуя компаративное пространство языка.

Приведем некоторые виды сравнений в русском языке:

1) сравнения в виде сравнительного оборота, образованного при помощи союзов как, будто, словно, точно: «Дорога, как змеиный хвост, // Полна народу, *шевельт*ся»; [2, с. 429]

2) бессоюзные сравнения — в виде предложения с составным именным сказуемым: «Оттепель — *баба-хозяйка*, // Лог — как белёная печь. // Тучка — *пшеничная сайка* — Хочет сытою истечь...» [4, с. 57];

3) сравнения, образованные при помощи существительного в творительном падеже: «*Звездой* блещут её глаза...». Отрицательные сравнения: «Что не конский топ, не людская молвь, // Не труба трубача с поля слышится, // А погодушка свищет, гудит, // Свищет, гудит, заливается» [2, с. 146].

Следует отметить, что сравнения с существительным в творительном падеже являются очень древними, по-видимому, они возникли на почве мифологического сознания. Отрицательные сравнения также являются очень древними, но моложе конструкций с творительным превращения. Относительно сравнений с творительным падежом А. А. Потехня писал, что в таких сравнениях этот падеж напоминает превращения и происхождение этой формы относится к тому времени, когда человек не отделял себя от внешней природы [4, с. 52].

В английском языке сравнение находит свое отражение на уровне морфологии, лексики и синтаксиса. В морфологическом плане компаративные (сравнительные) конструкции могут быть выражены степенью сравнения прилагательных. И. В. Арнольд выделяет также следующие суффиксы, имеющие сравнительный характер: -ish, -like, -some, -y. Как можно догадаться, подобные конструкции с компаративной семантикой чаще всего являются прилагательными, образованными от существительных.

На уровне лексики сравнения «маркируются» специальными словами, такими как like, as-as, as if, as though, as, а также глаголами resemble, seem to, look like, feel like и т. п.

В плане синтаксиса сравнения могут быть выражены словосочетаниями, придаточными сравнительными, а также иметь структуру предложения [1, с. 39].

Выделяют также логическое сравнение (logical comparison) — когда сравниваются два предмета или явления, которые принадлежат к одному классу (The girl is reasonable like her father).

Сравнительные отношения, обусловленные субъективной языковой оценкой действительности, находят свое отражение в сравнительных конструкциях. Если субъект и/или объект сравнения выражены именем существительным, то можно выделить следующие лексико-тематические группы:

- 1) названия лиц;
- 2) названия представителей фауны;
- 3) названия реалий мира флоры;
- 4) название предметов и веществ

а) естественного и б) искусственного происхождения;

- 5) названия явлений природных стихий и пр.

Для того чтобы определить роль сравнений в романе, в рамках данной работы необходимо проанализировать их в непосредственной связи с контекстом исследуемого произведения и зафиксировать полученные данные.

С самых первых страниц романа Джулия Дарлинг вводит читателя в водоворот событий, которые положат начало внутренним переменам практически каждого из героев, но до этого им еще предстоит многое пережить. Все начинается со звонка старшей дочери отцу и сообщения о том, что их мать арестована. Далее события разворачиваются уже непосредственно в доме героев, накануне Рождества, где младшая дочь Кэрис, как бы предчувствуя страшное известие, слышит неразборчивые голоса полицейских.

The voices in the hall are male, and thick as soup [5, p. 5].

Голоса в холле — мужские, они густы как наваристый суп.

(перевод выполнен авторами статьи)

После того как Кэрис узнает ужасную новость, она уже не в состоянии больше ничего слышать, словно в доме тысячи непонятных и переплетающихся звуков.

It is as if the house is filled with a flock of large birds [5, p. 6].

Такое чувство, будто по дому летает стая больших птиц.

Бескрайняя фантазия подростка начинает свою работу и рисует самые причудливые кар-

тины. Она практически в ту же минуту начинает подозревать свою старшую сестру в том, что та знает гораздо больше нее, знает, что произошло и почему. Ведь Стелла и мама, по ее мнению, были очень близки и доверяли все тайны друг другу.

Stella and her mother have always been close, like birds on a perch [5, p. 10].

Стелла и мать всегда были очень близки, как птицы, сидящие на насестах.

Переживания девочки по поводу предстоящего суда над ее матерью, а также ее непонимание происходящего находят отражение в сравнении, где птицы кажутся ей просто безжизненными тряпками,

A flock of birds fly above her like black rags [5, p. 14].

Стая птиц, пролетающая над ней, похожа на черные тряпки.

в то время как прикосновение матери воспринимается ею как птичка, севшая ей на плечо.

She feels her mother's hand on her shoulder, light as bird [5, p. 13].

Она чувствует руку матери на своем плече, легкую как маленькая птичка.

Для описания напряженного момента повествования и выражения тех эмоций, которые испытывают члены семейства в момент сообщения страшной новости об аресте матери и жены, а также в период после судебного процесса автор также использует ряд следующих очень содержательных сравнений. В тот момент, когда Мак узнает об аресте, он словно игрушечная собачка качает головой от полной растерянности, ошарашенный всем происходящим.

...they ask Mac, who is shaking his head, over and over again, like the ornamental dog on his dashboard [5, p. 7].

...спросили они у Мака, качающего головой туда-сюда, подобно той декоративной собачке, которая стоит в его машине на панели приборов.

Когда же приговор вынесен и все понимают, что мать вернется домой не скоро, отец полон отчаяния. Он не представляет себе, что ему теперь делать и куда катится их и без того неидеальная жизнь.

Inside Mac's chest it feels as if a large building has collapsed, leaving a pile of dust and rubble [5, p. 30].

Внутри у Мака такое чувство, как будто рушится большое здание, оставляя после себя груды пыли и развалин.

В этот момент даже смех дочери кажется ему мерзким собачьим лаем, смехом сумасшедшей.

It sounds awful, like a series of barks, like a mad person's laughter [5, p. 30].

Он звучит отвратительно, как мерзкий лай, как смех сумасшедшего.

Старшая дочь Стелла, очень ответственная и тянущаяся к знаниям девочка, переживает о том, что теперь мать не сможет прийти к ней на представление, а отец и подавно не появится. Эти переживания находят отражение в следующем примере, где голос преподавателя актерского мастерства воспринимается ею как неприятный звук, такой, как исходит из канализационной трубы.

She sits there listening to Mrs. Capes, who has a voice like an underground pipe... [5, p. 45].

Она сидит и слушает миссис Кейпс, голос ее похож на звук из канализационной трубы.

Стелла запирается в ванной и от всего этого напряжения начинает придирается даже к собственной коже, которая напоминает ей поверхность луны.

She thinks it looks like the surface of the moon, with its pimples and ridges [5, p. 50].

Ей кажется, что она похожа на поверхность луны, с ее неровностями и гребнями.

Тишина, которая раньше была для всех обитателей дома чем-то привычным, каждый жил как бы своей отдельной от других жизнью, теперь кажется Кэрис поистине чем-то отравляющим. Она пытается хоть как-то понять все происходящее, но безуспешно.

Now it seems to Caris that the silence was filled with something poisonous, like the murky river that flows beneath her feet [5, p. 27].

Теперь Кэрис кажется, что тишина была наполнена чем-то отравляющим, подобно темным водам реки, что течет под ее ногами.

Тишина, царящая в доме, сменяется полным отчаянием всей семьи. Отчаяние словно огромная волна, словно цунами разрушает все на своем пути.

The boiling water in the kettle sounds like a growing wail of despair [5, p. 68].

Звук воды закипающей в чайнике похож на нарастающую волну отчаяния.

Стелла чувствует себя так, будто она плывет на корабле без паруса, и волна отчаяния настигает и ее.

She feels as if she is on a ship with no sails [5, p. 210].

У нее такое чувство, будто она плывет на корабле, на котором нет парусов.

Счастливая концовка романа, когда все герои уже претерпели все внутренние, переломные для их жизни изменения, выражается опять-таки глазами Кэрис, повзрослевшей на наших глазах девочки. Она встречает вышедшую из заключения мать так, словно единственную оставшуюся в живых в битве, в битве за их собственное счастье. Теперь, кажется, герои способны оценить масштабы всего произошедшего в их семье и сделать из всего этого выводы.

She looks like the last survivor of a battle [5, p. 261].

Она выглядит как единственная выжившая в схватке.

Чувства, наполняющие девочку в этот момент, выражены через следующее сравнение, в котором она не знает, то ли ей плакать, то ли радоваться словно щенок, бегущий навстречу хозяину после долгой разлуки.

She wants to whoop and giggle, to run about like a yelling puppy, but she wants to cry as well [5, p. 263].

Ей хочется кричать и смеяться, бегать вокруг, словно визжащий щенок, также ей хочется и расплакаться.

В ходе проведенного анализа нами было выявлено 84 примера сравнений, используемых Джулией Дарлинг в своем романе «Дочь таксиста». Проанализировав структуру данных конструкций, мы обнаружили, что наиболее часто употребляемым союзным словом является like — 76 %, далее следуют союзы as — 10 %, as ... as — 9 %, as if — 5 %.

Данная статистика подтверждает, что союз «like» является наиболее употребляемым союзом в компаративных конструкциях, а лексикотематическая группа, с которой связан объект сравнения в данном романе, касается названий представителей фауны и предметов окружающей обстановки: птиц, собак, щенят, собачьего лая, зданий, мебели, речки и др.

Следует отметить, что Джулия Дарлинг употребляет полные синтаксические сравнения, отличающиеся относительной ясностью выражения мысли. Они служат двум целям: познавательной и оценочной. Автор сближает очень далекие друг от друга предметы и явления: мужские голоса и наваристый суп, руку матери и птичку, смех дочери и собачий лай, внутреннее чувство и крушение большого здания, голос миссис Кейпс и звук из канализационной трубы,

кожу тела и поверхность луны, голову Мака и голову собачки на панели приборов и т. д. Все эти предметы так или иначе взяты из окружающей обстановки современного города.

Выбранные персонажами романа сравнения зачастую характеризуют сам субъект высказывания. Кэрис часто сравнивает Стеллу и их маму с птичками, сидящими на насестах. Образ птичек подчеркивает мысль, что они все из одного гнезда и они близки друг другу. Эта мысль подтверждается высказыванием Е. Фарыно, что сравнение — всегда оценка предмета речи, оно характеризует говорящего даже в большой степени, чем сам предмет речи [4, с. 57]. Вслед за данным ученым мы расцениваем сравнение в романе «Дочь таксиста» как форму подчеркнутого присутствия автора. По характеру используемых сравнений можно многое сказать об авторе, о его внутреннем мире, его системе ценностей. Язык сравнений предоставляет автору большую свободу выбора, открывает пространство для воображения. Однако автор романа почти не использует древние сравнения (из произведений фольклора, средневековых литератур), а прибегает к сближениям предметов из повседневной жизни, образуя как бы систему зеркал, обнаруживающих неожиданные и поразительные подобия. Таким образом, можно сделать вывод, что сравнения, используемые Дж. Дарлинг при описании героев романа, их портретной характеристики, психологических состояний, а также при выражении их чувств, эмоций, переживаний и личного мироощущения, являются индивидуально-авторскими.

Литература

1. Арнольд И. В. *Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов.* — 4-е изд., испр. и доп. — М.: Флинта; Наука, 2002. — 384 с.
2. Пушкин А. С. *Стихотворения. Поэмы.* — М.: Правда, 1984. — 496 с.
3. Роман Джулии Дарлинг «Дочь таксиста»: комментарии / науч. ред. К. Хьюитт при участии И. Берхатовой, Е. Вашуриной, Е. Доценко, М. Лебедевой, Н. Шутековой и др.; под общ. ред. Б. М. Проскурнина. — Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2010. — 46 с.
4. Чернец Л. В., Семёнов В. Б., Скиба В. А. *Школьный словарь литературоведческих терминов: Иносказательность в худож. речи. Тропы. Стихование.* — М.: Просвещение, 2002. — 192 с.
5. Darling Julia. *The Taxi Driver's Daughter.* — Penguin Books Pub., 2004. — 264 p.

References

1. Arnol'd I. V. *Stilistika. Sovremennii angliiskii yazyk* [Stylistics. Modern English Language]. Moscow: Flinta; Nauka, 2002. 384 p. (rus)
2. Pushkin A. S. *Stihotvoreniya. Poemy* [Poetry. Poems]. Moscow: Pravda, 1984. 496 p. (rus)
3. *Roman Dzhulii Darling «Doch' taksista»: kommentarii* [The Taxi Driver's Daughter: comments]. Perm: Perm State University Publ., 2010. 46 p. (rus)
4. Chernets L. V., Semenov V. B., Skiba V. A. *Shkol'nyi slovar' literaturovedcheskikh terminov: Inoskazatel'nost' v Khudozh. rechi. Tropi. Stikhovedenie* [A dictionary of literary terms for schoolchildren: Allegory in artistic speech. Tropes. Prosody]. Moscow: Prosveshchenie, 2002. 192 p. (rus)
5. Darling Julia. *The Taxi Driver's Daughter.* Penguin Books Pub., 2004. 264 p.

УДК 008

РОЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ В ГУМАНИТАРНОМ ОБРАЗОВАНИИ

© **Базарова Баярма Баировна**

кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии ИФМК
Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: bbbazarova@mail.ru

В условиях нарастающей информатизации общества чтение явно стало отходить на второй план. Чтение литературы на языке оригинала призвано не только доставлять эстетическое удовольствие изучающему иностранный язык, но выполнять, помимо филологических задач, и роль посредника в межкультурном общении. Гуманизация образования требует от студента, изучающего иностранный язык, глубокого проникновения в культуру страны изучаемого языка, понимания нравственных и духовных ценностей народа этой страны, что можно охарактеризовать как сложную когнитивную деятельность. Адекватная межкультурная коммуникация возможна при адекватном понимании сходств и различий культур. Одним из путей реализации этих задач являются чтение и глубокий анализ современной художественной литературы на языке оригинала.

Ключевые слова: гуманитарный, образование, культура, когнитивная деятельность, преподавание литературы, интерпретация, английский язык, межкультурная коммуникация.

THE ROLE OF LITERATURE IN HUMANITIES TEACHING

Bayarma B. Bazarova

PhD, A/Professor, Department of English Philology, Institute of Philology
and Mass Communications, Buryat State University
24a Smolina St., Ulan-Ude 670000, Russia

The ignorance and lack of reading is a matter of much concern nowadays in the information society. Reading books in foreign languages is even more important for students learning those languages. In teaching English literature we want students not only enjoy aesthetically but also perceive the text and understand it as a philologist, a specialist in cross-cultural relations, which is a pure cognitive activity. Understanding cultural differences and similarities in British and Russian societies can be taught using good examples of contemporary British literature, analyzing and commenting on and interpreting some specific information.

Keywords: humanity, education, culture, cognitive activity, literature, teaching English, teaching English Literature, interpretation.

Язык признается существенной частью культуры. Необходимость изучения языков в неразрывном единстве с миром и культурой народов становится все более очевидной. Исследование культурного компонента слов является важным условием успешного овладения иностранным языком, однако, в свою очередь, он входит в более просторный круг культурно-исторических значений соответствующей социальной реальности, усвоение которой — важное условие использования языка как средства общения. Изучение национально-специфичной лексики приобретает особое значение, когда английский язык перешел из монокультурного в разряд поликультурного языка и стал фактически средством кодификации элементов других языков и

культур и устранения возникающего при межкультурной коммуникации номинативного дефицита [3]. Одним из источников освоения лексики изучаемого языка является художественный текст.

Проблема понимания литературного текста возникает в связи с использованием художественных текстов в процессе обучения иностранному языку. Современная литература играет важнейшую роль в изучении иностранного языка через восприятие аутентичных текстов, и изучение ее относится к числу центральных проблем на языковых факультетах, что реализуется на занятиях по домашнему чтению, при чтении книги по выбору студента (индивидуальное чтение). Эта проблема особенно актуаль-

на на старших курсах, когда студенты читают оригинальные англоязычные художественные произведения уже выполняя филологические задачи, а не только и не столько для «усвоения лексики». Чтение текста на иностранном языке происходит в условиях культурной дистанцированности, то есть реципиент сталкивается с картиной мира, представленной языковой личностью автора (персонажа) иной национальности — личности, владеющей иным культурным фондом и использующей свои формы реализации национального менталитета. В этом случае чтение иноязычного текста является общением посредством текста, наиболее типичным случаем межкультурной коммуникации.

В художественных текстах находят отражение все компоненты национально-специфической картины мира. Она представляется в виде культурно-прагматического пространства, включающего:

- окружающий мир, как видят его представители той или иной лингвокультурной общности;
- уклад жизни (быт) представителей этой общности;
- запас знаний (культурный фонд), которым владеет типичный представитель этой общности;
- представителей своей лингвокультурной общности, их самосознание и образ самих себя;
- представителей чужой лингвокультурной общности, образы и оценки «чужих» [5].

Наряду с наглядностью страноведческой информации в художественном тексте следует отметить ее имплицитный характер. Она как бы растворена в тексте, является его фоном [7], выражена незнаковыми (или проективными) способами: с помощью аллюзий, ссылок, неполного цитирования, переносного употребления имен и названий, путем создания ассоциаций, смыслового подтекста [6]).

В интерпретации одного и того же текста разными реципиентами часто наблюдаются значительные расхождения. Прежде всего это относится к художественным текстам, так как другие виды текстов (например, научные тексты) строятся так, чтобы быть однозначно понятыми читателем. Художественные же тексты даже предполагают различия в трактовке их смысла. Поэтому человек, воспринимающий текст, может создать для себя его собственную проекцию, которая коренным образом может отличаться как от проекций текстов других реципиентов, так и от авторского замысла.

Интерпретация текста, как известно, имеет давнюю историю, и этим так или иначе занимаются разные науки, в первую очередь герменевтика (подробнее см. [8] и др.). Как когнитивную деятельность представляет интерпретацию когнитивная лингвистика. Представители этого направления указывают на следующие специфические аспекты, присущие такому процессу [4]:

- интерпретация есть единство процесса, результата и установки;
- интерпретация есть целенаправленная когнитивная деятельность;
- интерпретируемость объекта есть возможность реконструкции построения с учетом социальной и личностной мотивации автора в том числе;
- реконструкция подразумевает создание значения (языкового и речевого);
- учитываются опорные пункты (слова, конструкции, мысли), на которые опирается интерпретатор; инструментами интерпретации могут выступать свойства конкретной речи, знания о свойствах речи, стратегии интерпретирования, организующие этот процесс;
- процедура интерпретации есть выдвижение и верифицирование гипотез о смысле всего выражения (или текста) в целом;
- интерпретация зависит от личностных аспектов интерпретатора, межличностных и интенциональных в том числе.

Указанные аспекты, как видим, подчеркивают не только комплексный характер текстопорождения и текстовосприятия и посредника между ними — текст (ср. др. подходы), но и целенаправленность когнитивной деятельности. Автор текста — понятие, которое, в свою очередь, тоже поддается интерпретации и реконструкции. Ср. термины «художественный мир писателя», «поэтический мир», «авторское начало» литературного произведения, концепт «автор литературного текста» как единица культуры (по [8]). В любом случае автор остается первичной текстообразующей категорией. Читатель в такой художественной коммуникации становится активным субъектом познания через созданный автором литературного текста фикциональный мир окружающей его реальности и новых сторон своего собственного «я», а объектом познания служит весь текст в системности всех сторон его содержания и формы [8]. Литературный герой становится объектом художественного познания, но и субъектом познания

тоже. И тогда, как пишет Е. А. Гончарова, «...многообразие и сложность субъектно-объектных отношений в оппозиции автор — персонаж ...можно обобщенно представить следующим образом: инвариантным гносеологическим признаком категории автор следует считать его субъектность, для категории персонаж подобным инвариантом гносеологического смысла является его объектность» [8, с. 234].

Что касается интерпретируемости художественного текста, то возможностей для реконструкции — попытки восстановления пути создания текста, как представляется, здесь больше. Ведь художественный текст — продукт креативной авторской деятельности, кроме того, «...в художественном тексте множественность интерпретаций обуславливается амбивалентностью поэтического языка, что программирует закономерные расхождения в понимании текстового смысла» [8, с. 271]. Более того, «на достоинства интерпретации художественного текста помимо демонстрируемых интерпретатором и достаточно легко учитываемых языковых компетенций влияют такие «ускользающие» от точного измерения факторы, как развитый художественный вкус, этический и эстетический опыт, чувство стиля и пр.» [8].

Интерпретация художественного текста влечет за собой рассмотрение множественности его разных уровней, планов, аспектов, текстовых и нетекстовых структур, этапов порождения/восприятия/понимания, повествовательных/интерпретативных стратегий и тактик, повествовательных инстанций и пр. [8]. Существующее множество методик лингвистического, литературоведческого и филологического анализа текста и расхождения не только в терминологии, но и в самих методиках подтверждают комплексный характер этого сложного когнитивного феномена. Вероятно, объединить результаты всех существующих лингвистических и литературоведческих исследований и выработать единую стратегию и терминологический аппарат в этой области сложно, возможно, за решением этой задачи будущее, когда антропоцентризм стал одной из ведущих черт современной науки и когда в рамках этой парадигмы когнитивная наука пытается дать объяснение сложным когнитивным феноменам.

Возвращаясь к заявленной теме, следует отметить, что работа с книгами, особенно авторов — наших современников, позволяет студентам совершенствовать свои знания английского

языка, понимать стилистические и эстетические особенности текста, научиться анализировать образцы прозы и поэзии как филолог. С точки зрения межкультурного общения чтение позволяет знакомиться со спецификой жизни британского общества, обнаруживая общее и специфическое. Знакомство с художественными произведениями серьезно влияет на представления русскоязычного читателя об этой стране, приближает, возможно, к философскому пониманию всей сложности человеческой истории через мировоззрение отдельных писателей, и не только в разрезе «инакости» чужой культуры, заставляет задуматься об особенностях своей культуры и о том, как «наши» писатели видят те или иные явления. Например, в этом отношении неординарно произведение Джулиана Барнза «История мира в 10 ½ главах» [9]. Как явствует из названия книги, это попытка автора представить историю человечества, но своеобразно, через отдельные рассказы от лица совершенно конкретных персонажей, но соотносящиеся тем или иным образом с известными событиями в истории человечества. Или другая книга «Белые зубы» [12], которую студенты читают с удовольствием, образец мультикультурного феномена современного мира. «Действие дебютной книги британки с ямайскими корнями разворачивается в Лондоне на протяжении полувека и затрагивает три семьи и три поколения. Однако временной отрезок, на котором фокусируется внимание писательницы, — с 70-х годов прошлого столетия по настоящее время. Это история с привкусом сатиры о друзьях времен Второй мировой войны — англичанина и бангладешца, истории их детей и знакомых. А вместе с этим — и панорама изменений западного мира постколониальной эпохи, ставящей вопросы о транснациональном лице будущего общества.» [1, с. 36]. На примере только упомянутых работ можно говорить о знакомстве с британской реальностью конца XX — начала XXI в., что важно для осознания стремительно меняющихся особенностей социальной, нравственной, культурной и психологической сути британской жизни, с одной стороны. С другой — ближе узнать литературные процессы, протекающие сегодня в Великобритании, например, как проявляет себя постмодернизм в английской литературе.

Говоря о сложностях понимания текста с точки зрения заложенной в нем информации, можно упомянуть еще об одном аспекте — со-

ставлении комментариев к художественным произведениям. Мы уже обращали внимание на вопрос о культурной дистанцированности иноязычного читателя. Для такого читателя неоценимую помощь может оказать, безусловно, социокультурный комментарий. Комментированию подвергаются в первую очередь фоновые знания. Сигнификативное использование фоновых знаний в художественном произведении актуализирует их, выступая в аксиологической функции. В результате порождается подтекст. Без понимания такого подтекста — дополнительного содержания, появляющегося в тексте, трудно говорить о полном понимании содержания. Поэтому в учебной ситуации особенно важны специальные комментарии для экспликации фоновых знаний как относительно автора произведения, так и (особенно) относительно содержания самого произведения, усиливая коммуникативно-прагматическую и социокультурную значимость фоновых знаний. Кстати, к упомянутым выше книгам имеются комментарии, составленные под редакцией профессора Карен Хьюитт, в которых содержится биографический, контекстовый, литературно-критический материал, а также комментарии относительно содержательных, языковых и стилевых особенностей произведений. Тем не менее, безусловно, не все культурно-маркированные единицы подвергаются комментированию и для студента могут остаться «темными» местами.

Так, например, предметы гардероба могут нести определенную информацию: *dakshiki* — цветастая африканская рубашка с длинными рукавами, которая надевается через голову и имеет v-образный разрез горловины, популярна среди хиппи. В описании одного из героев упомянутого произведения встречается: «*underneath the dakshiki he was at heart a good middle-class boy, instilled with respect for his elders*», давая представление не только о внешнем облике человека, но и возможность предположить о его принадлежности к определенной субкультуре. Явную принадлежность к определенной молодежной субкультуре демонстрирует описание еще одного героя в ботинках *winkle-pickers*, которые были характерным атрибутом людей, увлекающихся рок-н-роллом. Другой вид ботинок, *Chelsea boots*, указывает на то, что молодой человек не гнался за модой, так как в годы, о которых идет повествование, эта обувь уже практически не носилась молодыми людьми.

Даже несущественная деталь, если обратить на нее внимание, может нести дополнительную информацию. Так, во второй главе книги действие разворачивается в 1984 году, здесь встречается упоминание некоего предмета *Tomytronic*: «*Millat pulled his Tomytronic down around his neck <...>*». *Tomytronic 3D* — это переносное игровое устройство, снабженное ремешком для того, чтобы играющий мог носить его на шее между играми. *3D* появилось в 1983 г. и было первым специализированным домашним видеоаудиоустройством *3D*-формата. Таким образом, зная, что это устройство появилось не более чем год назад, можно прийти к выводу, хотя материальное положение семьи не было лучшим, что сына явно баловали.

Для более полного восприятия произведения важна и информация, касающаяся институционального устройства, например, особенностей системы образования. Так, в тексте встречается понятие «*night school*»:

«*Clara was in night school three days a week (courses: British Imperialism 1765 to the present; Medieval Welsh Literature; Black Feminism)...*»

В российской действительности существует понятие «вечерняя школа», однако в России это школа, где учатся взрослые, которые по каким-либо причинам не смогли получить полное среднее образование в свое время, тогда как английская *night school* предполагает обучение взрослых, ориентированных на личностное обогащение или повышение квалификации по работе, но не могут посещать дневные курсы ввиду занятости. Вечерняя школа для взрослых обычно состоит из различных элективных курсов: танцы, декоративно-прикладное искусство, основы информационной культуры, мастер-классы по приготовлению пищи и др.

Язык, регистрируя все изменения в жизни общества, накапливает культурно-специфическую информацию. Для читателя, который не является носителем языка и культуры другой страны, восприятие перегруженного культурно-маркированной лексикой текста является сложным. Изучение фоновых знаний, объективных способов выделения культурного компонента значения является важной задачей, так как включение в лингвистический анализ социального измерения дает возможность глубже проникнуть в саму природу языка, полнее выявить условия его функционирования и динамику его развития, позволяет представить в новом свете картину языка как общественного явления.

Литература

1. Бадмаева В. Н. Роль культурно-маркированной лексики в тексте романа *White teeth* Зэди Смит. — Улан-Удэ, 2013. — 72 с.
2. Гришаева Л. И. Описание межкультурного взаимодействия коммуникантов на основе когнитивно-дискурсивного подхода к изучению языка // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: сб. в честь Е. С. Кубряковой. — М.: Языки славянских культур, 2009. — С. 93–112.
3. Кохан Н. А. К вопросу о перспективе динамики национально-культурного компонента // Актуальные проблемы современной науки: труды III Междунар. форума. Ч. 37. Иностранные языки. — Самара: Изд-во Самарского гос. техн. ун-та, 2007.
4. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова [и др.]; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. — М., 1996.
5. Сорокин Ю. А., Марковина И. Ю. Культура и ее этнопсихологическая ценность // Этнопсихоллингвистика / Ю. А. Сорокин [и др.]; отв. ред. и авт. предисл. Ю. А. Сорокин. — М.: Наука, 1988.
6. Суринова Е. А. Формирование литературных фоновых знаний как компонента иноязычной культуры в практическом курсе языка (англ. яз., языковой вуз, 1 курс): автореф. дис. ... канд. пед. наук. — Орел, 2001.
7. Чернявская Т. Н. Приемы создания и использования текстовых материалов учебника русского языка для иностранцев в лингвострановедческих целях: автореф. дис. ... канд. пед. наук. — М., 1983.
8. Щирова И. А., Гончарова Е. А. Многомерность текста: понимание и интерпретация: учеб. пособие. — СПб.: Книжный Дом, 2007. — 472 с.
9. Barnes Julian. *A History of the World in 10 ½ Chapters*. Vintage, U. K. Random House, 2009. 310 p.
10. Footpath. *Journal of Contemporary British Literature in Russian Universities*.
11. Hewitt Karen. *Understanding English Literature*. Perspective Publications Ltd., published in Perm, Russia, 1997, 2008. 275 p.
12. Smith Zadie. *White teeth*. Penguin Books Ltd., 2000. 542 p.

References

1. Badmaeva V. N. *Rol kulturno-markirovannoy leksiki v tekste romana White teeth Zadie Smith* [The role of culture specific vocabulary in *White teeth* by Zadie Smith. Graduate work]. Ulan-Ude, 2013. 72 p. (rus)
2. Grishaeva L. I. *Opisanie mezhkulturnogo vzaimodeystviya kommunikantov na osnove kognitivno-diskursivnogo podkhoda k izucheniyu yazyka* [Description of cross-cultural relations of communicators on the base of cognitive-discursive approach to language study]. *Prospects of contemporary linguistics*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, 2009. Pp. 93–112. (rus)
3. Kokhan N. A. *K voprosu o perspective dinamiki natsionalno-kulturnogo komponenta* [On the problem of ethnic cultural component]. 'Actual problems of contemporary science' Proc. 3d International Forum. Part 37. Samara: Izd-vo Samarskogo st. tech. univ., 2007. (rus)
4. Kubryakova E. S., Demjankov V. Z., Pankrats Yu. G., Luzina L. G. *Kratki slovar kognitivnykh terminov* [Concise dictionary of cognitive terms]. Moscow, 1996. (rus)
5. Sorokin Yu. A., Markovina I. Yu. *Kultura i jeho etnopsikhologicheskaya tsennost* [Culture and its ethnopsychological value]. *Ethnopsycholinguistics*. Moscow: Nauka, 1988. (rus)
6. Surinova E. A. *Formirovaniye literaturnykh fonovykh znaniy kak komponenta inoyazychoy kultury v prakticheskom kurse yazyka: avtoreferat dis... kand. ped. nauk* [Formation of literary background knowledge as part of a foreign culture in foreign language studies. Cand. thesis abstr.]. Oryol. 2001. (rus)
7. Chernyavskaya T. N. *Priomy sozdaniya i ispolzovaniya tekstovykh materialov uchebnika russkogo yazyka dlya inostrantsev v lingvostranovedcheskikh tselyakh: avtoreferat dis. ... kand. ped. nauk* [Ways of preparing materials and using the textbook of Russian for foreign students for purpose of culture studies. cand. thesis abstr.]. Moscow. 1983. (rus)
8. Shchirova I. A., Goncharova E. A. *Mnogomernost teksta: ponimaniye i interpretatsiya* [The complex character of a text: understanding and interpretation]. Saint-Petersburg: Knizhny Dom, 2007. 472 p. (rus)
9. Barnes Julian. *A History of the World in 10 ½ Chapters*. Vintage, U. K. Random House, 2009. 310 p.
10. Footpath. *Journal of Contemporary British Literature in Russian Universities*.
11. Hewitt Karen. *Understanding English Literature*. Perspective Publications Ltd., published in Perm, Russia, 1997, 2008. 275 p.
12. Smith Zadie. *White teeth*. Penguin Books Ltd., 2000. 542 p.

УДК (911.111 + 811.161.1)'25

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ПРОТОТИПИЧЕСКИХ И НЕПРОТОТИПИЧЕСКИХ КАУЗАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ С АНГЛИЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК

© **Баяртуева Елена Петровна**

кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии
Института филологии и массовых коммуникаций
Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6
E-mail: kandidat2002@inbox.ru

© **Тимофеева Елизавета Михайловна**

студент-магистрант Института филологии и массовых коммуникаций
Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6
E-mail: elizavetatimofeeva.92@mail.ru

В рамках данного исследования рассматриваются основные виды прототипических и непрототипических каузативных конструкций, особенности их структуры и способов выражения. Особое внимание уделяется проблемам перевода различных типов каузативных конструкций с английского языка на русский, поскольку различия способов выражения каузативно-следственных отношений в английском и русском языках, их репрезентация и особенности структуры могут вызывать значительные трудности при переводе.

Ключевые слова: каузативность, прототипические каузативные конструкции, непрототипические каузативные конструкции, причинно-следственные отношения, переводческая трансформация, средства выражения, форма выражения.

SOME PECULIARITIES OF PROTOTYPICAL AND NON-PROTOTYPICAL CONSTRUCTIONS TRANSLATION FROM ENGLISH INTO RUSSIAN

Elena P. Baiartueva

PhD, A/Professor Institute of Philology and Mass Communication, Buryat State University
6 Ranzhurova St., Ulan-Ude 670000, Russia

Elizaveta M. Timofeeva

Graduate Student of Institute of Philology and Mass Communication,
Buryat State University
6 Ranzhurova St., Ulan-Ude 670000, Russia,

The article is devoted to the study of major models of prototypical and non-prototypical constructions, their types, structures and modes of expression. Particular attention is paid to the problems of different types of causative constructions translation from English into Russian, as the differences in expressing causative-consecutive relations, their representation and structural features in the English and Russian languages cause considerable difficulties in translation.

Keywords: causation, prototypical causative constructions, non-prototypical causative constructions, causative-consecutive relations, translation, transformation, means of expression, form of expression.

Последние десятилетия в центре внимания лингвистов находятся особенности представления когнитивных структур в языке. Явление каузативности представляет в этом отношении особый интерес, поскольку является одной из центральных когнитивных структур человеческого сознания. Изучение структурных, семан-

тических и функциональных особенностей каузативной ситуации представлено в работах многих отечественных и зарубежных ученых [Dowty 1979; Арутюнова 1980; Мельчук 1984; Parsons 1990; Pustejovsky 1991; Hale 1993; Kratzer 1996; Потапенко 2003; Lakoff 2003; Ковалева 2009; Truswell 2011, Баяртуева 2013; 2014 и др.].

Особую актуальность проблема каузативности и способов ее выражения приобретает в сфере перевода, поскольку различия в способе репрезентации каузативной ситуации в разных языках может вызвать значительные трудности при переводе. Однако в настоящий момент в научной переводческой литературе каузативность редко рассматривается как самостоятельное явление, хотя, как показывает наша практика, студенты, не умея правильно выделять и структурировать каузативную ситуацию в тексте оригинала, допускают достаточно серьезные ошибки в переводном тексте, что влечет за собой искажение смысла и всей описываемой ситуации.

Как функционально-семантическая категория каузативность начинает активно изучаться с появлением теории функциональной грамматики. В целом в рамках функциональной грамматики в качестве основных функционально-семантических категорий рассматриваются категории посессивности, времени, пространственных отношений, числа. Наряду с ними выделяется и каузативность как одна из универсальных функционально-семантических категорий [3]. Категория каузативности находит свое выражение на разных уровнях языковой системы, что свидетельствует о сложности данного явления.

Понятийное содержание каузативности и способы ее выражения в языке представляются важными для изучения, что не удивительно, если учитывать первоочередную значимость причинных отношений в человеческой жизни [3].

В нашей речи мы не только констатируем положение дел, но и выявляем определенные причины, предшествующие какому-то результату действий. Выстраивание подобных цепочек взаимосвязи определенных событий интерпретируется в лингвистике как выражение каузативных отношений [4].

Различные исследователи по-разному характеризуют явление каузации. Так, Г. А. Золотова определяет каузативность как «выражение причинно-следственных отношений, в которых воздействие субъекта или события вызывает действие, состояние, изменение качества другого субъекта» [4]. Как мы видим, главный акцент в этом определении делается на характер взаимодействия двух субъектов, участвующих в каузативном процессе, в результате которого возникает связь между действием одного субъекта и

состоянием другого. Например: *Врач лечит больного — Больной выздоравливает.*

Каузативность как языковое явление выражается с помощью различных каузативных конструкций, которые отражают определенную каузативно-следственную ситуацию [6]. Прототипическая модель каузативно-следственной ситуации может быть представлена следующим образом: $(A+Ac) \Leftrightarrow (PS1 PS2)$, где $(A+Ac)$ — Субъект воздействия (каузации); A — агенс, или источник воздействия, Ac — действие, деятельность Агенса или происходящий в нем процесс; $\Leftrightarrow$ — причинно-следственная связь (с одной стороны, каузативное воздействие Субъекта, направленное на изменение состояния Объекта; с другой — сопротивление/нежелание Объекта подвергаться каузирующему воздействию Субъекта); $(P+SI \rightarrow P+S2)$ — каузируемый Объект, где P представляет собой Пациенс, $S1$ — первоначальное состояние Пациенса, или предмета, на который воздействует Субъект, а $S2$ — состояние, которое получает Пациенс в результате воздействия Субъекта [2].

В рамках каузативно-следственной ситуации, как видно из описания прототипической модели, особую значимость имеет Субъект каузации, который может иметь различные характеристики.

Л. М. Ковалева выделяет следующие виды Субъекта каузации [5]:

1) Эксплицитный — имплицитный (неопределенный, скрытый):

He has constructed a theory (Lakoff 2003: 53). В данном предложении присутствует эксплицитный Субъект (*he*), который непосредственно совершает действие.

She has had her handbag stolen [5]. В данном предложении присутствует имплицитный субъект (Субъект 2), который совершил действие (вор украл сумку).

2) Преднамеренный — непреднамеренный:

В данном случае речь идет о наличии/отсутствии интенций в действиях Субъекта. Так, в рассматриваемом выше предложении *She has had her hand bag stolen* Субъект каузации *she*, с одной стороны, является непреднамеренным, так как он прямо не сделал ничего для появления новых событий. Однако есть какая-то доля его вины в том, что они совершились (она была невнимательна и допустила, чтобы у нее украли сумку); в то время как имплицитный Субъект (вор) является преднамеренным.

3) Иницирующий (непрямой) — действующий (прямой):

Так, в предложении *Hitler killed the Jews* [5]. *Hitler* является иницирующим субъектом, однако производитель действия (действующий субъект) в предложении не указан. Т. е. мы видим только имя того человека, который инициировал действие, а не выполнял его.

Кроме выделяемых типов каузатора важное значение имеет способ их выражения, который демонстрирует предметно-событийные характеристики Субъекта. По способу презентации Субъекта, соответственно, Л. М. Ковалева выделяет следующие типы актанта (субъекта) [6]:

1) Личностный актант: *Mary kills her husband* [5].

2) Событийный актант: *A shot through an open window kills a woman* [5].

3) Предметный актант: *It's hard to believe that a tree can develop from a small seed* [5].

Следует отметить, что только личностный Субъект может быть иницирующим и преднамеренным.

Соответственно, принимая во внимание различные типы Субъекта и виды связи между Субъектом и Объектом каузации, способы воздействия Субъекта на Объект и другие факторы, можно выделить виды каузации, основанные на следующих оппозициях:

1) *Прямая (или непосредственная) каузация — косвенная каузация.*

При прямой каузации между причиной и следствием нет промежуточных причинных связей, а при косвенной они есть: здесь следствие каузируется не самой причиной, а неким фактом, который был каузирован причиной, возможно, даже в несколько шагов.

Интересно, что выбор говорящим смысла каузировать «прямо» или «косвенно» может быть субъективен: он определяется тем, насколько подробно он анализирует факты действительности. Так, один говорящий может считать непрекращающиеся дожди прямой причиной наводнения, в то время как другой усматривает здесь дополнительную промежуточную причинную связь: дожди вызвали повышение уровня воды в реке, а уже это повышение стало причиной наводнения [8].

Рассмотрим примеры:

А. *Иван уехал из упрямотва* [8], то есть упрямотво подвигло его на отъезд (прямая каузация).

Б. *Иван уехал из-за своего упрямотва* [8].

В данном случае отъезд был вызван последствиями упрямотва Субъекта, но в отношении чего-то другого, а не собственного отъезда [8].

Как отмечает Дж. Лакофф, именно прямая каузация является прототипической, а косвенная таковой не является [9].

2) *Контактная каузация — бесконтактная каузация.*

В данном случае имеется в виду контакт между причиной и субъектом следствия. При этом термин «контакт» понимается широко и включает в себя как физический, так и психический контакт [8].

3) *Преднамеренная каузация — непреднамеренная каузация.*

При преднамеренной каузации действие осуществляется целенаправленным действием Субъекта. Например, *Петр убил свою жену ножом* [7]. При непреднамеренной каузации действие не направлено на достижение полученного результата: *Петр нечаянно задел курок и застрелил свою жену* [7].

М. Я. Блох также выделяет каузацию состояния (действия), которое только инициировалось Субъектом: *Петр сполл хозяйского сына* [7].

4) *Фактитивная и пермиссивная каузация.*

При фактитивной каузации первоисточником или единственным источником изменений является каузирующий Субъект: *я велел ему прийти, я позвал его, я закрыл дверь* [7]. При пермиссивной каузации первоисточником изменений является каузируемый Субъект, и роль каузирующего Субъекта сводится к допущению этих изменений или препятствованию им: *я разрешил ему прийти, я не впустил его, он не дал двери закрыться* [7].

В прототипических каузативных конструкциях Субъект выражен эксплицитно, он напрямую воздействует на Объект, при этом Субъект является прямым.

В непрототипических каузативных конструкциях Субъект может быть выражен имплицитно, и/или он косвенно воздействует на Объект каузации. Случаями вторичной формы каузации могут являться пассивные конструкции, обобщенный Субъект и т. д.

К первичной форме выражения каузации можно отнести следующие прототипические каузативные конструкции:

А. Простые конструкции

I gave him a book — Я дал ему книгу.

При переводе на русский язык такого вида каузации трудностей не возникает. Конструкция

переводится простой конструкцией, т. е. осуществляется пословный перевод.

Б. Аналитические конструкции

1) Конструкция глагол в Past Simple + причастие II.

He slammed the door closed — Он захлопнул дверь [5].

В данном случае каузирующее действие эксплицируется, а причастие II вместе с каузируемым Объектом обозначает каузируемое состояние. Данная конструкция несет в себе семантику преднамеренной инициации состояния или действия Объекта. В связи с тем, что данной конструкции в русском языке нет, ее можно перевести простой каузативной конструкцией, применив прием опущения. Так, в рассматриваемом примере глагол *захлопнуть* несет в себе семантику английских глаголов *slammed* и *closed*. При этом при переводе ни вид каузации (прямая, преднамеренная, фактитивная), ни вид Субъекта (эксплицитный, действующий, преднамеренный) не меняются.

В некоторых случаях при переводе возможна лексическая замена (*kicked* — ногой):

He kicked the hatbox closed — Он ногой закрыл коробку, в которой лежала шляпа [5].

2) Глагол в Past Simple + into + doing smth.

She talked me into doing a week's holiday — Она уговорила меня взять отпуск на неделю [5].

В данных оборотах эксплицируется способ инициации действия: «manipulate smb into doing smth». Таким образом, в предложении представлен иницирующий Субъект, который сохраняется при переводе. Поскольку в русском языке подобные конструкции также отсутствуют, на русский язык они переводятся с помощью синтаксических трансформаций — использования инфинитивного оборота, а также с помощью лексической трансформации (*talked* — уговорила).

3) Конструкция *have/get + причастие II* [5].

She has her hair cut — Ей постригли волосы [5].

Данная конструкция категоризует сложную ситуацию с двумя или более участниками. Субъект 1 (иницирующий субъект) в позиции подлежащего иницирует преднамеренное действие Субъекта 2 (имплицитный субъект) — производителя действия, который обычно не эксплицируется в данной синтаксической структуре. Таким образом, предложение является примером косвенной каузации. Конструкция переводится с помощью синтаксической транс-

формации: предложение становится неопределенно-личным. В переводном предложении Субъект отсутствует. Также меняется форма глагола: в переводе он имеет форму прошедшего времени множественного числа: *She is having her teeth fixed* — Сейчас ей лечат зубы [5].

Так как данной каузативной конструкции также не существует в русском языке, то при переводе следует использовать синтаксическую трансформацию. Вся конструкция заменяется на простой предикат *лечат*, имеющий форму множественного числа. Эта форма позволяет выразить наличие имплицитного Субъекта действия.

4) Конструкция *N + get + oneself + причастие II*

He got himself invited — Он добился, чтобы его пригласили [10].

Посредством данной конструкции носители английского языка категоризуют такие каузативные ситуации, которые оказываются косвенно полезными или вредными для Субъекта каузации. В русском языке данное значение передается путем использования придаточного предложения, т. е. с помощью такой синтаксической трансформации, как внутреннее членение предложения или посредством осуществления комплексной категориально-синтаксической (*shot* — на пулю) и лексической (*get* — нарваться) трансформации, как в следующем предложении: *You can get yourself shot* — Ты можешь нарваться на пулю [10].

5) *Get/have + (to) Infinitive*.

The view is not quite so innovative as McCawley would have us believe [5] — Такой взгляд на вещи не является настолько инновационным, как МакКоули *пытается нас убедить*.

Таковыми конструкциями категоризуются причинно-результативные ситуации с иницирующим Субъектом. В действиях инициатора в конструкции с *have* выражается просьба, а с *get* — более настойчивая каузация (уговаривать, добиваться). Конструкция переводится с помощью лексической трансформации (*have* — *пытается*).

6) Конструкции с глаголом *make*.

I make him work for me — Я заставил его работать на меня [5].

Данная конструкция не вызывает трудностей при переводе. Иницирующий Субъект I сохраняется в переводном тексте.

К вторичной форме выражения каузации относятся непрототипические каузативные конструкции. Можно выделить следующие каузативные конструкции.

А. Пассивные конструкции

The credit was not granted until early March — Кредит был выдан лишь в начале марта [5].

Употребление пассивных конструкций более типично для английского языка.

Отличие пассивных и активных конструкций заключается в фокусировке: в активных конструкциях действие рассматривается с точки зрения Субъекта, а в пассивных — с точки зрения результата.

В данном случае часто используется антонимический перевод, который является вариантным соответствием буквального (ср.: *кредит не был выдан до начала марта*). Переводчик выбрал антонимический перевод, так как дословный перевод «утяжеляет» предложение, делает его более сложным для восприятия.

Кроме антонимического, при переводе пассивных конструкций могут использоваться лексические трансформации. Так, при переводе предложения *Orders and requests are written like any other business letters* — Заказы и просьбы оформляются подобно любым другим деловым письмам [10] пассивная конструкция *are written* заменяется на возвратный глагол *оформляются*. В результате меняются субъектно-объектные отношения. Данная замена является оправданной, так как возвратный глагол в русском языке несет в себе сему пассивности, и глагол *оформляются* является вариантным соответствием делового стиля.

Б. Инфинитивные конструкции

The tendency was for the inflation rate to gradually decline — Наблюдалась тенденция к постепенному уменьшению уровня инфляции [10].

Так как в русском языке предикативных конструкций не существует, при переводе применяется межуровневая синтаксическая трансформация, когда предикативная конструкция переводится посредством предложной именной группы.

В. Каузативные конструкции с обобщенным субъектом

Данная структура по своей форме является активной, однако во внутренней структуре предложения наличествует обобщенный иницирующий событийный Субъект: *The inflation rate grows* — Уровень инфляции растет [10]. Как видно из приведенного примера, каузативная конструкция с обобщенным Субъектом характерна как для английского, так и для русского языков.

Д. Контекстуальные каузативы

Her bed wasn't slept in — Ее постель не смята [10].

Некаузативный глагол *sleep* в предложении оригинала приобретает значение каузативного и, соответственно, форму пассивного залога и сочетаемость с предлогом *in*. При переводе используется метонимический перевод, когда причина переходит в следствие.

Рассмотрев основные прототипические и непрототипические каузативные конструкции и особенности их перевода с английского языка на русский, можно утверждать, что наибольшие трудности при переводе вызывают непрототипические конструкции. При этом анализ переводческой литературы показывает, что основное внимание при обучении теории и практике перевода в вузах уделяется особенностям перевода прототипических каузативных конструкций, в большинстве случаев — простым конструкциям.

Мы, в свою очередь, считаем, что более системное изучение каузативных конструкций, как это представлено в статье, будет способствовать не только более глубокому общетеоретическому осмыслению феномена каузации, но и практической цели подготовки переводчиков.

Литература

1. Баяртуева Е. П. О соотношении каузативно-следственных отношений и семантической структуры создания/уничтожения (на материале современного английского языка) // Вестник ИГЛУ. — № 4(25). — Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2013. — С. 95–102.
2. Баяртуева Е. П. Изменение: результат vs (по)следствие (понятийный аспект) // Вестник ИГЛУ. — № 1 (26). — Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2014. — 221 с.
3. Дадуева Е. А. Функционально-семантическая категория каузативности в русском и бурятском языках. — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011. — 126 с.
4. Золотова Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка. — М.: Изд-во Ин-та русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2004. — 544 с.
5. Ковалева Л. М. Английская грамматика: от предложения к слову. Ч. 1. Пропозиция. — Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2006. — 169 с.
6. Ковалева Л. М. О когнитивных категориях пропозитивного конституента предложения. — Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2009. — С. 9–20.
7. Когнитивные категории в синтаксисе: кол. монография / под ред. Л. М. Ковалевой. — Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2009. — 249 с.

8. Мельчук И. А., Иорданская Л. Н. Смысл и сочетаемость в словаре. — М.: Языки славянских культур, 2007. — 510 с.

9. Lakoff G. Women, Fire and dangerous things. — Chicago: The University of Chicago Press, 1984. — 614 p.

10. Слепович В. С. Курс перевода (английский — русский язык). — М.: ТетраСистемс, 2004. — 318 с.

References

1. Bayartueva E. P. *O sootnoshenii kauzativno-sledstvennyh otnoshenij i semanticheskoy struktury sozdaniya/unichtozhenija (na materiale sovremennogo anglijskogo jazyka)* [Concerning the correlation of causative consecutive relations and making destruction semantic structure in English]. Irkutsk: ISLU Publ., 2013. Pp. 95–102.

2. Bayartueva E. P. *Izmenenie: rezul'tat vs (po)sledstvie (ponjatijnyj aspekt)* [Change: Result VS Consequence (Terminology aspect)]. *Vestnik IGLU - Bulletin of ISLU*. 2014. No 1. 221 p.

3. Dadueva E. A. *Funkcional'no-semanticheskaya kategorija kauzativnosti v russkom i burjatskom jazykah* [Functional and semantic categories of causality both in Russian and Buryat languages]. Ulan-Ude: BSU Publ., 2011. 126 p.

4. Zolotova G. A. *Kommunikativnaja grammatika russkogo jazyka* [Communicative Grammar of Russian language]. Moscow: The V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences. 2004. 544 p.

5. Kovaleva L. M. *Anglijskaja grammatika: ot predlozhenija k slovu. Chast' 1. Propozicija* [English Grammar: From the Sentence to the Word. Part 1. Proposition]. Irkutsk: ISLU Publ., 2006. 169 p.

6. Kovaleva L. M. *O kognitivnyh kategorijah propozitivnogo konstituenta predlozhenija* [Concerning cognitive categories of propositive constituency in the sentences]. Irkutsk: ISLU Publ. 2009. Pp. 9–20.

7. *Kognitivnye kategorii v sintaksise: kol. monografija* [Cognitive Categories in Syntax]. Irkutsk: ISLU Publ., 2009. 249 p.

8. Mel'chuk I. A., Iordanskaja L. N. *Smysl i sochetaemost' v slovare* [The meaning and compatibility in the dictionary]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2007. 510 p.

9. Lakoff G. Women, Fire and dangerous things. Chicago: The University of Chicago Press, 1984. 614 p.

10. Slepovich V. S. *Kurs perevoda (anglijskij - russkij jazyk)* [Translation Course. English - Russian]. Moscow: TetraSystems, 2004. 318 p.

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ МЕТАЯЗЫКА БРИТАНСКОЙ ИНТОНОЛОГИИ

© *Будажапова Сэсэгма Владимировна*

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков филологического направления Бурятского государственного университета Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: sesegbud@list.ru

Статья посвящена историческому обзору и анализу метаязыка описания сверхсегментных единиц, используемых британскими интонологами, начиная от истоков зарождения фонологии до современности. Автор рассматривает категориально различные подходы к тонетической транскрипции, предложенные британскими фонетистами, а также анализирует их вклад в решение проблем нисходящих тонов в нетерминальных синтагмах и семантической функции интонации.

Ключевые слова: интонология, метаязык, фонология.

DEVELOPMENT OF INTONOLOGY METALANGUAGE IN BRITAIN

Sesegma V. Budazhapova

PhD, A/Professor of the Foreign Languages Chair, Buryat State University
24a Smolina st., Ulan-Ude 670000, Russia

The article reviews and analyzes the metalanguage used by prominent British linguists in their research into suprasegmental units. The author regards different approaches to the transcription of tone, suggested by British phoneticians. The article also discusses their contribution into the solution of the following problems: falling tones in non-terminal syntagms and semantic function of intonation. Keywords: intonology, metalanguage, phonology.

В современной интонологии у разных авторов используется различный арсенал сверхсегментных средств (и соответствующих терминов), что, естественно, не может не вызвать вопрос «Сколько же сверхсегментных единиц требуется для полностью адекватного описания данного слоя языка?».

Пионерами сверхсегментного анализа речи были английские и американские интонологи. Следует сразу же обратить внимание на то, что традиции интонологического анализа оказались в достаточной степени разными.

История исследования английской интонации началась в конце XVIII в., когда Джон Уокер, фонетист, и специалист по художественному чтению, издатель одного из первых словарей произношения английского языка (1791), описывал тоны английской речи (как составные части контуров), куда, соответственно, причислялись ровные, восходящие, нисходящие, нисходяще-восходящие и восходяще-нисходящие:

— / \ v ^

Д. Уокер был учителем А. Белла, который, в свою очередь, естественно, использовал систему обозначения Д. Уокера и написал книгу «Основы речи» (1863) [1]. Шотландец по происхожде-

нию, А. Белл провел достаточно долгое время в США и получил всемирную известность благодаря изобретению телефона, основав первую телефонную компанию. Однако его интересы были гораздо более широкими, нежели собственно акустические проблемы. Именно А. Белл преподавал фонетику Г. Суиту [2].

Г. Суит в своих книгах «Учебник фонетики» (1877), «Практическое изучение языков» (1899), «Язык в историческом аспекте» (1900), «Введение в фонетику» (1906) четко заявил о возможности описания качества голоса, характеризуя различные резонаторы речевого аппарата. В своей первой книге «Учебник фонетики» он пишет, что «наряду с различными модификациями удара, тона и т. д. в том или ином предложении может преобладать глоттальное, фарингальное или ротовое качество голоса» [3, с. 97]. По-видимому, именно знакомство с А. Беллом привило интерес Г. Суита к акустической фонетике, поэтому нет ничего удивительного в том, что большинство современных лингвистов считают Г. Суита законодателем в области фонетики. Обращение к его работам, действительно, показывает, что многие так называемые «модные» открытия уже были сделаны

Г. Суитом. Можно также, по-видимому, сказать, что он первым установил различие между природными качествами голоса и производными, т. е. теми, которые возникают в результате сознательного изменения положения органов речи. В его работах мы находим и различие между нормальной работой речевого аппарата и его патологией. Так, например, некоторые небные дефекты могут привести к постоянной гнусавости голоса, а слишком большая масса языка может быть причиной горлового или глоточного оттенка звука.

То, что Г. Суит уже начинает исследование проблемы патологии голоса, в большой степени связано с его убеждением, что стандарт произношения — это всего лишь абстракция и обобщение индивидуальных голосов. С другой стороны, он придает большое значение артикуляционной базе языка (organic basis).

В целом ряде случаев он высказывает идеи, которые звучат явно современно, как, например, о длительности как компоненте ударения в английской речи. Или о том, что ни один из языков мира не основывается на однаправленной артикуляционной базе или о явно положительном характере слабой назализации звука и т. д. и т. п. У него же мы видим зачатки исследования комплексных тембров в разделе «Качества голоса», как, например, при пояснении, что он понимает под различным положением губ и челюстей. Любопытно, что, характеризуя малый раствор рта и нейтральное положение губ, он упоминает и появление особого звучания при предельной выраженности охарактеризованных признаков на низком тоне, которые он называет «замогильным голосом» (sepulchral tone), что фактически совпадает с нашей характеристикой трагического тембра. Приводит он и «простые» качества голоса, причем оригинальной выглядит попытка включения качеств голоса в сегментный ряд звуков (у других фонетистов она просто не встречается). Если принять его оригинальную транскрипцию звуков, такое включение качеств голоса представляется вполне логичным. Так же как это делается и в нашей тонетической транскрипции, качество голоса (несмотря на то что это сверхсегментное явление) можно было бы фиксировать в начале окрашенного соответствующим тембром отрезка речи и в его конце. В данном случае сверхсегментные явления не выбивались бы в отдельный ряд и не нарушали бы ‘обычной печати’.

Приведем соответствующую классификацию качеств голоса Г. Суита в его транскрипции:

- VII = clear quality.
- Λ) = dull quality.
- f = nasality.
- T = wheeziness.
- (= guttural quality.

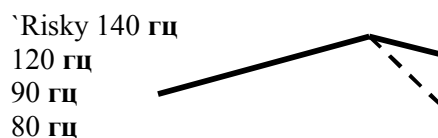
Относительно небольшое количество качеств голоса (по сравнению с более поздними классификациями: от 33 и выше) ни в коей степени не умаляет широту фонетических интересов Г. Суита, именно она и дает нам основание действительно считать его родоначальником английской фонетики. На этом фоне довольно скромно представлены изменения английской мелодики. Г. Суит различает ровные, восходящие и нисходящие тоны и комбинации тонов. Если комбинации тонов практически ничем не отличаются от тех, что мы встречаем позднее у Р. Кингдона: составной восходящий тон — v(compound rising) и составной нисходящий тон — Λ(compound falling), то простые тоны представлены им довольно оригинально:

- Ровный (level) _
- Восходящий (rising) ' r
- Нисходящий (falling) ' J.

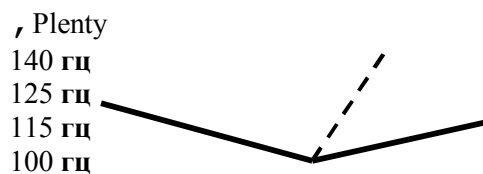
Что касается интерпретаций тонов, то у Г. Суита они совпадают с наиболее общепринятыми: ровный тон — это медитация, задумчивость; восходящий тон — это вопрос или сомнение; нисходящий тон употребляется преимущественно в ответах, командах и категорических утверждениях.

Если верхние знаки фактически ничем не отличаются от тех, что употребляются у Р. Кингдона, то нижние знаки, которым Г. Суит придает особое значение, совершенно не соответствуют реальным акустическим рисункам этих тонов. Другими словами, форма простых тонов не так проста, как об этом свидетельствует их название, но, конечно же, никаких геометрических фигур эти тоны не образуют. При удлинении слов от одного слога до двух и более акустический рисунок будет несколько иным [4].

Падение на самом деле становится подъемом-падением:

Низкий подъем на самом деле становится падением-подъемом:

Даже на основании приведенных графиков движения высоты голоса можно легко убедиться, насколько прав Г. Суит в отношении длительности как компонента ударения: гласный [I] оказывается под ударением не таким уж кратким, если [tI] оказывается по длительности равным [len] (правда, в позиции подъема № 2) [I] тоже не такой уж краткий.

Что же касается значений тонов, то Г. Суит проявляет в этом смысле определенную осторожность. Однако в отношении ровного тона он говорит о «задумчивости», которая никак не может быть лишена определенной тембральной окраски, в случае же вопроса он упоминает также и «удивление», а это уже явная эмоция или по крайней мере сложное чувство, а падение, по его мнению, связано не только с ответом, но и с категорическим утверждением, то есть данный тон определенно связан с эмфазой. Таким образом, уже в данной (хотя и минимальной) функциональной системе мы видим вторжение в эмоциональную сферу, что впоследствии стало буквально бичом интерпретаций тонов, что и дало Г. Пальмеру повод позднее сомневаться в решении данной проблемы, то есть корреляции тонов и их значений.

Обращаясь к ставшей весьма актуальной проблеме выбора нетерминальных тонов, Г. Пальмер в свое время писал не без юмора: «При современном состоянии знания (или точнее незнания) относительно функций интонационных средств вряд ли можно сделать что-либо большее, чем подобрать типичные примеры различных типов последовательностей и попытаться определить их более или менее очевидные функции, надеясь на то, что они послужат отправной точкой для последующих исследований» [5, с. 87].

Итак, рассмотрим тонетическую транскрипцию, предложенную Г. Суитом. К сожалению, приходится констатировать, что проблему мно-

гозначности тонов он пытается решить опять-таки за счет усложнения мелодической транскрипции. Прежде всего, категорическое выражение вызывает его теория координации и субординации. В книге «Английская интонация с системой упражнений» его изложение правил образования последовательностей интонационных контуров в речи сводится практически к чисто формальному подходу. Предложенная им система сочинения и подчинения интонационных контуров (Tone Groups) абсолютно десемантизирована, то есть, отвлечена от реального наполнения частей предложения. В качестве иллюстрации приведем отрывок из его работы [5, с. 88]:

«Последовательности тоновых групп, объединенных сочинением, имеют идентичные завершения как в первой, так и во второй части.

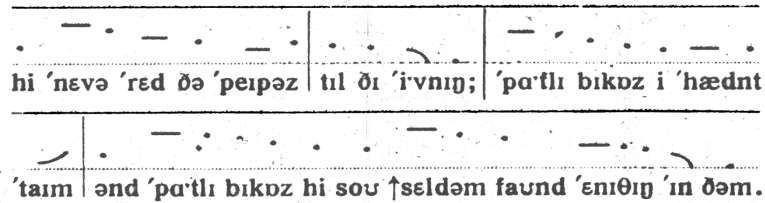
1. ↘ followed by ↘ (T-G. 1 + T-G. 1)
2. ↗ „ „ ↗ (T-G. 2 + T-G. 2)
3. ∩ „ „ ∩ (T-G. 3 + T-G. 3)

Последовательности тонов, объединяемые синтаксической связью подчинения, будут иметь разные завершающие тоны».

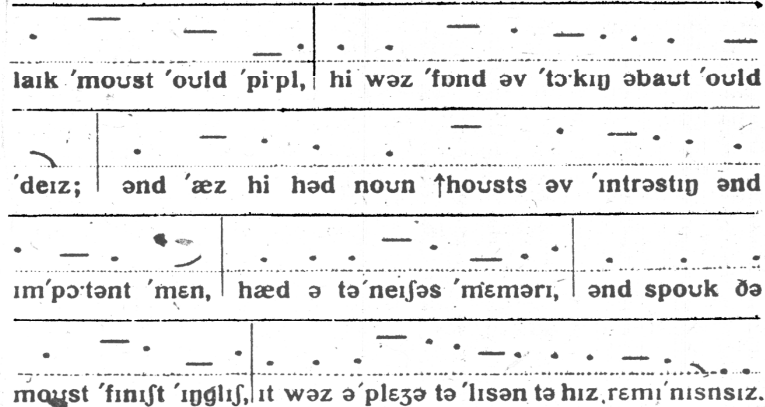
1. ↘ followed by ↗ (T-G. 1 + T-G. 2)
2. ↗ „ „ ↘ (T-G. 2 + T-G. 1)
3. ↘ „ „ ∩ (T-G. 1 + T-G. 3)
4. ∩ „ „ ↘ (T-G. 3 + T-G. 1)
5. ↗ „ „ ∩ (T-G. 2 + T-G. 3)

Вряд ли имеет смысл рассматривать отдельно Л. Армстронг и И. Уорд, хотя, по нашим данным, Л. Армстронг начала свою работу над интонацией гораздо раньше, однако наиболее широкое признание получила их совместная работа «A Handbook of English Intonation» [6]. Что касается этих авторов, то здесь можно говорить о системе тонетической транскрипции, максимально приближенной к реальному движению тона. Рассмотрим движение тона в приведенном ниже примере.

5.

6.

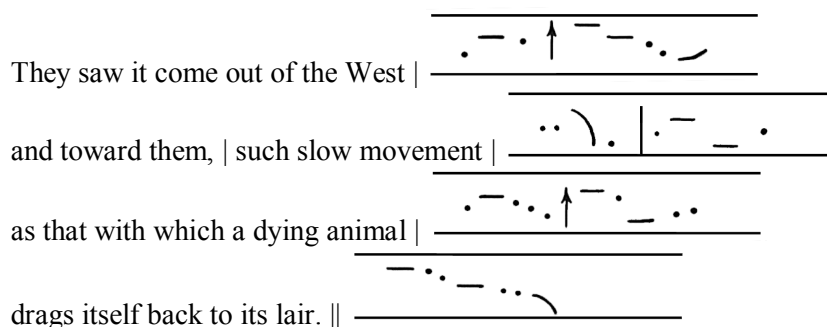

Как видно из приведенного примера (и многих других, которые здесь не даны), авторы считают, что односложные слова должны обозначаться той или иной единой чертой: ровные тоны — горизонтальными символами, а подъемы и падения, соответственно, восходящими и нисходящими символами на фоне транскрипции сегментных единиц. Если сравнивать приводимую ими символику с реальными акустическими рисунками тона, то существенных различий мы не наблюдаем. Если же речь заходит о более сложных структурах слов, когда наряду с ударным слогом нужно изображать и безударные слоги, то последние изображаются авторами с помощью точек. Таким образом, ровный тон получает продолжение в виде одной или более

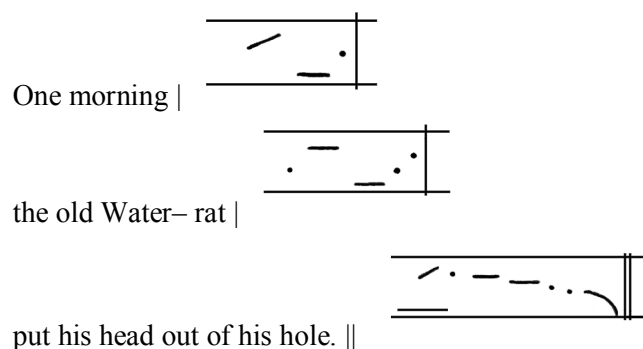
точек, а восходящий тон будет уже представлен в виде ровного тона и точки, которая находится примерно на том же уровне, что и конец односложного слова. Нисходящий же тон сохраняет форму падения, но на этот раз падение дополняется точкой.

В отечественных пособиях по интонации английского языка, применявшихся до сравнительно недавнего времени (когда основным инструментом звучания английской речи был магнитофон), отечественные фонетисты предпочитали пользоваться именно системой И. Уорд и Л. Армстронг. Примеры, приведенные ниже из работ О. И. Дикушиной [7, с. 267] и Г. П. Торсуева [8, с. 216], характерны были и для других отечественных фонетистов.

О.И. Дикушина

Г.П. Торсуев

Перейдем теперь к рассмотрению системы тонов у Р. Кингдона (1958). Как мы видим, у Р. Кингдона было уже несколько предшественников и он мог опереться на их опыт, в какой-то мере он действительно их повторяет в своей первой теоретической работе «The Groundwork of English Intonation» [9]. Здесь он еще колеблется в выборе тонетической транскрипции и приводит последовательности интонационных контуров как в виде инициальных букв, так и с помощью отдельных тонетических значков. Аналогичную ситуацию мы видим и у многих других фонетистов. Приведем для наглядности один из таких случаев (Р. Кингдон специально оговаривает то обстоятельство, что предлагаемая им транскрипция не является единственно возможной, то есть, как сказали бы мы, это всего лишь одна из возможных «фразировок» предложения):

IL | IL | IL | IL | II

In'stead of **waiting**,| she 'went to the ward-robe,| 'took out her 'best clothes,| 'dressed with 'great care,| and 'went 'out for a walk.||

Мы вполне сознательно взяли одно из наиболее простых предложений для того, чтобы можно было легче понять принцип такого двойного обозначения: соотнося паузы в предложении с паузами в последовательности инициальных букв, мы не видим, как будто, принципиальной разницы между выбором той или иной тонетической транскрипции. Собственно говоря, именно по пути представления контуров в постоянно неизменном минимальном виде пошли наши русисты, говоря о ИК 1, ИК 2, ИК 3 и т. д. Из того, что дано выше, легко понять, что группа инициальных букв IL представляет восходящий контур, а группа II равнозначна нисходящему контуру.

На первый взгляд система инициальной транскрипции довольно проста и, следовательно, ее вполне можно было бы использовать для целей преподавания. Не стоит, однако, забывать, что такими простыми предложениями дело не ограничивается, на самом деле фразировка может быть довольно сложной и система тонетических значков, стоящих рядом с текстом, дает гораздо больше возможностей, как и показывает позднее сам Р. Кингдон, для отражения реального звучания текста.

Каким образом Р. Кингдон пришел к решению о выводе тонетических значков за пределы текста, сказать трудно, но это чрезвычайно важная особенность. В работе «The Groundwork of English Intonation» он также подробно останавливается на фиксируемых им тонах, но как бы в их первоначальной форме, приближенной к акустическим данным. Однако он представляет эту форму в странном виде: в виде клиньев, то есть каждый тон имеет, по крайней мере, сначала утолщение, которое потом сходит на нет.

Отчасти это можно было бы объяснить чисто артикуляционными причинами, другими словами: **начало тона всегда вызывает у говорящего большее усилие**, чем его продолжение. Кроме того, Р. Кингдон прекрасно понимает двойную природу каждого тона, то есть тон — это всегда сочетание определенного изменения высоты голоса и громкости. Так или иначе объяснить странный вид первоначальных изображений тонов (еще раз отметим, что это не та форма тонов, которая реально используется им в его тонетической транскрипции), конечно, можно, но они слишком дисгармонируют с их реальными акустическими эквивалентами. Поскольку высота тона (мелодика) и громкость на тонограмме даются раздельно, но и на одной и той же тонограмме они легко различаются.

У Р. Кингдона присутствует в его системе уже достаточно большое количество различных тонов: его система состоит как из простых тонов, так и сложных. Основным тоном, который развивает фразу (вместо «пальмеровских» шкал), является ровный тон. *Вереница ровных тонов имплицитно означает постепенное понижение тона*, начиная от самого высокого тона (начало предложения) вплоть до самого низкого, причем это понижение графически никак не фиксируется. В данном случае Р. Кингдон, видимо, опирается на основное положение британских фонетистов о наибольшей частотности так называемой «нисходящей шкалы» (**Descending Scale**). Действительно, отработкой этой шкалы в основном и занимаются наши фонетисты, поскольку для русского учащегося постепенное ступенчатое (каждый ровный тон по крайней мере теоретически сохраняет в английском языке свой ровный характер) понижение тона является весьма непривычным. Русские обычно с высокого тона сходят вниз уже на первом слове предложения.

Остановимся сначала на функциях других простых тонов. Для общих вопросов Р. Кингдон пользуется высоким восходящим тоном, хотя и оговаривает возможность в отдельных случаях как бы продолжения низкого восходящего тона для выполнения той же функции. Тот же тон используется и при выражении удивления. Низкий восходящий тон характерен в основном для небрежно брошенных ремарок, если он встречается в конце отдельного предложения, а ему предшествует вереница низких ровных тонов. Здесь мы уже видим сходство с аналогичными конструкциями у Г. Пальмера. Низкий восходящий тон характерен также для завершения не-терминальных синтагм.

Низкий нисходящий тон обычно употребляется для простого завершения фразы, без каких-

либо созначений. В случае контраста или эмпазы этот тон заменяется высоким нисходящим тоном. Любой из перечисленных тонов при усилении эмпазы может удваиваться (это правило распространяется и на сложные тоны).

На деле *удвоение не означает только усиление громкости*, как можно было бы предположить, это может быть и простое удлинение звука (в зависимости от позиции), увеличение интервала падения или подъема и т. д., то есть удвоение имеет несколько функций и конкретное звучание зависит от контекста.

Что же касается сложных или, как определяет их Р. Кингдон, «кинетических» тонов, то здесь ситуация выглядит еще более запутанной как с точки зрения формы, так и выражаемой функции. Только для некоторых сложных тонов (впрочем, редко употребительных в Р. Р.) функция представляется однозначной. Так, например, для нисходяще-восходящего тона такой функцией является выражение иронии. В книге М. В. Давыдова «Звуковые парадоксы английского языка и их функциональная специфика» [10, с. 25] мы находим следующее высказывание: «Противоречие между содержанием лексики и просодии не является единственным способом указания на факт энантиосемии (противоположность значений). **В отдельных случаях на это же указывает и восходяще-нисходящий тон (подъем равен падению), знаковая функция которого заключается именно в том, чтобы дать понять слушающему, что то или иное слово не должно восприниматься в его прямом значении.** Хотя все английские фонетисты сходятся во мнении относительно иронической природы восходяще-нисходящего тона, о конкретном функционировании этого тона в речи практически ничего не известно». Необходимо добавить, что в английских диалектах употреб-

ление этого тона может и не выполнять такой функции.

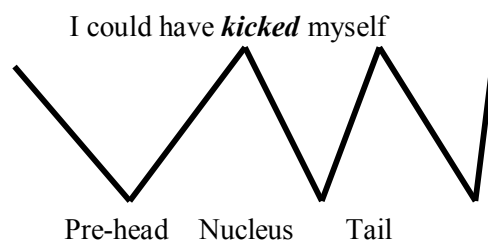
Чрезвычайно широким по диапазону выражаемых значений (в том числе и иронии) является нисходяще-восходящий тон, причем у Р. Кингдона не делается противопоставления высокого и низкого вариантов нисходяще-восходящего тона с точки зрения их функциональной значимости.

Завершая наше обозрение системы Р. Кингдона, нельзя не упомянуть употребления им при описании контуров таких терминов, как «pre-head», «head», «nucleus», «tail», то есть делается попытка дать общую модель контура, с одной стороны, а с другой — обозначить части этого контура. Видимо, это делалось не без умысла — имелось в виду как-то обобщить наиболее часто встречающиеся контуры в английском языке, однако Р. Кингдон органичился лишь названиями. Позднее был добавлен термин «body» для обозначения нисходящей шкалы. Возможно, что при определенных статистических подсчетах

подобное деление контура могло бы дать какие-то характерные данные в отношении различных регистров речи. Вместе с тем в случае отрицательного результата такое сравнение контура с животным, которое напрашивается само собой, производит довольно забавное впечатление.

Описанное членение было воспринято многими фонетистами (мы надеемся не ради того, чтобы сделать тонетическую транскрипцию еще более наукообразной, хотя, как мы увидим ниже, делались и такие попытки), и виды этого членения были самыми разнообразными.

Поскольку мы пока не видим в этой идее особого смысла, то нет необходимости приводить соответствующие изображения данного членения у каждого автора, который им пользовался, за исключением, пожалуй, самого простого, приводимого в книге Дж. Д. О'Коннора и Г. Ф. Арнольда «Интонация разговорного английского языка» (1961) в одной из глав с (**многозначительным**) названием «The Anatomy of English Intonation».

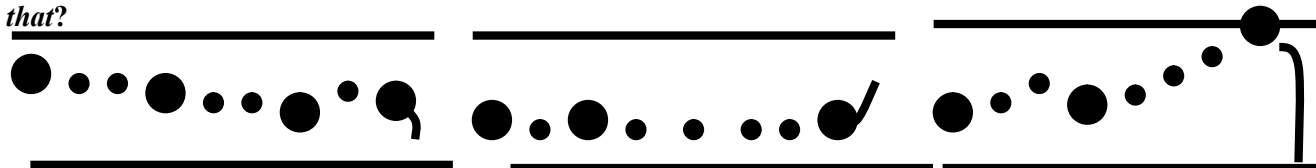

Говоря обычными словами, **предголовная часть** — это просто безударные слоги перед первым ударением, **голова** — это первый ударный слог, **тело** — это все последующие ударные слоги вплоть до последнего ударного слога и **хвост** — безударный слог или слоги после последнего ударного слога, логически выделенного в предложении. Приведем соответствующую подтверждающую цитату из уже названного

нами выше пособия: «In the stepping head the stressed syllable of the first important word is on a high, level pitch; that of the second important is a step lower; that of the third is a step lower still, and so on until the nucleus is reached» [11, с. 17].

Согласно системе, которую мы сейчас обсуждаем, «голова» контура могла быть как на высоком уровне, так и на низком.

Why did you tell me you couldn't come? Don't upset yourself about that. How did you manage to do that?

Авторы чрезвычайно озабочены тем, чтобы учащиеся не выделяли мелодически безударные слоги, поскольку последние полностью подчиняются ударным слогам, то есть произносятся абсолютно на том же уровне. С этой целью они

заменяют слово «stress» (как амбигуентное, с их точки зрения) термином «accent». Только акцентированные слова могут иметь то или иное изменение тона, остальные слова могут быть под ударением, но они, если это не сопровождается

изменением тона, произносятся на ровном уровне. Таким образом, авторы различают ‘нисходящую шкалу’ (The Stepping Head), ‘низкую шкалу’ (The Low Head) и ‘скользящую вверх шкалу’ (The Sliding Head). Не вдаваясь в более мелкие детали возможных вариантов упомянутых шкал, в целом можно согласиться с основным тезисом о ровном продолжении безударными слогами акцентированных слогов, поскольку русские учащиеся имеют обыкновение понижать тон после акцентированного слога. Низкое начало скользящей шкалы обозначается символом [||], то есть в обычной тонетической транскрипции приведенный нами выше пример будет выглядеть следующим образом:

How did you manage to do that?

Попытка противопоставить «акцент» «ударению» в общем понятна, поскольку авторы не считают функционально нагруженными небольшие изменения тона, то есть они как бы придерживаются противоположной тенденции по сравнению с теми фонетистами, которые пытаются избавиться от громкости как функцио-

нального признака ударения. В статье, посвященной определению места словесного ударения носителями русского языка, Л. В. Бондарко и Л. А. Вербицкая пишут: «Такого рода данные позволяют не рассматривать интенсивность гласного как сколько-нибудь существенный признак его ударности или безударности» [12, с. 31–35]. Г. Мол в «Основах фонетики» (1963) писал в отношении английского ударения: «Несмотря на то, что говорить о силовом выделении стало традицией, громкость слогов не функционирует в интонации, хотя звуки речи и могут, несомненно, различаться по громкости» [13].

Что касается работ М. А. К. Халлидея «Интонационная система английского языка» (1966), «Интонация и грамматика Британского английского языка» (1967) и «Усвоение процесса выражения значений: исследования в области развития языка» (1975) [14], то его увлечение структурной лингвистикой не могло, естественно, не сказаться и на предложенной им системе тонетической транскрипции (помимо 5 базовых контуров, он предлагает еще и многочисленные их варианты, как видно из приведенной ниже таблицы 1).

Таблица 1

The primary tone system is as follows:

Term in system:	Visual symbol:	Tonic movement:	Terminal tendency:
1	\	falling	low
2	{ / V	rising	high
		falling-rising	high
3	—	rising	mid
4	^v	(rising-)falling-rising	mid
5	v^	(falling-)rising-falling ¹¹	low

Double Tonics:

Term in system:	Visual symbol:	Tonic movement:	Terminal tendency:
13	_	(as tone 1 plus tone 3)	
53 ¹²	v^_	(as tone 5 plus tone 3)	

For the purposes of the present analysis the following secondary systems are recognized:

A: Secondary systems at tonic

Term in Term in Tran– Visual Tonic

primary secondary scription symbol: movement:

system: system: symbol:

{	1	{	1 wide	1	\	high to low
			1 medium (neutral)	1	/	mid to low
			1 narrow	1—	/	mid-low to low
			2 straight (neutral)	2	/	rising to high
			2 broken	<u>2</u>	\	high falling-rising to high
			4 high	4	\	falling to mid, rising
			4 low	<u>4</u>	/	falling to low, rising
			5 high	5	\	rising to high, falling
			5 low	<u>5</u>	/	rising to mid, falling; “breathy”.

¹¹ Underlining indicates the part of the movement which carries the greatest intensity. The initial movement shown in parantheses is an optional on-glide.

¹² To be read "one three", "five three" (not "thirteen", "fifty-three").

Мы сознательно не продолжаем другие виды шкал, поскольку, хотя сам он утверждал, что обозначаемые контуры выражают грамматические значения, Д. Кристал в одной из глав «Продуктивные признаки и лингвистическая теория» в книге «Английский тип голоса» (1975) отмечает, что лишь часть контуров действительно можно соотнести с грамматическими значениями, остальные же относятся к эмотивным значениям, несмотря на то, что сам автор пытается завуалировать этот факт различными терминологическими ухищрениями типа «**committed**», «**uncommitted**» или «**involved**» [15]. Чрезвычайно трудно угадать, что понимается под такой терминологией. В этой связи можно было бы задать целый ряд вопросов, но ясно одно, что, будучи грамматистом, он старается приблизить соответствующие значения (эмотивные) к грамматическим. Так, например, как понимать разницу между «**mild command**» и «**insistent command**», чем категория «**mild command**» отличается от «**просьбы**». Мы вынуждены в данном случае присоединиться к оценке данной системы, изложенной несколько выше Д. Кристалом.

С нашей точки зрения, дополнительным осложнением является то, что предлагаемую им символику М. Халлидей считает возможным ввести в интонируемый им текст. Здесь можно усмотреть определенную аналогию с тем, что было сделано у Г. Суита, но не надо забывать,

что у Г. Суита было минимальное количество символов тонетической транскрипции. Если же мы обратимся непосредственно к текстам, которые проинтонировал М. Халлидей, то сразу станет ясно, насколько сложнее оказывается задача прочтения такого текста по сравнению с текстом у Г. Суита. Для интересующихся мы считаем все-таки необходимым привести начало диалога из книги «Интонация и грамматика в Британском варианте английского языка» (1967) [16, с. 142]:

A. //1+Λ I / don't / know // 1+Λ they just say...that / this paper is to be / marked out of two / hundred //4 Λ and and / since the / credit mark is a / hundred you //1+ couldn't very well / mark out of a / hundred //

B. //4Λ well they could / make the / credit mark fi / fifty //1+ seems such a / funny number to / start with //

Вряд ли такого рода материал может служить учебным пособием, хотя с точки зрения потенциальных грамматических ошибок он возможно и полезен.

Однако Д. Кристал не единственный интонолог, который видит явное насилие над эмотивными значениями. Так, например, А. Краттенден в своей работе «Нисходящие и восходящие тоны: их значения и проблема универсальности» (1981) пишет, что М. Халлидей помимо пяти

основных контуров дает множество подвидов этих контуров и придает им всем ту или иную грамматическую функцию [17, с. 78]. Поскольку А. Краттендена интересуют интонационные универсалии, он не преминул заметить высказанное М. Халлидеем мнение о том, что «он видит некую универсальную разницу между восходящими и нисходящими тонами. При употреблении нисходящего контура информация может быть или позитивной или негативной. При употреблении восходящего тона информация является более неопределенной» [24].

В качестве обобщения сказанного можно добавить, что когда символика ни в коей степени не нарушает обычной орфографии, то это является чрезвычайно важным фактором. Неудивительно, что значения этих тонов были достаточно подробно описаны у соответствующих авторов. Обозначение интонации с помощью тонетических знаков на ударных слогах (тем самым обозначаются ударение и характер ядерного тона) продолжает активно использоваться в Британии теми, кто преподает английский язык иностранным учащимся (что лишний раз указывает на довольно высокую дидактическую роль такого вида обозначения интонации).

Литература

1. Bell A. The Principles of Speech. — London, 1863.
2. Sweet H. 1) Handbook of Phonetics. — Oxford, 1877; 2) The Practical Study of Languages. — London, 1899; 3) The History Language. — London, 1900; 4) A Primer of Phonetics. — Oxford, 1906.
3. Sweet H. Handbook of Phonetics. — Oxford, 1877.
4. Давыдов М. В., Магидова И. М. К вопросу о структуре английских тонов (на материале осциллографического анализа системы Р. Кингдона). — М.: Изд-во МГУ, 1971.
5. Palmer H. E. English Intonation with Systematic Exercises. — Cambridge, 1924.
6. Armstrong L., Ward I. A Handbook of English Intonation. — Cambridge, 1931.
7. Дикушина О. И. Фонетика английского языка. — М., 1952.
8. Торсуев Г. П. Обучение английскому произношению. — М., 1953.
9. Kingdon R. The Groundwork of English Intonation. — London: Longman, 1958.
10. Давыдов М. В. Звуковые парадоксы английского языка и их функциональная специфика. — М.: Изд-во МГУ, 1984.
11. O'Connor J. D., Arnold G. F. Intonation of Colloquial English. — Longman, 1961.
12. Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Зиндер Л. Р. Акустические характеристики безударности. Структурная типология языков. — М.: Наука, 1966.
13. Mol H. The Fundamentals of Phonetics. The Hague, 1963.
14. Halliday M. A. K.: 1) Intonation Systems in English. In Halliday M. A. K. & McIntosh A. (eds.) Patterns of Language: Papers in General, Descriptive, and Applied Linguistics. — London: Longman, 1966; 2) Intonation and Grammar in British English. — The Hague: Mouton, 1967; 3) Learning How to Mean: Explorations in the Development of Language. — London: Edward Arnold, 1975.
15. Crystal D. The English Tone of Voice. — London: Edward Arnold, 1975.
16. Halliday M. A. K. Intonation and Grammar in British English. — The Hague: Mouton, 1967.
17. Cruttenden A. Falls and Rises: Meanings and Universals // J. Linguistics. — 1981. — № 17.
18. Halliday M. A. K. Intonation Systems in English. In Halliday M. A. K. & McIntosh A. (eds.) Patterns of Language: Papers in General, Descriptive, and Applied Linguistics. — London: Longman, 1966.

References

1. Bell A. The Principles of Speech. London, 1863.
2. Sweet H. Handbook of Phonetics. Oxford, 1877. The Practical Study of Languages. London, 1899. The History Language. London, 1900. A Primer of Phonetics. Oxford, 1906.
3. Sweet H. Handbook of Phonetics. Oxford, 1877.
4. Davydov M. V., Magidova I. M. *K voprosu o strukture angliiskikh tonov (na materiale ostsillograficheskogo analiza sistemy R. Kingdona)* [On the problem of English tones structure (the example of the oscillographic analysis of R. Kingdon's system)]. MSU, 1971. (rus)
5. Palmer H. E. English Intonation with Systematic Exercises. Cambridge, 1924.
6. Armstrong L., Ward I. A Handbook of English Intonation. Cambridge, 1931.
7. Dikushina O. I. *Fonetika angliiskogo yazyka* [Phonetics of the English Language]. Moscow, 1952. (rus)
8. Torsuev G. P. *Obuchenie angliiskomu proiznosheniyu* [Teaching English Pronunciation]. Moscow, 1953. (rus)
9. Kingdon R. The Groundwork of English Intonation. London, Longman, 1958.
10. Davydov M. V. *Zvukovye paradoksy angliiskogo yazyka i ikh funktsional'naya spetsifika* [Sound paradoxes of the English language and their functional specifics]. Moscow: MSU, 1984. (rus)
11. O'Connor J. D., Arnold G. F. Intonation of Colloquial English. Longman, 1961.
12. Bondarko L. V., Verbitskaya L. A., Zinder L. R. *Akusticheskie kharakteristiki bezudarnosti. Strukturnaya tipologiya yazykov* [Acoustic characteristics

of unstressed syllables. Structural typology of languages]. Moscow: Nauka, 1966. (rus)

13. Mol H. The Fundamentals of Phonetics. The Hague, 1963.

14. Halliday M. A. K. Intonation Systems in English. In Halliday M. A. K. & McIntosh A. (eds.) Patterns of Language: Papers in General, Descriptive, and Applied Linguistics. London: Longman, 1966. Intonation and Grammar in British English. The Hague. Mouton, 1967. Learning How to Mean: Explorations in the Development of Language. London: Edward Arnold, 1975.

15. Crystal D. The English Tone of Voice. London, Edward Arnold, 1975.

16. Halliday M. A. K. Intonation and Grammar in British English. Mouton, 1967.

17. Cruttenden A. Falls and Rises: Meanings and Universals. J. Linguistics 17, 1981.

18. Halliday M. A. K. Intonation Systems in English. In Halliday M. A. K. & McIntosh A. (eds.) Patterns of Language: Papers in General, Descriptive, and Applied Linguistics. London: Longman, 1966.

УДК 821.111.09.

К ПРОБЛЕМЕ ДИСКУРСИВНЫХ СТРАТЕГИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ

© *Долсонова Арюна Александровна*

аспирант Технического института (ф) Северо-Восточного федерального университета
им. М. К. Аммосова

Россия, 678960, г. Нерюнгри, ул. Кравченко, 16

E-mail: mei_guo@bk.ru

В настоящей статье рассматриваются стратегии, применяемые в художественных текстах. Стратегии исследуются на материале различных видов дискурса, однако в современной науке почти не уделяется должного внимания художественному дискурсу, который имеет существенные признаки, отличающие его от нехудожественного.

В немногочисленных работах, посвященных стратегиям в художественных текстах, можно найти различные классификации стратегий. Независимо от типа текста выделяются локальные/вспомогательные/частные и основные/глобальные/общие стратегии. Они иерархически подчиняются общей коммуникативной стратегии автора и способствуют ее реализации. Под коммуникативной стратегией мы понимаем план речевых действий и его реализацию для достижения коммуникативной цели автора текста, которая заключается в воздействии на картину мира и систему ценностей читателя.

Представляется, что реализация плана в художественном тексте осуществляется с помощью текстовых/дискурсивных стратегий, под которыми мы понимаем серию тактик и приемов, используемых автором для программирования восприятия читателем основной идеи произведения, авторской картины мира и авторских интенций.

Проведенный анализ художественных текстов показал, что стратегии зависят от жанра и типа текста.

Ключевые слова: художественный текст, художественный дискурс, стратегия, дискурсивные стратегии.

ON THE PROBLEM OF DISCOURSE STRATEGIES IN FICTION

Aryuna A. Dolsonova

Research Assistant of Technical Institute

North-Eastern Federal University

16 Kravchenko, Neryungri 678960, Russia

In the current paper strategies used in fiction are studied. They are considered on the material of different types of discourse but unfortunately in contemporary science literary discourse has not been given particular attention to. Literary discourse has its own particular features which distinguish it from non-literary discourse.

In the few works devoted to the strategies in literary texts different classifications of strategies are founded. Regardless of the type of the text local/auxiliary/private and main/global/common strategies are distinguished. They are hierarchically subordinate to the overall communication strategy of the author and contribute to its implementation. We understand the communication strategy as the plan of speech acts and its implementation for achievement of the communicative purpose of the author of the text which is in the impact on worldview and value system of the reader.

We think the implementation of the plan in a literary text is realized by text/discourse strategies under which we mean a series of tactics and techniques used by the author for programming the reader's perception of the main idea of the work, the author's picture of the world and the author's intentions.

The analysis of literary texts has shown that strategies depend on the genre and the type of the text.

Keywords: artistic works, literary discourse, strategy, discourse strategies.

В области теории текста и языкознания большой интерес со стороны лингвистов и теоретиков текста вызывают текстовые/дискурсивные стратегии в художественных произведе-

ниях. Термин «дискурс» относится к числу элементов нового инструментария лингвистов, который актуализировался в языковедческих работах с конца 60-х гг. XX в. Можно

утверждать, что, независимо от национальной лингвистической школы или теоретического направления, термин «дискурс» всеми учеными применяется для исследования и описания явлений, относящихся к речи. Понятие «стратегия» исследуется на материале различных видов дискурса (научного, бытового, рекламного, политического), однако почти не уделяется должного внимания художественному дискурсу, который имеет существенные признаки, отличающие его от нехудожественного.

Под термином «художественный дискурс» понимается: 1) художественный текст в процессе речемыслительной деятельности читателя, реконструирующей речемыслительную деятельность автора; 2) тип письма, обладающий такими признаками, как наличие эстетической функции, имплицитность содержания (наличие подтекста), полисемантность (установка на неоднозначность восприятия), особая семантическая организация, субъективность (представление автором своего индивидуального восприятия изображаемых событий), абсолютный антропоцентризм (направленность на познание человека), фикциональность, установка на отражение нереальной действительности [1; 2; 4; 9].

Теория текстовых/дискурсивных стратегий интенсивно разрабатывается исследователями, однако до сих пор нет единого определения термина «стратегия», а также существуют сложности в определении типологии стратегий [10].

Рассмотрим понятие «стратегия» в целом. Как известно, термин «стратегия» связан с планированием действий для достижения поставленной цели в условиях социальной конфронтации: военной, идеологической, общественно-политической. Идея о стратегической природе человеческого общения, высказанная в трудах Э. Гоффмана, послужила отправной точкой для изучения данного понятия в различных гуманитарных науках. В лингвистике 70–80-х гг. XX в. это понятие становится востребованным в связи с разработкой коммуникативных аспектов речевых произведений. Стратегия рассматривается при этом как вписанная в текст программа порождения или восприятия речи, раскрывающая интерактивные взаимоотношения между коммуникантами [11].

Выделим сущностные признаки понятия «стратегия»: 1) стратегия имеет когнитивную природу; 2) необходимым условием стратегии является наличие коммуникативной интенции; 3) стратегия зависит от типа коммуникации и ее

участников; 4) стратегия является определяющим фактором как для формирования содержания текста, так и для его оформления — лексического, синтаксического, композиционно-речевого, стилистического, архитектурного [11].

Утверждение в современной лингвистике когнитивно-дискурсивной парадигмы пробудило новый интерес к поиску и описанию стратегий, регулирующих процессы порождения и восприятия речи в различных когнитивных и коммуникативных условиях. С лингвистической точки зрения стратегии рассматриваются как планируемый «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [8]. Поскольку умение планировать и управлять, как и вообще поступать интенционально, относится к когнитивным способностям личности, речевые стратегии следует понимать как проецируемые в речь когнитивные стратегии, назначение которых состоит в достижении когнитивно-речевым субъектом своей коммуникативной цели наиболее эффективным способом [5].

Не вызывает сомнения наряду с речевыми стратегиями возможность применения стратегического подхода и к анализу текстов, создаваемых в научном и художественном дискурсах.

Учитывая междисциплинарность темы исследования, следует обратиться к основным понятиям нарратологии — дисциплина, изучающая повествовательные тексты (нарративы), их природу, формы, функционирование, а также систему правил, в соответствии с которыми нарративы создаются и развиваются.

Теория нарратива — нарратология — оформилась как самостоятельная научная дисциплина в 60–70-х гг. XX в., хотя своими корнями она уходит еще к «Поэтике» Аристотеля, а разработкой основных категорий обязана исследователям первой половины XX в. — В. Я. Проппу, В. Б. Шкловскому, Б. В. Томашевскому. Особую роль для современного состояния данной научной дисциплины сыграли труды Р. Барта, Т. А. ван Дейка, Ж. Женнета, Ц. Тодорова, В. Шмидта. В 90-х гг. XX в. исследования в области нарратологии проводились и в нашей стране, примером тому могут служить труды К. А. Андреевой, Е. В. Падучевой [14].

Нарратология представляет собой вариант поэтики. В рамках нее сложился значительный корпус нарратологической критики, в которой, в свою очередь, можно различить две главные формы. В настоящее время нарратология связа-

на с поворотом внимания критиков к закономерностям чтения, в этом смысле любая «техническая» характеристика нарратива оказывается связанной с конструированием значения, любое «как» может привести к «почему». Таким образом, во-первых, она способствует прояснению читательских реакций на определенные тексты и позволяет прийти к определенным версиям интерпретации. Во-вторых, характеризуя элементы и определяя принципы, лежащие в основе создания нарративов, изучая способы, которыми нарративы отражают сами себя, прослеживая начальные и финальные точки повествований, а также связь между ними, нарратология облегчает выбор тематической рамки для исследователей нарратива. Это выражается во множестве прочтений классических либо популярных текстов. В ходе них раскрываются так называемые нарративные стратегии рассказчиков.

Итальянский ученый У. Эко использует термины «текстовая стратегия» и «дискурсивная стратегия» в качестве синонимов. Вопрос о разграничении текста и дискурса является дискуссионным: с одной стороны, ученые сходятся на том, что текст — это результат, а дискурс — процесс, а с другой — во многих исследованиях термины «текст» и «дискурс» становятся взаимозаменяемыми.

И. Р. Гальперин дает следующее определение тексту: «Текст — это произведение речевореческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа; произведение, состоящее из названия (заголовок) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [3].

Текст, согласно Т. М. Дридзе, есть «сложный знак и целостная единица общения». Он представляет собой некоторую систему «смысловых элементов, функционально объединенных в единую замкнутую иерархическую коммуникативно-познавательную структуру с общей концепцией или замыслом (коммуникативным намерением) субъектов общения» [7].

Как отмечает Е. В. Сидоров, художественный текст является «полноценным компонентом речевой коммуникации» [12] наряду с двумя другими компонентами, которыми являются деятельности автора и читателя. Эти деятельности в

психолингвистике получили название «рече-мыслительная деятельность автора» и «рече-мыслительная деятельность реципиента», в теории коммуникации — «первичная коммуникативная деятельность» и «вторичная коммуникативная деятельность» [13].

Таким образом, текст — это явление речевого характера. Он создается для реализации целей общения и всегда связан с актом коммуникации.

Мы полностью согласны с определением В. З. Демьянкова, подходящим к дискурсу как к интерпретации текста и считающим, что «текст — не простой материальный объект, а интерпретируемый вербальный объект, за которым можно увидеть протекание дискурса» [6].

В немногочисленных работах, посвященных стратегиям в художественных текстах, выделяются различные классификации стратегий в зависимости от направления исследований авторов.

Французский нарратолог Венсан Жув подходит к исследованию стратегий с точки зрения техник организации повествования и использует в основном композиционные приемы. В своей монографии «*La poétique du roman*» он выделяет локальные и глобальные стратегии. Под локальными стратегиями автор понимает серию приемов, определяющих отношение читателя к миру художественного произведения. Первый вид — приемы отчуждения (дистанциации), разрушающие «эффект вымысла». К ним можно отнести типографические приемы (тире, курсив, прописные буквы и др.), напоминающие о текстовой реальности вымышленного мира; рематические названия глав, обозначающие произведение как таковое (например, «История о...»); эксплицитную интертекстуальность; традиционный жанровый словарь; игру с ономастикой (символика имен); пародию и др. [16]. Второй вид — приемы аффективного воздействия, направленные на укрепление влияния повествования, которые, в свою очередь, подразделяются на: 1) техники референциальной иллюзии (линейная и прогрессивная интрига, правдоподобные персонажи, знакомые пространственно-временные рамки, различные отсылки к миру читателя); 2) техники фантазматического воздействия [16].

Глобальные стратегии способствуют пониманию смысла текста через способ координации различных точек зрения или перспектив. Венсан Жув выделяет 4 типа координации: 1) координация компенсацией или уравниванием, когда все точки зрения служат для выражения одной

идеи, что чаще всего наблюдается в литературе дидактического характера; 2) координация оппозицией, когда сталкиваются две непримиримые точки зрения (двух персонажей или персонажа и повествователя), что способствует активизации критического мышления читателя; 3) координация расчленением, когда читателю предлагается диапазон точек зрения, лишенных центральной ориентации; 4) координация последовательностью, где точки зрения бесконечно меняются [16].

Таким образом, независимо от типа текста текстовые стратегии делятся на две большие группы: основные/глобальные/общие и вспомогательные/локальные/частные. Но не следует забывать, что они иерархически подчиняются общей коммуникативной стратегии автора и способствуют ее реализации.

Ряд исследователей на основе анализа художественных текстов выделяет семантические (или концептуальные) и формально-структурные стратегии [10].

Семантические стратегии подразделяются на стратегию формулирования основной идеи текста (или глобальную стратегию) и тематические стратегии, направленные на выражение/формулирование отдельных тем произведения. Содержательные стратегии формируются при помощи комбинаций различных тактик, например, лексических, стилистических, синтаксических, композиционных и графических. Формально-структурные стратегии создаются при помощи одноуровневых средств, являющихся доминантными в произведении. Здесь можно говорить о лексических, стилистических, синтаксических и композиционных стратегиях.

Н. Н. Пелевина в своей монографии «Авторские стратегии познавательно-коммуникативной деятельности как фактор текстообразования в научном и художественном дискурсах» выделяет когнитивно-познавательные и коммуникативно-прагматические стратегии [11].

Когнитивно-познавательные стратегии направлены на представление в тексте концептуальной картины мира автора, сложившейся в результате его взаимодействий с объектом познания и семиотическим пространством культуры.

Коммуникативно-прагматические стратегии направлены на формирование в тексте рецептивной программы, позволяющей автору воздействовать на читателя, управляя процессом его восприятия, т. е. для достижения коммуни-

кативного успеха. В первую группу входят стратегии представления в тексте результатов авторского взаимодействия с объектом познания. Это стратегии формирования фикционального мира (художественных образов пространства, времени, персонажа), тематического и композиционно-сюжетного развития. Вторую группу образуют эстетическая интердискурсивность и интертекстуальные включения — это стратегии представления в тексте результатов авторского взаимодействия с семиотическим пространством культуры.

Коммуникативно-прагматические стратегии включают стратегии рецептивного воздействия, обусловленные эстетической природой, познавательно-коммуникативной деятельностью писателя и реализацией суггестивной составляющей данной стратегии.

Данные авторские стратегии можно считать ведущим текстообразовательным фактором, так как их реализация определяет организацию текста: композиционно-смысловую структуру, субъектно-речевую стратификацию и функционально-стилистические особенности [11].

В заключение, стоит отметить, подобно военному стратегу, представляющему себе модель своего противника, при порождении текста автор применяет определенную стратегию, в которую входит прогнозирование действий читателя. Реальные отправитель и получатель работают с учетом текстовых стратегий: автор, создавая модель образцового читателя, соответствующего его собственным интенциям; читатель, следуя стратегиям, подготовленным для него автором. Следовательно, осуществляется текстовое сотрудничество между двумя дискурсивными стратегиями.

Литература

1. Валгина Н. С. Теория текста: учебное пособие. — М.: Логос, 2003. — 250 с.
2. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. — Изд. 3-е, стер. — М.: Едиториал УРСС, 2005. — 144 с.
3. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. — М.: Наука, 1981.
4. Гончарова Е. А., Шишкина И. П. Интерпретация текста. Немецкий язык: учеб. пособие. — М.: Высш. шк., 2005. — 368 с.
5. Дейк Т. А., Кинч В. Стратегии понимания связного текста [Электронный ресурс] // Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка. — 1988. — Вып. 23. — С. 300. — URL: <http://philologos.narod.ru/ling/dijk.htm> (дата обращения: 10.08.2013).

6. Демьянков В. З. Когниция и понимание текста // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2005. — №3. — С. 5–10.

7. Дридзе Т. М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: проблемы семиосоциопсихологии. — М.: Наука, 1984.

8. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. — Изд. 5-е. — М.: Изд-во ЛКИ, 2008. — 288 с.

9. Лотман Ю. М. О содержании и структуре понятия «художественная литература» [Электронный ресурс] // Избранные статьи. — Таллин, 1992. — Т. 1. — С. 203–216. — URL: <http://www.philology.ru/literature1/lotman-92a.htm>] (дата обращения: 10.08.2013).

10. Мельничук О. А., Андросова Ф. С., Еливанова А. М. Художественный дискурс: синтаксис, экспрессивность, стратегии. — Якутск: ИД СВФУ, 2013. — 194 с.

11. Пелевина Н. Н. Авторские стратегии познавательно-коммуникативной деятельности как фактор текстообразования в научном и художественном дискурсах. — Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2008. — 151 с.

12. Сидоров Е. В. Онтология дискурса. — Изд. 2-е. — М.: Либроком, 2009. — 232 с.

13. Сидоров Е. В. Проблемы речевой системности. — М.: Наука, 1987. — 140 с.

14. Филистова Н. Ю. Текстовая организация детективного нарратива (на материале английских коротких рассказов) // Вестник Тюменского государственного университета. — 2006. — № 7. — С. 146–150.

15. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / пер. с англ. и итал. С. Д. Серебряного. — СПб.: Симпозиум, 2005. — 502 с.

16. Jouve V. La poetique du roman. — Saint-Just-la-Pendue: Sedes, 1997. — 190 p.

References

1. Valgina N.S. *Teoriya teksta* [The theory of the text]. Moscow: Logos, 2003. 250 p. (rus)

2. Gal'perin I.R. *Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [The text as an object of linguistic research]. Moscow: Editorial URSS, 2005. 144 p. (rus)

3. Gal'perin, I.R. *Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [The text as an object of linguistic research]. Moscow: Nauka, 1981. (rus)

4. Goncharova E.A., Shishkina I.P. *Interpretatsiya teksta* [The interpretation of the text]. Moscow: Vysshaya shkola, 2005. 368 p. (rus)

5. Deik T.A., Kinch V. *Strategii ponimaniya svyaznogo teksta* [Comprehension strategies of the co-

herent text]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Kognitivnye aspekty jazyka - New in foreign linguistics. Cognitive aspects of language Bulletin*. 1988. P. 300. No. 23. Available at: <http://philologos.narod.ru/ling/dijk.htm>. (rus)

6. Dem'yankov V.Z. *Kognitsiya i ponimanie teksta* [Cognition and understanding of the text]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki - Issues of cognitive linguistics Bulletin*. 2005. No. 3. Pp. 5-10. (rus)

7. Dridze, T.M. *Tekstovaya deyatel'nost' v strukture sotsial'noi kommunikatsii: problemy semiosotsiopsikhologii* [Textual activity in the structure of social communication: problems of Semiosociopsychology]. Moscow: Nauka, 1984. (rus)

8. Issers O.S. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi* [Communicative strategies and tactics of Russian speech]. Moscow: Izdatel'stvo LKI, 2008. 288 p. (rus)

9. Lotman Ju.M. *O sodержanii i strukture ponyatiya «khudozhestvennaya literatura»* [On the content and structure of the concept of "fiction"]. *Izbrannye stat'i* [Selected articles]. Vol. 1. Tallinn, 1992. Pp. 203-216. Available at: <http://www.philology.ru/literature1/lotman-92a.htm>].

10. Mel'nichuk O.A., Androsova F.S., Elivanova A.M. *Khudozhestvennyi diskurs: sintaksis, ekspressivnost', strategii*. [Literary discourse: syntax, expressiveness, strategy]. Yakutsk: SVFU Publ., 2013. 194 p. (rus)

11. Pelevina N.N. *Avtorskie strategii poznavatel'no-kommunikativnoi deyatel'nosti kak faktor tekstoobrazovaniya v nauchnom i khudozhestvennom diskursakh*. [Author strategies of communicative and cognitive activity as a factor of the text-formation in scientific and literary discourses]. 2008. 151 p. (rus)

12. Sidorov E.V. *Ontologiya diskursa* [Ontology of discourse]. 2nd edition. Moscow: Publ. House «LIBROKOM», 2009. 232 p. (rus)

13. Sidorov E.V. *Problemy rechevoi sistemnosti* [The systemic problems of speech]. Moscow: Nauka, 1987. 140 p. (rus)

14. Filistova N. Ju. *Tekstovaya organizatsiya detektivnogo narrativna (na materiale angliiskikh korotkikh rasskazov)* [Textual organization of the detective narrative (on the material of English short stories)]. Bulletin of Tyumen State University. Tyumen', 2006. No. 7. Pp. 146-150. (rus)

15. Eko U. The reader's role. Studies in semiotics of texts. St. Petersburg: Simpozium, 2005. 502 p. (transl. from Engl. and Ital.)

16. Jouve V. La poetique du roman. Saint-Just-la-Pendue: SEDES, 1997. 190 p. (transl. from fr.)

УДК 81.373.4

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ КОННОТАЦИИ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЛОГОЭПИСТЕМ

© *Доржиева Галина Сергеевна*

доктор филологических наук, доцент кафедры немецкого и французского языков
Института филологии и массовых коммуникаций Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: galdor@yandex.ru

© *Попова Ксения Алексеевна*

магистр кафедры немецкого и французского языков Института филологии
и массовых коммуникаций Бурятского государственного университета,
учитель английского языка МБОУ «Музыкально-гуманитарный лицей им. Д. Аюшеева»
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: kisushenka1991@mail.ru

В статье рассматриваются британские и американские логоэпистемы — равноуровневые лингвострановедчески ценные единицы, смысл которых может выразиться в слове, словосочетании или в сверхфразовых единствах. Их источниками являются средства массовой культуры и коммуникации. Рассматривается одна из особенностей логоэпистем — способность к частичному изменению, или к перифразе.

Ключевые слова: лингвокультурология, дискурс, логоэпистема, языковая игра, перифраза.

LINGUOCULTURAL CONNOTATIONS OF THE ENGLISH LOGOEPITEMS

Galina S. Dorzhieva

DSc of Philology, A/Professor Department of the German and French languages
Buryat State University
24a Smolina St., Ulan-Ude 670000, Russia

Ksenia A. Popova

Assistant Professor of Department of the German and French languages
Buryat State University, English teacher at the MEE «Humanitarian music lyceum of D. Ayusheeva»
24a Smolina St., Ulan-Ude 670000, Russia

The article is devoted to the British and American logoepistems — linguocultural valuable units of different levels, the notion of which can be transmitted by the word, word combination or other syntactical groups. Their source is mass media and mass culture. The article also dwells upon one of the particular features of logoepistems — their ability to change (or periphrasis).

Keywords: lingual culture, discourse, logoepisteme, language game, periphrasis.

Лингвострановедческий подход к изучению языка и культуры способствовал появлению термина «логоэпистема» (греч. *logos* ‘слово, речь’ и *episteme* ‘знание’), введенного в научный оборот В. Г. Костомаровым и Н. Д. Бурвиковой в 1996 г. По их мнению, логоэпистема — это историческое или культурное знание, содержащееся в языковой единице. В тексте они выражены «чужими словами», т. е. говорящие апеллируют к чужому мнению, в роли которого могут выступать как авторитеты, так и общепризнанные ценности в качестве неоспоримой аргументации. Логоэпистема выступает в роли

знака, требующего осмысления на двух уровнях: языка и культуры [6, с. 256].

С точки зрения культурологии логоэпистема является материальным воплощением знаний, мыслей, традиций, обычаев, примет, представлений; передает особенности национального характера, будучи единственным способом его наивной экспликации; семиотична и символична, поскольку является элементом системы знаков и символов, используемых обществом; для ее понимания требуется соотнесение с другими текстами; дидактична, т. к. овладение ею возможно в процессе получения образования в

смысле «вращения в культуру». С точки зрения лингвистики логоэпистема имеет словесное выражение, причем может быть выраженной не только в слове, но и в словосочетании, в предложении и сверхфразовом единстве. Она характеризуется отнесенностью к конкретному языку и является указанием на породивший ее текст, ситуацию, знание, информацию, событие, факт, которые за ней стоят. В процессе коммуникации логоэпистемы не создаются заново, но возобновляются; они могут также видоизменяться в пределах сохранения опознаваемости. В любом случае логоэпистемы приобретают текстообразующую силу [3, с. 39].

В. Н. Жданов выделяет три фактора, способствующих появлению логоэпистем как вербального компонента фоновых знаний носителей языка. Во-первых, это новый вкус эпохи, при которой формируется новый тип мышления, более фразеологический и образный. В это время происходит процесс переоценки ценностей, который М. М. Бахтин назвал термином «карнавализация». Ученый применил понятие ежегодного праздника, проводимого перед великим постом, к явлениям Нового времени. Именно поэтому логоэпистемы зачастую используются в ироническом и даже сатирическом контексте. Во-вторых, появление когнитивной, антропологической лингвистики, которая рассматривает языковые явления в тесной связи с национальным менталитетом, с историей и культурой народа. В-третьих, «новое постперестроечное время требовало новых форм постижения русского языка во взаимосвязи с русской культурой» [5]. По утверждению Т. Ю. Тамерьяна, логоэпистемы в яркой форме отражают национально-культурную специфику и передаются особыми средствами данного языка. Как в живой, так и в литературной речи логоэпистемы в готовом виде обогащают высказывание мыслями и образностью, обеспечивают понимание. Они становятся основой речеповеденческих тактик, которые есть в речевой культуре, в речевом этикете каждого народа [7, с. 264].

В последние годы в английской научной литературе закрепился термин «*catchphrase*», который определяется как «броская фраза, ставшая популярной, модной; широко используемая в определенных ситуациях» [1, с. 67]. Однако в отличие от классических крылатых фраз и выражений, источниками которых являются Библия, мифология, художественная литература, современные *catchphrases* происходят из средств

массовой информации, массовой культуры и коммуникации, в т. ч. телевидения, кино-видеоиндустрии. Например, крылатая фраза «*Alive and well and living in*» ‘Жив, здоров и прекрасно поживает’ является ответом на вопросы «Что случилось с...?» или «А где сейчас...?». Фраза известна с начала XX в. благодаря бродвейскому мюзиклу «*Jacques Brel is Alive and Well and Living in Paris*».

В нашем исследовании мы используем термин «логоэпистема» как наиболее емкий и подчеркивающий наличие общественной и культурной памяти народа в подобных выражениях. Для лингвокультурологического анализа нами отобраны 284 британские и американские логоэпистемы из поисковой системы Google. Это фразы из телепередач и телесериалов, мюзиклов, интернет-форумов, рекламных текстов и т. д., активно используемые в современном дискурсивном пространстве. Развитие высоких технологий, телевидения и Интернета обеспечивает скорость получения информации, яркость и простоту ее восприятия. Приведем для примера выражение *jump the shark* ‘перепрыгивать через акулу’, которое употребляется в ситуациях, когда продюсеры популярного телесериала пытаются максимально отсрочить развязку для получения большей прибыли. Выражение появилось в известном в США сериале «Счастливые дни» (1977), где в заключительной серии показана неправдоподобная сцена с главным героем, когда он в своей обычной одежде катается на водных лыжах, перепрыгивая через акулу.

Фразы из **телесериалов** (68 ед., или 24,7 %) пользуются особой популярностью как среди молодежи, так и у старшего поколения. Например, слово *buzzinga* из американского телесериала «Теория большого взрыва» (2007–2015) на русский язык обычно переводят как «бугагашеньки». Говорящий употребляет это выражение после того, как ему удалось пошутить так, что все ему поверили. Эта фраза принадлежит главному герою сериала и широко используется в устной речи и популярна в сети Интернет. К примеру, *How did spend your weekend, John? Buzzinga, I don't care!* ‘Как ты провел выходные, Джон? Бугагашеньки, мне без разницы!’. В этой группе логоэпистем подавляющее большинство является американскими — 53 ед. (18,7 %), и британскими — 15 ед. (5,3 %). На наш взгляд, этот факт объясняется тем, что США являются центром мировой киноиндустрии, и американ-

ская масскультура позиционирует себя как одна из самых успешных в мире.

Высказывания **известных личностей**, в т. ч. и **политиков**, составляют 56 ед. (19,7 %). Их популярность можно объяснить тем, что почти каждое слово, сказанное политиком, как правило, продумано и взвешено заранее. Политическая речь — это ораторское искусство, в котором главной целью является убедить слушающих в своей точке зрения, именно поэтому политики пытаются сделать свою речь запоминающейся, яркой, используют частые повторы. Например, вопрос *Is he one of us?* 'Он один из нас?' принадлежит бывшему премьер-министру Великобритании М. Тэтчер. Вопрос задается, когда интересуются о принадлежности человека к какой-либо особой группе. Средства массовой информации, как правило, способствуют популяризации логоэпистем. Известно, что в ранние годы на троне сразу после замужества королева Елизавета II, говоря о каких-либо серьезных решениях, часто говорила *My husband and I* 'Мой муж и я', вероятно, для того, чтобы подчеркнуть и его роль в принятии решений. По правилам придворного этикета герцог Эдинбургский следует на несколько шагов позади своей венценосной супруги. Британская пресса сразу же подхватила данное выражение и стала саркастически использовать его по отношению к королеве. Вскоре Елизавета II исключила данную фразу из своих речей, тем не менее она закрепилась и адресуется тем парам, в которых супруга играет ведущую роль в семье, но всячески пытается это скрыть. В данном случае логоэпистема из политического дискурса перешла в речевой узус.

Следующей по количеству группой являются выражения из **художественной литературы** — 48 ед. (16,9 %), в которой также нужно отметить различие количественного соотношения американских и британских логоэпистем. Британские цитаты из произведений составляют 32 ед. (11,3 %), американские — 16 ед. (5,6 %). Данное соотношение, возможно, связано с тем, что британская культура имеет более длительную и богатую историю, литературу, поэтому многие логоэпистемы из британской литературы закрепились в языке его носителей. Например, фраза из пьесы американского писателя Д. Эддисона *He who hesitates is lost* 'Кто колеблется — погибнет'. Изначально выражение относилось только к теме любви — сомнений быть не может, если дело касается любви, но со временем

расширило свое значение и сферу функционирования.

Среди исследуемых логоэпистем примеры из **рекламных телепередач** составляют 18 ед. (6,4 %). Главной целью рекламы является влияние на зрителя как на потенциального потребителя, на запоминание зрителем рекламируемого продукта или услуги. Именно поэтому слоган в рекламе любого продукта должен быть максимально запоминающимся, броским, ярким. Популярное английское выражение *easy-peasy* является сокращением от *easy-peasy lemon squeezy* 'легко, как сжать лимон', которое раньше являлось слоганом моющего средства. Фраза *good... to the last drop* 'хорош... до последней капли' является рекламным слоганом кофе Maxwell House. Авторство приписывается президенту США Т. Рузвельту, произнесшему ее во время дегустации этой марки кофе. Выражение используется как в прямом значении, так и в коннотативно окрашенном контексте с ироническим подтекстом.

Следующая группа логоэпистем относится к сфере **интернет-форумов, видеоигр**. Например, *Nicolas Cage syndrome* 'синдром Николаса Кейджа' означает, что у человека нет способности выражать свои эмоции, особенно на фотографиях. Эта фраза возникла в среде интернет-пользователей в связи с тем, что большинство ролей актера являются лирическими, серьезными, однако выражение его лица во всех фильмах остается почти одинаковым. Аббревиатура *FYI* (*For Your Information*) в электронных письмах используется как метка информативного письма, а в устной речи имеет значение «если хочешь знать...» или «имей в виду, что...». Ее также часто можно услышать в речи героев кинофильмов и сериалов.

Фразы, относящиеся к сфере **спорта** (16 ед., или 5,6 %), активно используются в различных дискурсах. Например, выражение *to kick over the traces* 'выйти из повиновения, взбунтоваться' заимствовано из речи специалистов по верховой езде; *long stop* 'долгая остановка' означает дополнительную меру предосторожности для уже существующих мер. В крикете так называют человека, находящегося за игроком, ловящим мяч за воротцами, и готового схватить любой мяч, который пролетит мимо.

Песни также являются одним из источников логоэпистем (10 ед., или 3,5 %), что объясняется их распространенностью и доступностью или популярностью исполнителя. Одна из причин —

постоянные повторы, используемые в припевах песен, например, *Don't worry, be happy* 'Не волнуйся, будь счастлив' из одноименной песни 1988 г. американского певца Бобби Макферри-на, которые звучат ободрением загрустившему или приунывшему человеку. Фразеологизм *to walk in somebody's shoes* 'досл. пройти в чьей-то обуви' означает побыть на чьем-либо месте, побывать в чьей-то шкуре. Данная логозпистема звучит во многих песнях, например, «Walking in my shoes» британской группы *Derpêche Mode*, «Beautiful» американского рэп-исполнителя *Eminem*, «Crawling» американской рок-группы *Linkin Park* и др. Возможно, это связано с тем, что исполнители таких музыкальных направлений, как рок, рэп, зачастую противопоставляют себя обществу, поднимают острые социальные темы. В силу того, что текст любой песни ограничен, то логозпистемы выполняет важную функцию — в сжатой форме выразить и донести идею и эмоции до слушателя.

Одной из особенностей логозпистем является их способность в частичном изменению, или к перифразе, позволяющей расширить до бесконечности перечень ситуаций, которые могут покрываться той или иной логозпистемой, лишь бы узнаваемость ее сохранялась. При этом изначальный смысл фразы принимает конкретный, ситуативный смысл. Результаты перефразирования называются логозпистемоидами, которые позволяют до бесконечности множить смыслы логозпистемы [3, с. 37]. Трудно проследить сам механизм преобразования логозпистем, при этом возникает вопрос о пределах деформации логозпистемы, при которых сохраняется связь с ней. Наиболее часто данный прием характерен для языковой игры (шутка, острота, каламбур и пр.). Термин «языковая игра» введен в лингвистику Л. Витгенштейном и обозначает специфическое употребление языковых единиц, осознанное говорящим в функциональном отношении, т. е. соотношенное со сферой общения. Языковая игра связана с активностью языковой личности и способностью творчески использовать языковые знания [10].

Логозпистемы играют существенную роль в повседневном общении людей, в структуризации новых текстов, особенно в публицистике и художественных произведениях, так как им свойственно сжато, образно, ярко выразить какое-то значение, мнение, причем не прямо, а отсылая к общему культурному знанию носителей языка. Приведем примеры из российских газет-

ных заголовков и названий телепередач КВН, нацеленных, по мнению известного словацкого ученого Д. Дюришина, на «выпуклую радость узнавания» [4, с. 67] и отражающих современные реалии: *Война и Минск. Что Элладе плохо, России все равно. Пинг-понг жив! Год в сапогах. По уши в егэ! Журчат рубли. Люди в белых зарплатах* (последние два примера — аллюзии на известные советские песни И. Дунаевского «Весна в Москве» [журчат ручьи, спят лучи...] и Э. Колмановского [Люди в белых халатах низко вам поклониться хочу...]).

Стоит особо подчеркнуть склонность логозпистем к перифразе в конкретных ситуациях: именно популярные пословицы и поговорки становятся постоянным предметом перефразирования. Некоторые из них настолько закрепились в речи, что сами по праву могут называться поговорками. Известная английская пословица «*Better late than never*» 'Лучше поздно, чем никогда' имеет перифразу «*Better safe than sorry*» 'Лучше перестраховаться, чем сожалеть'. Знаменитый американский актер В. Аллен также перефразировал данную логозпистему — «*Better live coward than a dead hero*» 'Лучше живой трус, чем мертвый герой'. Примечательно, что эквивалента данному выражению в русском языке нет, существуют только противоположные: «хоть в лепешку расшибись», «умри, но сделай», «кровь из носу». В английской лингвокультуре есть подобное выражение — «*Do or die*» 'Сделай или умри', однако оттенок значения другой — даже в такой категоричной фразе у человека есть выбор. В русской картине мира смерть не считается причиной достаточно уважительной для невыполнения своего долга.

Другой фразой, часто подвергающейся изменению, является выражение «*Keep calm and carry on*» 'Сохраняйте спокойствие и продолжайте в том же духе', которое взято из агитационного плаката, созданного в Великобритании в 1939 г. в начале Второй мировой войны. В то время фраза не получила широкой известности, однако в 2000 г. обрела широкую популярность благодаря надписям на британских сувенирах. В наши дни часто используется в перифразированной форме в шутливом, ироническом контексте в сети Интернет: «*Keep calm and drink tea*» '...и пей чай', «*Keep calm and look busy*» '... и делай занятой вид', «*Keep calm and call Ghost Busters*» '... и звоните охотникам за привидениями', «*Keep calm and call Batman*» '... и зовите Бэтмена' и др. Каждая перифразированная логозпи-

стема имеет свою неповторимую окраску, тесную связь с ситуацией общения и, будучи актуальна именно в данной ситуации, может оказаться абсолютно неуместной в другой. Изучение английских логоэпистем выявляет культурные особенности как в изучаемом языке, так и в родном, что делает их исследование актуальным и важным. Ведь взаимосвязь языка, мышления и действительности наиболее четко прослеживается в осмыслении фактов своей и чужой культуры.

Литература

1. Артемова А. Ф., Леонович О. А. Catchphrases — крылатые фразы // Иностранные языки в школе. — М., 2004. — № 6. — С. 67–71.
2. Бахтин М. М. Карнавализация [Электронный ресурс] / Энциклопедия культурологии // Словари и энциклопедии на Академике. — URL: dic.academic.ru/nsf/enc_culture/848/Карнавализация
3. Бурвикова Н. Д., Костомаров В. Г. Жизнь в мимолетных мелочах. — СПб.: Златоуст, 2006. — 68 с.
4. Дюришин Д. Теория сравнительного изучения литературы. — М., 1979. — 318 с.
5. Жданов В. Н. Логоэпистема как знаковая лингвокультурологическая единица русского дискурса [Электронный ресурс] // Гуманитарные науки и проблемы современной коммуникации: материалы междунар. науч.-практ. междисциплинар. интернет-конф. — Якутск: СВФУ им. М. К. Аммосова, 2015. — URL: philology.s-vfu.ru/?page_id=755
6. Костомаров В. Г., Бурвикова Н. Д. Понятие логоэпистем // Россия и Запад: диалог культур. — М., 1999. — Вып. 2. — С. 248–257.
7. Тамерьян Т. Ю. Текстовые единицы в ракурсе комплексного подхода // Язык. Текст. Дискурс. — 2007. — Вып. 5. — С. 262–268.
8. Christopher J. Moore. How to speak Brit: the quintessential guide to the king's English, Cockney slang, and other flummoxing British phrases. — London: Elwin Street Productions, 2014. — 103 p.
9. Meara O' T. A Miscellany of Britain: people, places, history, culture, customs, sport. — London: Arcturus, 2007. — 192 p.
10. Языковая игра [Электронный ресурс] / Стилистический энциклопедический словарь русского языка // Словари и энциклопедии на Академике. — URL: stylistics.academic.ru/271/Языковая_игра

References

1. Artemova A. F., Leonovich O. A. Catchphrases — krylatye frazy. *Inostrannye jazyki v shkole — Foreign languages at school*. Moscow: 2004. No 6. Pp. 67 — 71.

2. Bahtin M. M. *Elektronnaya ehnciklopediya. Karnavalizaciya* [Electronic encyclopedia. Carnivalisation]. Moscow: 2000 — 2004. Available at: <http://www.dic.academic.ru>. (Date of access: 15.12.2014).

3. Burvikova N. D., Kostomarov V.G. *Zhizn' v mimiolyetnyh melochah* [Life in fleeting trifles]. Saint-Petersburg: Zlatoust. 2006. 68 p.

4. Dyrishin D. *Teoriya sravnitel'ngo izucheniya literatury* [Theory of comparative study of literature]. Moscow: Progress. 1979. 318 p.

5. Zhdanov V. N. Logoehpistema kak znakovaya lingvokulturologicheskaya edinica russkogo diskursa [Logoepistem as a sign linguocultural unit of Russian discourse]. *Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy mezhdisciplinarnoy internet-konferencii «Gumanitarnye nauki i problemy sovremennoy kommunikacii» — Materials of intercultural Internet conference «Human sciences and problems of modern communication»*. Yakutsk: 2015. Available at: http://www.philology.s-vfu.ru/?page_id=755. (Date of access: 27.03.2015).

6. Kostomarov V. G., Burvikova N.D. *Ponyatie logoehpistem* [The concept of logoepistem]. *Rossiya i Zapad: dialog kul'tur — Russia and the west: dialogue of cultures*. No. 2. Moscow: 1999. Pp. 248 — 257.

7. Tamer'yan T. Y. *Tekstovye edinicy v rakurse kompleksnogo podhoda* [Textual units in perspective of complex approach]. *Yazyk. Tekst. Diskurs. — Language. Text. Discourse*. No. 5. Stavropol' — Pyatigorsk: 2007. Pp. 262 — 268.

8. Christopher J. Moore. How to speak Brit: the quintessential guide to the King's English, Cockney slang, and other flummoxing British phrases. London: Elwin Street Productions, 2014. 103 p.

9. Meara O' T. A Miscellany of Britain: people, places, history, culture, customs, sport. London: Arcturus, 2007. 192 p.

10. stylistics.academic.ruYazikovaya igra

УДК 81'1+811.111

**КОНЦЕПТ И КАТЕГОРИЯ: К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕМЕ ПОНЯТИЙ
(НА ПРИМЕРЕ КАТЕГОРИИ ASSERTION В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ)**© *Дронова Ирина Александровна*

кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка
Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: oplira@mail.ru

Статья посвящена изучению базовых понятий когнитивной лингвистики — концепт и категория — и их определению на основе модусной категории ассерции в английском языке.

Концепт представляет собой некий смысл, элементарную единицу мышления, имеющую наряду с субъективными интерпретациями обобщенное значение, большая часть которых вербализована в языке разнообразными именами, апеллирующими к одному референту. Концепты национальны и уникальны.

Категории являют собой структуры наиболее общего порядка: как формы мышления они осуществляют классификацию полученного опыта и в языке представлены в качестве группы элементов различных уровней, подведенных под единое основание. Категории универсальны и существуют в языке вне зависимости от опыта субъекта.

Исследование лексикографических источников современного английского языка и корпусов позволило выявить наиболее существенные признаки категории и концепта ASSERTION в современном английском языке.

Как категория ASSERTION представлена группой разноуровневых единиц языка (лексемы, клише, свободные словосочетания и т. д.), вступающих в отношения степени выраженности уверенности/правдивости в высказываемом, с одной стороны, и как совокупность знаний о базовом концепте и его признаках, соположенных концептах и категориальной ситуации — с другой.

Как концепт ASSERTION — это категоричное, правдивое высказывание (как процесс или как результат), в которое говорящий верит.

Ключевые слова: категория, концепт, ассерция.

**CONCEPT AND CATEGORY: ON THE PROBLEM OF DENOTATION
(CASE STUDY: CATEGORY OF ASSERTION IN THE ENGLISH LANGUAGE)***Irina A. Dronova*

PhD, A/Professor of the Department of English Language, Buryat State University
24a Smolina St., Ulan-Ude 670000, Russia

The article is focused on the detailed study of two basic notions in cognitive linguistics — «concept» and «category» and their definition as exemplified by the mode category of ASSERTION in Modern English.

Concept represents a certain sense as elementary unit of thinking that deals with subjective interpretations as well as has objective characteristics; most of concepts are present in the language under different names appealing to the same referent. Concepts are national and unique.

Categories are structures of the most general order: as forms of thinking, they carry out classification of received experience. In language, they exist as a group of language units of various levels grouped on the same basis. Categories are universal and exist in language regardless of a person's experience.

Detailed study of dictionaries and corpuses of Modern English revealed the main features of ASSERTION as concept and category.

As category, ASSERTION is as a group of language units of different levels (words, clichés, word combinations, etc.) that are related to each other on the basis of degree of assurance and truthfulness of what is being said. In the form of thinking, it exists as set of knowledge of a basic concept and its characteristics, related concepts and the categorical situation.

As concept, ASSERTION — is a categorical, truthful statement (process as well as result), that the speaker believes.

Keywords: category, concept, Assertion.

В современных лингвистических исследованиях термины «концепт» и «категория» довольно популярны, при этом иногда используются с одинаковой валентностью. Положение когнитивной лингвистики о том, что категории формируются вокруг концепта, лишь усиливает неверное понимание. Например, применительно к одному и тому же содержанию могут использоваться оба термина — концепт «Правда» и категория «Правда».

В статье предпринимается попытка уточнения приведенных терминов и определение их содержания на примере концепта и категории ассерции.

Концепт — ключевое понятие когнитивной лингвистики, и он, в зависимости от подходов к изучению лингвистических явлений, своей внутренней организацией и отношением к другим базовым лингвистическим терминам определяется неоднозначно (об этом: Langacker, 1973, 1997; Кубрякова, 1991; Гажева, 2000; Стернин, 2001, 2010; Попова, 2001; Залевская, 2001; Бабушкин, 2001; Болдырев, 2001б, 2009; Кашкин, 2001; Карасик, 2002; Бабенко, Казарин, 2004; Вохмянина, 2006; Степанов, 2009 и др.).

В своем исследовании под концептом мы понимаем тот смысл, то внутреннее логическое содержание, которое может быть понятным, то есть постигнуто разумом. Такими смыслами человек оперирует в процессе мышления; они «отражают содержание его опыта и знания, а также содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких квантов значения» [4, с. 90]. Таким образом, концепты могут являться результатом субъективной инференции, интерпретации, обобщения окружающей действительности, с одной стороны, и представлять собой ценностно значимые установки определенных групп, содержащие в себе накопленный опыт и знания, — с другой.

В языке как в знаковой системе, позволяющей осуществлять общение, существует имя (имена) для концептов — появление некоего нового знания, разделение его с другими субъектами общества; дополнение информации об этом новом знании неизбежно ведет к необходимости его номинации с помощью языкового знака, являющегося именем концепта. Процесс осмысления поступающей информации к человеку и образования новых концептов называется концептуализацией [4, с. 93].

Можно ли утверждать, что за каждым знаком языка скрывается концепт? Однозначно нет: множество синонимов, имеющих функциональные, стилистические особенности или обладающих эмоциональной окраской, по сути, апеллируют к одному и тому же референту — смыслу. Однако множество концептов, о которых индивид имеет неполное, частичное, особое представление, остаются невербализованными. Именем концепта становится тот знак, который способен наиболее полно раскрыть это смысловое содержание. Основываясь на полученных знаниях или опыте, человек дает определения, сравнивает, делает умозаключения, высказывает свои мысли и чувства, группирует предметы различной степени абстрактности по одному или нескольким признакам в классы. Соответственно, концептуализация неотделима от категоризации; оба процесса играют существенную роль в познании и самопознании [5].

Термин «категория» встречается во всех науках, но в каждой из них имеет свое конкретное наполнение. В целом все категории могут рассматриваться в двух ипостасях: как формы мышления и как формы бытия [3]. Как формы мышления они осуществляют классификацию получаемого опыта, имеют предельно общий абстрактный смысл, выражающий наиболее существенные отношения действительности. Как формы бытия они представляют собой группу элементов, имеющих общие основания или признаки для группировки в единое целое. Отнесение познаваемого объекта к некоторому классу, в качестве которого могут выступать не только названия материальных предметов, но сенсорные и перцептивные образцы, социальные стереотипы, эталоны поведения — в целом обобщения, несущие в себе совокупный общественный опыт, называется категоризацией (Манерко, 2000; Никитин, 2003; Кубрякова, 2004; Croft, 2004; Болдырев, 2005, 2009; Бондарко, 2009 и др.).

Результатом категоризации является образование категорий, интегрирующих в себе разные структуры знания: 1) знание общего концептуального основания для объединения тех или иных объектов; 2) знание самих объединяемых объектов и 3) знание принципов и методов их объединения [1].

Концепты наряду с объективными признаками имеют субъективные интерпретации, то есть они индивидуальны и единичны, поскольку существуют в сознании каждого индивида, и лишь

их вербализация посредством знаковых систем способна привести к формированию того инвариантного содержания, разделяемого каждым носителем естественного языка. Данное инвариантное содержание зафиксировано в толковых словарях. Вербализованный концепт является достоянием того общества, в котором появился, и, соответственно, в зависимости от своего содержания, может иметь еще одну отличительную от категории черту — национальную специфичность. Концепты апостериорны, они есть суть эмпирического знания, определяемого опытом, возникают в процессе построения информации об объекте и служат для обеспечения операций отождествления или различения [4].

Категориям характерны предельно общие понятия; они объективны, надиндивидуальны и наднациональны и служат для обобщения и классификации опыта [4]. Такие формы мышления или формы бытия возникают для обеспечения операций отнесения познаваемого/наблюдаемого предмета к группе предметов. Как отмечается исследователями, категории зачастую универсальны — они способны рассекать универсум надвое. В таком случае большая часть категорий формируется вокруг противоположных по значению полюсов, например, категории ассерция/негация. Среди существенных признаков категорий следует отметить их априор-

ность — независимость от личного опыта и предшествование ему [3].

Если концепты представляют собой элементарные единицы мышления, то в случае с категориями мы в первую очередь имеем дело с теми отношениями, в которые вступают их конститuentы между собой. Так, например, грамматическая категория наклонения представляет собой тринарную оппозицию (изъявительное, побудительное, условное).

Изучение категории ассерции (Assertion) в английском языковом сознании позволило прийти к следующему выводу: рассматриваемая категория существует вне зависимости от говорящего субъекта — она есть форма мышления, позволяющая классифицировать высказывания человека относительно двух полюсов: ассерция (Assertion) и негация (Negation). Отношение говорящего субъекта к тому, о чем говорится, как правдивому/неправдивому является базисом появления категорий ассерция/негация. Наличие инвариантного смысла ассерции в английском языковом сознании, признаки которого зафиксированы в лексикографических источниках, обеспечивает возможность классифицировать наблюдаемое как попадающее/исключаемое из категории. Анализ словарей позволил определить признаки концепта, формирующие категорию (табл. 1).

Таблица 1

Градация концептуальных признаков ассерции (Assertion)

Assertion (Ассерция)	
Прототипические признаки	Типичные признаки
	категоричное, уверенное заявление
	высказывание, в которое человек верит или считает правдивым
	бездоказательное высказывание
	Менее типичные
	умение выражать свои чувства и потребности
	защита, отстаивание своего положения, прав
эмфатичное заверение, высказывание	
Непрототипические признаки	Ближняя периферия
	признание сказанного, услышанного, подтверждение
	официальное (устное или письменное) заявление
	Дальняя периферия
	согласие с высказанным ранее, одобрение
	обещание или заверение
акцентирование внимания собеседника на чем-то	

Градация признаков (типичные/менее типичные, ближней и дальней периферии) осуществлялась по частотности способов языковой репрезентации выявленных признаков в словар-

ных дефинициях и количеству синонимических языковых знаков, способных актуализировать эти признаки в высказываниях. Перечисленные признаки являются основными критериями в

процессе категоризации. Ассерция как категория существует в языковом сознании благодаря абстрактному понятию ассерции (противопоставленного понятию негации), имеющему фиксированный набор инвариантных признаков в совокупности со знаниями о том, какие языковые средства возможно использовать для выражения своего отношения к окружающему миру, в каких ситуациях и в системе каких межличностных взаимоотношений возможна эта языковая реализация. Следовательно, объектами изучения категории ассерции как формы мышления могут стать такие ее конститuentы, как соположенные концепты (пересекающиеся по одному или ряду признаков базового концепта), фреймы, сценарии и категориальная ситуация.

Категории и язык в практическом функционировании нераздельны. Всякое языковое выражение содержит категории, а всякая категория действует в форме языковых высказываний, следовательно, необходимо проследить, как данная категория актуализируется в языке. Изучение лексикографических источников, корпусов английского языка позволяет выделить следующие единицы — конститuentы одноименной категории:

Ядро: лексемы: *assertion, assert, assertively, assertiveness, assertive.*

Ближняя периферия: а) лексемы: *acknowledgement (acknowledge), affirmation (affirm), allegation (allege, allegedly), asseveration (asseverate), attestation (attest), avouchment (avouch), claim (claim), declaration (declare), insistence (insist, insistent, insistently), maintenance (maintain), proclamation (proclaim), profession (profess), pronouncement (pronounce), remark (remark), report (report), statement (state), stressing (stress), vindication (vindicate), affidavit, deposition;* б) синтаксические средства: конструкции с предикатами уверенности *be sure, be convinced, be / feel certain, be positive;* эмфатические конструкции с вспомогательными глаголами (*do + verb*).

Дальняя периферия: а) лексемы: *assent (assent), avowal (avow, avowedly, avowed), okay, pledge (pledge), assurance (assure, assured, assuredly), oath, agreement (agree), acceptance (accept), aye! hell! aye man! we aye! uh-hu, mhm, aha, ahh, oh;* б) синтаксические средства:

– слово-предложение *yes;*

– фразеологические единицы *one's say-so; on sb's say so; to have one's word;*

– клише (*I see, I get it*);

– словосочетания (*a word or two of assent*); конструкции с модальными глаголами; конструкции *lay (place, put) the stress on something; attach (attribute) importance to; add (attach, give, lend) weight to; give prominence to;* восклицательные предложения, наличие утвердительной предикации в предложении [подробнее см. 2].

Исследование демонстрирует, что как форма бытия категория ассерция — это совокупность разноуровневых средств языка, вступающих в отношения степени выраженности уверенности/правдивости в высказываемом. Таким образом, ассерция как концепт являет собой категориальное, правдивое высказывание (как процесс или как результат), в которое говорящий верит. Категория ассерции рассматривается как совокупность знаний и представлений о базовом концепте со всей номенклатурой присущих ему признаков, соположенных концептах, фреймовых структурах и категориальной ситуации на уровне сознания. В плане языковой реализации рассматриваемая категория выступает в качестве совокупности разноуровневых средств языка, вступающих между собой в отношения степени выраженности выявленных концептуальных признаков.

Литература

1. Болдырев Н. Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. Концептуализация мира в языке. — М.; Тамбов, 2009. — Вып. IV. — С. 25–78.

2. Дронова И. А. Модусные категории ASSERTION / NEGATION в современном английском языке: когнитивно-функциональный потенциал: дис. ... канд. филол. наук. — Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2012. — 193 с.

3. Книгин А. Н. Учение о категориях: учеб. пособие. — Томск, 2002. — 193 с.

4. КСКТ — Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. — М.: Наука, 1996. — 248 с.

5. Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: вместо введения // Когнитивные исследования языка. Концептуализация мира в языке. — М.; Тамбов, 2009. — Вып. IV. — С. 11–24.

References

1. Boldyrev, N. N. *Konceptual'naya osnova yazyka* [Conceptual basis of the language]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka. Konceptualizaciya mira v yazyke* [Proc. of «Cognitive Studies of the Language. World Conceptualization in the Language»]. Moscow, Tambov: Institut yazykoznaniiya RAN; TSU Publ. House, 2009. Vol. IV. Pp. 25–78.

2. Dronova, I. A. *Modusnye kategorii ASSERTION / NEGATION v sovremennom anglijskom yazyke: kognitivno-funktional'nyj potencial*. Cand. of sc. diss. [Mode Categories ASSERTION / NEGATION in Modern English: Cognitive and Functional Potential. Cand. sc. diss.]. Irkutsk, 2012. 193 p.

3. Knigin, A. N. *Uchenie o kategoriyah*. [Theory of Categories]. Tomsk, 2002. 193 p.

4. KSKT — *Kratkij slovar' kognitivnyh terminov* [Concise Dictionary of Cognitive Terms]. Moscow: Nauka, 1996, 248 p.

5. Kubryakova, E. S. *V poiskah sushchnosti yazyka: vmesto vvedeniya* [Searching for Fundamental Nature of the Language: as Introduction]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka. Konceptualizaciya mira v yazyke*. Proc. of «Cognitive Studies of the Language. World Conceptualization in the Language». Moscow; Tambov: In-t yazykoznanija RAN; TSU Publ. House, 2009. Vol. IV. Pp. 11–24.

УДК 811.13

КАРНАВАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ ВАЛЛЕ-Д'АОСТЫ

© *Моисеева Дарья Павловна*

преподаватель кафедры французского языка и культуры факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М. В. Ломоносова
Россия, 119991, г. Москва, Ленинские горы, 1
E-mail: petitegallomanne@yandex.ru

Статья посвящена анализу сохранившихся до наших дней народных праздничных традиций встречи весны в регионе Валле-д'Аоста (Италия). С момента первого упоминания в письменных источниках XV века и до настоящего времени вальдостанский карнавал развивался, постепенно утрачивая архаическую ритуальную функцию и обрастая новыми легендами, связанными с историей региона. Так, большое влияние на праздник оказало вторжение наполеоновских войск в 1800 г. Это событие нашло отражение в карнавальных образах-масках, которые вместе с тем обнаруживают черты древнего культа тотемных животных (медведь, бык). В контексте исторически сложившегося в регионе полилингвизма особое внимание в статье уделяется роли франкопровансальских говоров, не имеющих официального статуса, однако являющихся главным языком неформального общения вальдостанцев и языком карнавала.

Ключевые слова: Валле-д'Аоста, карнавал, анимализм, патуа, франкопровансальский, самоидентификация.

CARNIVAL TRADITIONS OF THE AOSTA VALLEY

Daria P. Moiseeva

Lecturer, Department of French Language and Culture, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia

The article is devoted to the analysis of extant folk festive traditions to meet the spring in the region of Aosta Valley (Italy). Since its first mention in written sources of the XV century to the present time the Valdostan carnival has evolved gradually losing the archaic ritual function and acquiring new legends associated with the history of the region. So, a big impact on the festival had the invasion of Napoleon's army in 1800. This event is reflected in carnival masks, which, however, reveal features of the ancient worship of totem animals (bear, bull). In the context of multilingualism historically established in the region, special attention paid to the role of Franco-Provençal patois that do not have official status, however, which is the main language of informal communication of the Valdostan population and the language of the carnival.

Keywords: Aosta Valley, carnival, animal worship, patois, Franco-Provençal, self-identification

Валле-д'Аоста — островок франкофонии на юго-востоке от Монблана, земля, увенчанная самыми высокими европейскими вершинами, — сегодня имеет статус автономной области в составе Италии. Валле-д'Аосту называют «франкоязычным анклавом», где французский язык держит оборону от наступающей италиянизации «подобно галлам из деревни Астерикса» [13], сопротивлявшимся романизации. В регионе также продолжают бытовать варианты франкопровансальского языка/диалекта¹, центром ареала которого исторически был город Лугдунум (Лион). Сегодня франкопровансальские говоры, распространенные также в восточной части Франции и во франкоязычных кантонах Швей-

царии (за исключением кантона Юра), именно в Валле-д'Аосте, сохраняют наиболее прочное положение [5, с. 304–308], однако не имеют официального статуса.

После падения Римской империи Валле-д'Аоста в течение 15 веков тяготела к франкоязычному полюсу. Большую часть этого времени ее территория находилась под покровительством герцогов Савойских и пользовалась широкой автономией. Со времен Средневековья французский язык здесь сосуществовал с франкопровансальским в ситуации дисглосии, где первый со временем занял позицию «высокого» языка, а второй — «низкого», крестьянского. Находясь в центре многочисленных военных

конфликтов, Валле-д'Аоста многократно переходила от Савойи к Франции, королевству Пьемонт и обратно, пока в 1861 году не стала частью единого Итальянского королевства, что коренным образом изменило культурно-языковое положение в регионе.

С усилением политики централизации Италии французский язык в Валле-д'Аосте начинает сдавать позиции. Особенно серьезный ущерб языковому и культурному наследию региона был нанесен фашистским режимом и проводимой Муссолини политикой насильственной италиянизации, вызывавшей негодование местного населения. С полным запрещением французского языка вальдостанцы в устной речи стали активно прибегать к местному франкопровансальскому, использование которого не каралось властями.

В 1948 г. в целях противодействия вальдостанскому сепаратистскому движению, выступавшему за присоединение к Франции, республиканское правительство Италии наделило регион статусом автономии, согласно которому Валле-д'Аоста получила возможность самостоятельно выстраивать языковую политику. Французский язык получил статус официального языка наравне с итальянским (с ограничением применения в юридической сфере).

Между тем проведенные в Валле-д'Аосте в 2001 г. социологические исследования выявили значительный перевес в пользу итальянского языка. Согласно результатам опросов, итальянский родным языком назвали 71,58 % респондентов, различные говоры/диалекты — 12,16 % опрошенных, франкопровансальский — 3,21 %, французский — всего 0,99 % [11]. Социологи также констатируют почти полное отсутствие французского языка на уровне высших учебных заведений. Национальное телевидение, радио, пресса и интернет довершают процесс погружения Валле-д'Аосты в италоговорящую среду.

Таким образом, французский язык, находящийся на грани исчезновения, продолжает свою жизнь в коллективном воображаемом как место памяти, которое участвует в формировании представлений вальдостанцев о самих себе. Французский остается языком исторических документов, топонимов, дорожных указателей и ограниченного количества локальных франкоязычных изданий, радио и телеканалов.

Идентифицирующим же символом региона являются именно франкопровансальские говоры. Отметим, что само слово «говор» (патуа) в

Валле-д'Аосте утратило негативную коннотацию «языкового образования, лишенного социального престижа» (определение А. Доза) [5, с. 32]. Напротив, говор называется «языком сердца», что подразумевает особую привязанность вальдостанцев к своему родному наречию [Bureau Régional pour l'ethnologie et la linguistique].

На протяжении последних 150 лет для жителей региона вопрос о языке (точнее о языках) — это не вопрос о средствах коммуникации, а проблема самоидентификации, выбора исторического и культурного пути.

Исследователи народной культуры различных стран и эпох единодушно указывают на ведущую роль праздника в отражении сущности народа, его сакрального и эмоционального мира и «мира идеалов» [1] человека в целом. В этой связи представляется интересным рассмотрение традиций дошедшего до нас вальдостанского карнавала Холодной долины (франкопров. — *Coumba Freida*²). В контексте сложного культурно-языкового климата, сформировавшегося в регионе, необходимо также проанализировать функцию франкопровансальских говоров в этом празднестве.

Карнавальная легенда и основные маски

Карнавал *Coumba Freida* обязан своим названием ледяным ветрам, дующим в долине Гран Сен-Бернар большую часть года. Сегодня праздничные традиции, связанные с проводами зимы, сохраняются в основном в нескольких небольших коммунах, таких как: Аллен, Бьона, Дуэ, Этрубль, Сент-Уайен, Энтро, Сен-Реми-ан-Босс и др. Для нескольких сотен жителей этих коммун карнавал — это период народного единения, преодоления собственной изолированности, обращения к корням через ритуальные действия, понятные каждому вальдостанцу, и которым все причастны.

Вальдостанская легенда связывает появление карнавала с эпизодом, вписавшим уединенную Валле-д'Аосту в историю Французской империи. Речь идет о переходе французских войск во главе с Наполеоном через перевал Гран Сен-Бернар в мае 1800 г. во время Итальянской кампании. Впечатление жителей горных деревень долины от спускающегося с заснеженных скал многотысячного французского войска во главе с Первым консулом было так значительно, что послужило началом традиции изображения это-

го исторического перехода французов в театрализованной праздничной форме.

Приведенная история зарождения карнавала является примером того, как мифологизируются народные празднества, когда их архаический ритуальный смысл постепенно утрачивается и ему на смену приходят более актуальные интерпретации — исторические события или локальные происшествия, запечатлевшиеся в коллективной памяти. Ознаменованное переходом французов через перевал Гран Сен-Бернар на самом деле является воспроизведением целого комплекса древнейших ритуалов, сопровождающих временную смену — переход от зимы к весне.

Первые письменные свидетельства о вальдостанском карнавале появились еще в XV в. В январе 1464 г. епископ Валле-д'Аосты Франсуа де Пре в своем обращении к герцогу Савойскому обличает народные карнавальные увеселения: «Мужчины скрывали свои лица масками и облачались в неподобающие одежды с колокольцами *«tintinnabula vaccarum»*. На голове у них были дьявольские рога. В этом постыдном виде они проходили по улицам и площадям, повергая в ужас женщин и детей и чиня разного рода бесчинства» [9, с. 21]. Епископ просит принять необходимые меры и наказать виновных пожизненным изгнанием с конфискацией их собственности.

Описываемая вальдостанским священником «личина» с рогами и колокольцами, вероятно, соотносится с маской быка, одной из самых архаичных и широко распространенных у народов Европы. Употребление звероподобных масок (козла, оленя, волка, кобылы, собаки, кабана и др.) связано с дохристианским культом животных [3, с. 105–114].

Из зооморфных масок карнавала Coumba Freida сегодня сохранилась только маска медведя (ее подробно рассмотрим ниже), но некоторые животные элементы дошли до нас и в человеческих образах. В этом отношении показательным является пример Ландзетте (франкопров. *landzette* — редингот, сюртук) — главный персонаж карнавала, олицетворяющий французских солдат армии Наполеона.

Костюм Ландзетте состоит из белой сорочки, ансамбля сюртука и брюк, расшитых замысловатыми растительными мотивами, украшенных бахромой, блестками, зеркалами, бантами и искусственными цветами, символизирующими обновление природы. На кожаном ремне, опоясывающем Ландзетте, помимо нескольких ма-

лых бубенцов обязательно присутствует большой колокольчик-ботало (*gorgoille*), напоминающий о быке. Образ дополняют галстук-бабочка в цвет сюртука, эполеты и головной убор (*lo casque*). Также обильно декорированный, он имеет форму треугольной шляпы, которую, в зависимости от коммуны, носят углами в стороны или одним «рогом» вперед. Ассоциация с рогом, возникшая здесь неслучайно, снова возвращает нас к древнему культу быка, элементы которого сохранились в вальдостанском карнавале в виде наполеоновской треуголки.

Неотъемлемым зооморфным атрибутом костюма Ландзетте также является плетень из конского хвоста, призванный прогнать злых духов и принести богатый урожай. В руках маски этот хлыст непрерывно совершает круговые движения, вызывающие магические вихри, которые связывают верхний и нижний миры. Анонимность образа обеспечивает маска (*vesadjie/maskga*) в виде человеческого лица с карикатурными или чудовищными (звериными) чертами: преувеличенным, часто деформированным носом, круглыми вытаращенными глазами, испещренным морщинами лбом, крупным оскаленным ртом. Сакральная роль Ландзетте в священнодействии пробуждения природы роднит его с Жилем, уникальной маской карнавала г. Бенш (Бельгия), включенного в 2003 г. в список шедевров нематериального наследия ЮНЕСКО [6].

Другой ключевой персонаж карнавала долины Гран Сен-Бернар Медведь (*Orso*) связан с культом «хозяина леса». Его образ в мифопоэтическом сознании полисемичен. С древних времен охотники отмечали необыкновенные качества медведя, делавшие его похожим на человека и указывавшие на общее их происхождение (Медведь как прародитель) [2]. За способность к стопохождению, всеядность и ловкость передних лап его представляли «звериным двойником человека» животных [3, с.35].

Способность медведя впадать в зимнюю спячку, состояние своеобразной летаргии, из которой он пробуждается весной, издавна связывалась с цикличностью природы, умиранием и возрождением. Медведю приписывалась роль посредника в переходе от зимы к весне. Вальдостанская народная примета гласит: «*Se feit soleil lo dzor de Saint Ors, l'Iver dure inco quarenta dzor*» (франкопров.) [12, р. 22] — «Если в день Святого Урса светит солнце, зима продлится еще сорок дней». Устойчивость медвежьего культа в вальдостанской культуре находит подтвержде-

ние в том, что один из самых почитаемых в провинции святых, покровитель региона носит имя Медведя.

Традиционно на вальдостанском карнавале Медведя изображает молодой мужчина крепкого телосложения. Он надевает длинный, целиком закрывающий тело костюм в виде белой медвежьей шкуры и звериную маску с разинутой пастью и высунутым языком. В карнавальном шествии медведя часто сопровождает Укротитель (*Domatore*), который держит зверя на цепи и время от времени умиряет его ударами хлыста.

В карнавальное время Медведь реализует сразу несколько функций: прежде всего, он вступает в схватку с молодыми мужчинами, участвуя таким образом в воспроизведении обряда инициации. В этой битве Медведь неизменно должен быть побежден, но, за «гибелью» животного следует его «воскрешение» (часто при помощи Доктора). Зверь как ни в чем не бывало встает и пускается в пляс. В. П. Даркевич отмечает, что инсценировка убийства (страстей) и воскресения культового животного — древнее таинство, имитирующее круговорот года [3, с. 105–106].

Другая сущность вальдостанского Медведя — его ярко выраженное эротическое начало, связанное с культом плодородия. Стоит лишь Укротителю ослабить цепь, на которой он держит зверя, как тот набрасывается на молодых женщин, сжимает их в крепких объятьях, кружит в танце, падает и катается по снегу, вовлекая девушек в подобие сексуальной игры [12, с. 28].

В основе карнавальной комедии с ее характерными типами и бурлескными ситуациями лежит идея сезонных смен, извечной борьбы жизни и смерти [3, с. 168]. В карнавале Холодной долины этот мотив сохранился в противопоставлении двух пар персонажей, участвующих в процессии. С одной стороны, Арлекин (*Arlequin*) и Девушка (*Damigella*) — символы красоты, молодости и добродетели, с другой — деревенские сумасшедшие, Старик и Старуха (*Toso* и *Tosa*), воплощающие уродство, смерть и близость к земле. В гротескных масках, поношенной, местами порванной одежде, с традиционными атрибутами старости (трость у Старика, корзинка с вязанием у Старухи), эти носители выраженного материально-телесного начала отличаются шумным и непристойным поведением. Старик заигрывает с женщинами, вызывая ревность

Старухи, которая нещадно поколачивает своего спутника, но, в свою очередь, не упускает возможности кокетничать с молодыми мужчинами [12, с. 28]. Подобные действия, намеренно совершаемые в противоположность повседневному нормам, являются обязательными для «перевернутого» карнавального мира.

Маска Черта (*Diavolo*) — неотъемлемая составляющая вальдостанского карнавала, однако на современном этапе она утрачивает свою мистическую функцию (устрашение злого духа его подобием) и в большей степени является носителем игрового начала. Дьяволятами часто наряжают детей.

Рассмотренные маски вместе с музыкантами формируют карнавальную процессию (франкопров. *benda* — шайка, толпа; отряд). Количество участников в ней может варьироваться от одной коммуны к другой, но состав масок остается постоянным.

На языке карнавала...

Вальдостанский карнавал — это целая «народная симфония». Помимо песен и криков масок, звуков духовых и ударных инструментов воздух наполняется бряцанием бубенцов и колокольчиков, сопровождающих каждое движение ряженых. Все вместе они сливаются в характерный звон.

В дни карнавала, словно подчиняясь логике «изнаночного» мира, франкопровансальские говоры занимают место официального языка. Под аккомпанемент аккордеона и флейты ряженые и зрители хором исполняют популярные напевы на родном наречии, в которых переданы «чувства народа, гордого своей свободой, своими традициями и особенностями, работающего, немного подозрительного, иногда насмешливого» [7]. Примером песни, без которой невозможно себе представить карнавал *Coumba Freida*, является «*Ma verda vallaye*» (Моя зеленая долина). Эта композиция, написанная каноником Жаном Доменом (*Jean Domaine*) для хора церкви Св. Урса, быстро снискала популярность в народе и стала для многих вальдостанцев вторым гимном региона [10, с. 80–83]. Приведем припев данной песни:

О, моя зеленая, прекрасная Долина, о, моя земля, родина предков,

О, залитые солнцем поля, твоя душа все та же, что и прежде.

Мы поем, и в сердце горит пламя. Любовью к краю, жизнью,

Милостивым Господом, землей, нашей матерью сильны мы, вальдостанцы! (пер. наш. — Д. М.).

«Ma verda vallaye» — это ода красоте родной Долины (долины Аосты), но также и родному языку, хранителю самой вальдостанской души, наполненной ностальгией по былому.

В череде перемещений по городу ряженые ни на минуту не прекращают танцевать. Главной хореографической фигурой карнавала на протяжении многих веков остается круг, связанный с культом солнца и полной луны. Не имеющий ни начала, ни конца круговой танец масок выражает идею бесконечности, целостности, вызывает циркуляцию жизненной энергии, кроме того, является защитой от негативного влияния потусторонних сил [3, с. 98].

Хоровод сменяется другой традиционной пляской с характерными зигзагообразными и спиралевидными движениями, которые формируют змееподобный танцевальный рисунок. Благодаря периодическому сбрасыванию кожи змея наряду с медведем ассоциируется с обновлением природы, является символом плодородия. Древние чтили «небесного змея» (радугу), который для них являлся мостом в верхний мир, населенный божествами [12, с. 36].

В дни масленичных гуляний карнавальная процессия шествует по улицам города по направлению к главной площади, где у здания ратуши сам мэр коммуны приветствует ряженых. Такой же радушный прием маскам оказывают и семьи горожан. Вальдостанцы верят, что если Ландзетте не постучался в двери дома, то это плохое предзнаменование для его обитателей, и отныне им не снискать благосклонности высших сил.

В «жирные» карнавальные дни накануне собокаднейного поста хозяева щедро угощают ряженых. Традиционные альпийские деликатесы: ароматные сыры, сырокопченая ветчина, сало, вальдостанская кровяная колбаса, вяленая оленина оказываются на столе — расточительство, допустимое только в карнавальном периоде. Вальдостанцы говорят: *Vat mal din tsolla meisun aioi fan carnaval a totte le seisun!* (франкопров.) [12, с. 37] — «Плохи дела в доме, где празднуют карнавал целый год!».

Обязательным карнавальным угощением является *patchocada* — смесь на основе взбитых яиц, сахара, вина (или пива) и кофе. Главный компонент этого блюда яйцо является универ-

сальным символом Космоса, Солнца, плодородия, весеннего возрождения. Сохранившаяся до наших дней традиция совместного употребления яиц в вальдостанском карнавальном застолье есть акт приобщения к творящей силе природы. Так, яичный напиток пьют из большой чаши, передаваемая из рук в руки в знак равенства и единства участников ритуала.

В обмен на гостеприимство ряженые от имени высших сил посылают плодородие и благополучие дому и делают шуточные предсказания для хозяев. П. Жиарделли привел несколько примеров таких пожеланий на франкопровансальском наречии: «L'an te porte fourteunna, ma Teu devreie poumé sortre a la leunna avoi tsit barbaboc pouca plandrùn et un groumi fabioc! Teu tlou lame a la foulie, la louoi predze a Anna, a Rosa, et a Nie! <...>» [12, с. 41] — «Пусть год принесет тебе удачу, но впредь ты не должна гулять под луной с этим дураком, бездельником и повесой. Ты любишь его до безумия, а он болтает с Анной, Розой и Мелани!». Это пожелание для незамужней девушки, имеющее форму назидания, иллюстрирует роль карнавала в регуляции общественных отношений.

Итак, карнавал Coumba Freida — уникальный феномен народной вальдостанской культуры, сохранившийся до наших дней. В нем элементы архаических ритуалов, сопровождавших встречу весны (культ быка, медведя и змеи, апотропетическая магия и магия плодородия), переплетаются с более новыми образами, запечатлевшимися в коллективной памяти народа (Наполеон). Сегодня на фоне усиливающейся италиянизации и возрастающей потребности населения в самоидентификации новое поколение жителей Валле д'Аосты вновь проявляет интерес к карнавалу, чтобы обрести себя в нем.

Ключом к пониманию карнавальных ритуалов служат франкопровансальские говоры, «язык сердца», на котором говорят и поют ряженые. Без него не овладеть праздничной терминологией — персонажи, детали костюмов, местные угощения имеют франкопровансальские названия, которые могут варьироваться от одной коммуны к другой. Использование этого ненормированного патуа, в отличие от строгого французского стандарта, в принципе ассоциируется со свободой, праздником, неформальным общением среди «своих» [4, с. 60–63] и формирует среди его носителей чувство общности. Таким образом, карнавал Холодной долины — это не просто дань традиции или коммерческий

проект, но важный идентифицирующий символ для коммун долины Гран Сен-Бернар.

Литература

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. — М., 2010.

2. Ващенко А. В. Возвращение на Итаку: этнокультурный фактор в художественном пространстве второй половины XX века. — М., 2013.

3. Даркевич В. П. Народная культура Средневековья. — М., 1988. — С. 35, 105–114, 168.

4. Загрязкина Т. Ю. Положение франкопровансальского в галло-романской группе языков: дис. ... канд. филол. наук. — М., 1981. — С. 32, 60–63.

5. Загрязкина Т. Ю., Челышева И. И. Франкопровансальский язык // Языки мира: Романские языки. — М., 2001. — С. 304–308.

6. Моисеева Д. П. Карнавал как нематериальное культурное наследие (на примере карнавала г. Бенш, Бельгия) // Франкоязычный мир: взаимодействия и контакты / под ред. Т. Ю. Загрязкиной. — М., 2012.

7. Association Groupes Folkloriques de la Vallée d'Aoste. URL: <http://www.nosracines.org/sito/pagfr/tradition/storia.htm> (дата обращения: 15.03.2014)

8. Bureau Régional pour l'ethnologie et la linguistique URL: <http://www.patoisvda.org/gna/index.cfm/bibliographie-patois-vallee-d-aoste-francoprovençal.html> (дата обращения: 15.03.2014).

9. Duc J.-A. Histoire de l'Eglise d'Aoste. Vol.V. Imprimerie moderne, H. Leibzig, Chatel-St.-Denis, 1911.

10. Champrétavy R. Ma verda valaye// Les Nouvelles du Centre d'Etudes francoprovençales. Saint-Nicolas, 2006. No.54.

11. Fondation Émile Chanoux. Institut d'Etudes fédéralistes et régionalistes. URL: <http://fondchanoux.org/fondation.aspx> (дата обращения 15.03.2014).

12. Giardelli P. Saints et diables. Les traditions populaires valdôtaines. Genova, 1998.

13. Nicolotti M. C., Poggianti L. Le Val d'Aoste... Une francophonie oubliée. 2012. URL: <http://www.zigzag-francophonie.eu/ITALIE-Le-Val-d-Aoste> (дата обращения: 15.03.2014).

References

1. Bahtin M.M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura Srednevekov'ya i Renessansa* [The Work of François Rabelais and Popular Culture of the Middle Ages and Renaissance]. Moscow, 2010.

2. Vashhenko A.V. *Vozvrashchenie na Itaku: etnokul'turnyi faktor v khudozhestvennom prostranstve vtoroi poloviny XX veka.* [Return to Ithaca: the Ethnocultural Factor in Art in the Second Half of the XX century]. Moscow, 2013. (rus)

3. Darkevich V.P. *Narodnaya kul'tura Srednevekov'ya.* [Folk Culture of the Middle Ages]. Moscow, 1988. Pp. 35, 105-114, 168. (rus)

4. Zagrzazkina T. Ju. *Polozhenie frankoprovençal'skogo v gallo-romanskoj gruppe yazykov.* *Diss. kandidata filologicheskikh nauk* [Position of Franco-Provençal in the Gallo-romance Group of Languages. Ph.D. Dissertation in Linguistics]. Moscow, 1981. Pp. 32, 60-63. (rus)

5. Zagrzazkina T. Ju., Chelysheva I.I. *Frankoprovençal'skii yazyk. Yazyki mira: Romanskie yazyki - The Franco-Provençal. Languages of the World: Romance languages.* Moscow, 2001. Pp. 304-308 (rus)

6. Moiseeva D. P. *Karnaval kak nematerial'noe kul'turnoe nasledie (na primere karnavala g. Bensch, Belgiiya).* *Frankoyazychnyi mir: vzaimodeistviya i kontakty.* [Carnival as Intangible Cultural Heritage (as Exemplified by the Carnival of the City of Binche, Belgium)]. Moscow, 2012. (rus)

7. Association Groupes Folkloriques de la Vallée d'Aoste. Available at : <http://www.nosracines.org/sito/pagfr/tradition/storia.htm> (date of access 15.03.2014)

8. Bureau Régional pour l'ethnologie et la linguistique Available at: <http://www.patoisvda.org/gna/index.cfm/bibliographie-patois-vallee-d-aoste-francoprovençal.html> (Date of access 15.03.2014).

9. Duc J.-A. Histoire de l'Eglise d'Aoste. Vol.V. Imprimerie moderne, H. Leibzig, Chatel-St.-Denis, 1911.

10. Champrétavy R. Ma verda valaye // Les Nouvelles du Centre d'Etudes francoprovençales. Saint-Nicolas, 2006. No.54.

11. Fondation Émile Chanoux. Institut d'Etudes fédéralistes et régionalistes. Available at: <http://fondchanoux.org/fondation.aspx> (date of access 15.03.2014).

12. Giardelli P. Saints et diables. Les traditions populaires valdôtaines. Genova, 1998.

13. Nicolotti M. C. , Poggianti L. Le Val d'Aoste... Une francophonie oubliée. 2012. Available at: <http://www.zigzag-francophonie.eu/ITALIE-Le-Val-d-Aoste> (date of access 15.03.2014).

Примечание

¹ Статус франкопровансальского, принадлежащего к галло-романской подгруппе, — язык или диалект? — является предметом дискуссий. В связи с этим в статье используется обобщенное название «франкопровансальский» (*le francoprovençal*) без указания статуса.

² Здесь и далее названия вальдостанских карнаваловых масок и специальных карнаваловых терминов приводятся с указанием в скобках их традиционных франкопровансальских наименований.

УДК 811.133

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ УВЕРЕННОСТЬ/НЕУВЕРЕННОСТЬ В ПОГРАНИЧНОМ АРЕАЛЕ (НА ПРИМЕРЕ ВАЛЛОНИИ, БЕЛЬГИЯ)

© *Невежина Елизавета Андреевна*

аспирант кафедры французского языка и культуры
Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова
Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, 1
E-mail: liza031190@rambler.ru

Глобализация и регионализация в их взаимовлиянии порождают интерес к вопросу региональных особенностей языка: его статуса, контактов с другими языками, лексических и грамматических характеристик, феномена языковой и культурной уверенности/неуверенности на территории того или иного пограничного ареала.

Ключевые слова: граница, ареал, языковая уверенность/неуверенность, бельгийцизм.

LINGUISTIC SECURITY / INSECURITY IN THE BOUNDARY AREA (BY THE EXAMPLE OF WALLONIA, BELGIUM)

Elizaveta A. Nevezhina

Research Assistant of the Department of French language and culture, Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia

The processes of globalization and regionalization in their interaction arouse interest in the matter of regional language features: the status of the language, its contacts with other languages, lexical and grammar peculiarities, the phenomenon of linguistic and cultural security/insecurity in a boundary area.

Keywords: border, area, linguistic security/insecurity, belgicism.

Вопрос статуса языка в Бельгии связан с проблемой языковой уверенности/неуверенности («*sécurité/insécurité linguistique*»). Языковая ситуация в Брюсселе характеризуется билингвизмом (сосуществование французского и нидерландского языков), однако в действительности местные жители находятся в состоянии многоязычия, поскольку английский язык занимает все более прочные позиции. Поле данного исследования — лексические единицы пограничного ареала, то есть конкретной пространственно-временной и социальной единицы, которая характеризуется скачкообразным изменением признаков или «плавным переходом от одного языка и диалекта к другому» [1, с. 6]. Граница между Бельгией и Францией описывается с помощью различных метафор: Ж. Лебук назвал ее протекающей — «*permeable*» [23, с. 8], поскольку на ней пересекаются общие лексические элементы севера Франции и юга Бельгии, также Бельгию называли «европейской губкой» («*un éponge européenne*» [16, с. 9]), которая стирает различия в культурах, языках, способах выражения. Валлония по сравнению с другими франкофонными пространствами отличается тем, что

переход от региональных языков к французскому произошел достаточно поздно, в начале XX века, быстрыми темпами, то есть в рамках трех поколений [20, с. 204].

Французский язык по всей зоне его распространения характеризуется вариативностью, и интерес к данному явлению возникает у отечественных и франкоязычных исследователей. В отечественной научной литературе данной проблеме посвящали свои труды М. А. Бородина (1971), Е. А. Реферовская (1972), Г. В. Степанов (1986), В. Г. Гак (1986), Н. И. Голубева-Монаткина (2005), В. Т. Клоков (2005), Т. Ю. Загрязкина (2013), Г. С. Доржиева (2010). В последние годы появились исследования А. С. Холкиной, А. В. Каргина и др. Тесно связанные между собой дисциплины: диалектология, лингвистическая география, ареалогия представляют собой последовательные этапы изучения лингвистического пространства, о чем писала М. А. Бородина. В частности, она вслед за Г. Тюайоном употребляла в своих исследованиях такой термин, как региолект, что означает условно все установленные региональные варианты приобретают статус релевантных призна-

ков особой разновидностью речи, функционирующей в пределах региона.

Термин «языковая уверенность/неуверенность» появился в трудах американского лингвиста В. Лабова [22], изучающего языковые коллективы Нью-Йорка и их фонетические характеристики. Данное понятие двухкомпонентно: первый составляющий элемент — наличие особенностей языка на определенной территории, второй — отношение к данным особенностям говорящего, оценка своей речи и языковых фактов.

В дальнейшем вопросом языковой уверенности/неуверенности занялась группа исследователей (О. Бретенье, Н. Генье, Г. Легеден, Ж.-М. Касбарян, П. Фиу, Р. Тирвассен, В. Лине и др.), опубликовавших в 2002 г. свои труды в сборнике с одноименным названием.

Виржини Лине (Университет Прованса) опирается в своих исследованиях на мнения французского лингвиста Л.-Ж. Кальве и бельгийского профессора М. Франкара. М. Франкар устанавливает характеристики языковой неуверенности: «языковое подчинение по отношению к Франции; обесценивание языкового поведения/привычек; использование стратегий замещения в рамках двойного «языкового рынка»; пессимизм ученых по отношению к будущему французского языка» [19, с. 94], что двумя годами ранее он назвал «лингвистической болезнью» [18, с. 5], а бельгийский лингвист Ж.-М. Клинкаберг — кризисом ценностей в обществе [19, с. 17]. Л.-Ж. Кальве обратил внимание на то, что говорящий может чувствовать себя уверенно в рамках своего языка, но неуверенно при сравнении его языка с другими (например, при сравнении особенностей французского языка Франции и Бельгии) [15, с. 69].

Таким образом, языковая уверенность — это чувство своей защищенности, осознание нормы языка и следование ей, когда говорящий убежден в правильности своего высказывания, употребления тех или иных слов, даже если они выходят за пределы нормы. Языковая неуверенность, напротив, связана с тем, что говорящие считают свою речь недопустимой по отношению к норме, это порождает тревогу в использовании языка или варианта.

В. Лине подошла к вопросу о языковой неуверенности с психолингвистической точки зрения. В период с 1994 по 1997 г. она создала три анкеты и провела полевые исследования в Брюсселе. В. Лине сконцентрировала свое вни-

мание на эпидиалогическом дискурсе, пытаясь оценить уровень языковой неуверенности и понять, что ее порождает. Для этого она разработала классификацию [24, с. 278–279] с учетом эпидиалогических проявлений в использовании языка. В первую группу входит языковое поведение (*attitudes langagières*, например, выражения просьбы, извинения, отказа, самокритика), во вторую — представление о языке, то есть восприятие французской речи («правильного французского языка» — «*le bon usage*»), употребления вариантов французского языка в Бельгии, пути изучения языка. Все эти элементы в совокупности дают оценку уровня языковой неуверенности.

В практике опросов В. Лине столкнулась с ярким примером языковой неуверенности: говорящий в начале беседы был убежден в правомерности использования бельгийцизмов, в том, что они являются частью нормы, а к концу интервью признал, что особенности французского языка на территории Бельгии «неправильны» («*mauvais*» [25, с. 286]), поскольку французский Бельгии испытывает влияние голландского.

Французский разговорный язык в Бельгии характеризуется следующим состоянием: опрошенные в возрасте от 60 лет знают региональный вариант языка (речь идет о валлонском), некоторые из них активно им пользуются [20, с. 204]. Их дети и внуки обладают уже пассивными знаниями о региональном языке, и последствия этого билингвизма выражены на фонетическом и лексическом уровнях. Поэтому не все бельгийцизмы являются следствием лингвистических заимствований в результате контакта языков. В бельгийском варианте французского языка встречаются архаизмы (которые ушли из французского языка Парижа, но сохранились в Бельгии), лингвистические инновации, типичные только для франкоговорящих бельгийцев. В столице, Брюсселе, говорящие испытывают на себе влияние локальных вариантов фламандского, голландского языков. Следы взаимовлияния французского и голландского языков в речи говорят о «традиционном» [20, с. 205] брюссельском акценте, на севере и западе Брюсселя молодое население использует арготичную речь с примесью заимствований из языка иммигрантов. Так, большая часть носителей французского языка Валлонии говорит с более или менее очевидным региональным акцентом, что выступает как маркер идентичности и отличает жителей столицы, например, от льежцев.

С учетом работ В. Лине и авторов сборника «Les variétés du français parlé dans l'espace francophone» мы рассмотрели случаи письменного использования локализмов в бельгийских (в данном случае только брюссельских) СМИ. Примеры взяты в период 2014 г. из следующих газет: RTL.be (онлайн), RTBF.be (онлайн), 7sur7.be (онлайн), LeSoir.be (онлайн и печатные издания) и комикса «Астерикс у белгов» (1979 г.).

Анализ позволил выделить несколько групп бельгицизмов:

Формы числительных «septante» (семьдесят), «nonante» (девяносто), однако они являются характерными не только для Бельгии, но и для Швейцарии, северной части Франции, Конго, Бурунди: «Je me souviens avoir été samplé par un tas d'artistes dans les années **nonante**, que ce soit McCartney, Lionel Ritchie ou Pink».

Неологизмы, родившиеся и бытующие только в Бельгии: «Dans quelques semaines, de nombreux élèves deviendront étudiants et quitteront le cocon familial pour s'installer en **kot**», употребление «**kot**» вместо «chambre» в значении «студенческая комната».

Орфографические упрощения: «Je ne reux pas me coucher tard, demain je vais au **buro**» вместо грамотного написания «bureau» (офис).

Из фламандской речи пришло использование уменьшительных суффиксов, что объясняется, возможно, желанием усилить комический эффект, например, в комиксе про Астерикса: **Nicotineke**, **Obélixeke**, **Astérixeke**, **imbécileke**, **chérieke**, **Césareke**, **manneken**.

Отмечается также характерное для разговорного языка употребление предлога «avec» с отсутствием дополнения в конце фразы, особенно когда опущенное дополнение обозначает лицо, одушевленный предмет: «Vous voulez venir **avec**?»; «Alors, vous venez **avec**!»

Самый большой массив — англицизмы, которые активно используются в бельгийской периодике. По сравнению с французскими СМИ англицизмы в бельгийской прессе употребляются больше, предположительно, в связи с тем, что в Бельгии уделяют меньше внимания чистоте языка, как во Франции. Например, глагол «**surfer**» (искать, синоним — *naviguer*): «**surfer** sur Internet», «sur sa bonne dynamique», «sur cette tendance»; существительное «**look**» (образ, синоним — *apparence*): «Elle soigne aussi son **look**», «avec son atmosphère et son **look** sixties...», «Le nouveau **look** d'Obama fait parler de lui», а также

его преобразование в языке: «ainsi **relookée**, la Dragster n'est pas sans rappeler la splendide Rivale»; существительное «**job**» (работа, занятие, *travail, métier*): «Ce qui lui serait utile, c'est un bon «**job**»», «Mais c'est surtout un ex-**job** étudiant du jeune politicien de 28 ans», «Et cela crève les yeux qu'elle est (bien) faite pour ce **job**-là...»; глагол «**flasher**» (заметить, *découvrir, apercevoir*): «Mon disque tombe entre les mains d'un DJ qui **flashe** sur le morceau et le joue le soir même dans son club», «Un apprenti motocycliste a été **flashé** à 137 km/h»; словосочетание «**big business / deal**» (удача, большое дело, успешная сделка, *une bonne affaire*): «Les pandas, c'est aussi un **big business**», «... avec une voix de gospel n'était pas un **big deal**», «Le Big Data, c'est du **big business** pour toutes les industries»; существительное «**gameplay**» (процесс игры, игра, *jeu*): «Le **gameplay** est assez nerveux...», «Si le **gameplay** reste très terre à terre, il n'en oublie pas pour autant sa foule de combos»; популярное словосочетание в кулинарных статьях «**made in Belgium**» (сделано в Бельгии, *fait en Belgique*): «...cervelles, têtes presses, pieds de porc et queues de cochon grilles, ainsi que des plats mijotés **made in Belgium**», «pop-rock, indie, hip-hop, chanson française et **Made in Belgium**». Англицизмы могут приобретать французские морфемы (*relooké, sampler, surfer, flasher*), что говорит об адаптации английского и французского языков на территории Бельгии.

Таким образом, французский язык в Бельгии подвержен двум опасностям: влиянию голландского, совершающего с конца XX века попытки «лингвистического захвата» [25, p. 288] Брюсселя, и влиянию английского языка в сферах торговли, банковского дела, бизнеса, которое постоянно растет. Именно поэтому статус французского языка в Бельгии представляет собой «перекресток» [25, p. 289] проблем, решение которых может стать интересным объектом для дальнейших исследований.

Литература

1. Бородина М. А. Взаимодействие лингвистических ареалов. Теория, методика и источники исследования. — Л.: Наука, 1980.
2. Бородина М. А. Понятие маргинального ареала в лингвистическом континууме // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. — Л., 1977.
3. Гак В. Г. Введение во французскую филологию. — М., 1986.

4. Голубева-Монаткина Н. И. Французский язык в Канаде и США. Социолингвистические очерки. — М.: Комкнига, 2005.
5. Доржиева Г. С. Этнотопонимы Квебека // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2010. — № 4.
6. Загрязкина Т. Ю. Антропология пространства (на франкоязычном материале) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2012. — № 4.
7. Загрязкина Т. Ю. Квебек в пространстве франкофонии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2011. — № 4.
8. Загрязкина Т. Ю. Речь о французском языке и проблема языкового многообразия // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2013. — № 2.
9. Каргин А. В. Национально-культурная специфика фразеологических единиц бельгийского варианта французского языка с компонентом-прагматонимом // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2007. — № 4.
10. Клоков В. Т. Французский язык во Франции. Особенности социально-территориальной вариативности. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та. — 2011.
11. Реферовская Е. А. Французский язык в Канаде. — Л.: Наука. — 1972.
12. Степанов Г. В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. — М.: Наука, 1976.
13. Холкина А. С. Особенности квебекского варианта французского языка: разговорная речь и художественная литература // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2012. — № 3.
14. Шухардт Г. Избранные статьи по языкознанию. — Москва, 1950.
15. Calvet L.-J. Une ou deux langues? Ou le rôle des représentations dans l'évaluation des situations linguistiques. *Etudes Créoles*, vol. XIX №2, 1996.
16. Genion P. Comment parler le belge (et le comprendre, ce qui est moins simple). Paris, 2010.
17. Goscinny U. Astérix chez les Belges, Neuilly-sur-Seine, Dargaud Editeur, 1979.
18. Francard M, Lambert J., Masuy F. L'Insécurité linguistique en Communauté française de Belgique. *Français & Société* 6. 1993.
19. Francard M. Nef des fous ou radeau de la Méduse? Les conflits linguistiques en Belgique // *LINX* 33, 2, Université de Paris X, Nanterre, 1995.
20. Hambye P., Simon A.C., Wilmet R. Le français en Belgique: éléments de synthèse // *Les variétés du français parlé dans l'espace francophone: Ressources pour l'enseignement*. — Paris, Ophrys, 2010.
21. Klinkenberg J. M. Préface // Francard M, Lambert J., Masuy F. L'Insécurité linguistique en Communauté française de Belgique. *Français & Société* 6. 1993.
22. Labov W. The reflection of social processes in linguistic structures. In «*Readings in the Sociology of Language*» / J. A. Fishman (ed.), The Hague, Paris, 1966.
23. Lebouc G. Le belge dans tous ses états. *Dictionnaire de belgicisme, grammaire et prononciation*. Paris, 1998.
24. *Le soir* magazine. 4262. 01.03 — 07.03.2014
25. Lignée V. L'insécurité linguistique chez les locuteurs bruxellois francophones : entre représentations linguistiques et pratiques langagières // Bretegnier A., Ledegen G. Sécurité / insécurité linguistique. Terrains et approches diversifiés, propositions théoriques et méthodologiques. Actes de la 5ème Table Ronde du Moufia (22–24 avril 1998). Université de la Réunion. L'Harmattan, 2002.
26. Tuailon G. Les regionalismes du français parlé à Vourey, viilage dauphinois. Paris, 1983.
27. URL: <http://www.RTBF.be>
28. URL: <http://www.lesoir.be>
29. URL: <http://www.7sur7.be>
30. URL: <http://www.rtl.be>

References

1. Borodina M.A. *Vzaimodeystvie lingvisticheskikh arealov. Teoriya, metodika i istochniki issledovaniya* [Interrelation of Linguistic Areas. Theory, Methodology and Source of Research]. L.: Nauka, 1980. (rus)
2. Borodina M.A. *Ponyatie marginal'nogo areala v lingvisticheskom kontinuumе* [Notion of Marginal Area in Linguistic Continuum]. *Areal'nye issledovaniya v yazykoznanii i etnografii - Area Research in Linguistics and Ethnography*. L., 1977. (rus)
3. Gak V.G. *Vvedenie vo francuzskuyu filologiyu* [Introduction into French Philology]. M., 1986. (rus)
4. Golubeva-Monatkina N.I. *Francuzskiy yazyk v Kanade i SSHA. Sociolingvisticheskie ocherki* [French in Canada and the USA. Sociolinguistic review]. M., Komkniга. 2005. (rus)
5. Dorzhieva G.S. *Etnotoponimy Kvebeka* [Ethnotoponymy of Quebec]. *Vestnik Moskovskogo universiteta Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya - MSU Bulletin. Vol.19. Linguistics and Crosscultural Communication*. 2010. No. 4. (rus)
6. Zagryazkina T.Yu. *Antropologiya prostranstva (na frankoyazychnom materiale)* [Anthropology of Space (French Language Case)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya - MSU Bulletin. Vol.19. Linguistics and Crosscultural Communication*. 2012. No. 4. (rus)
7. Zagryazkina T.Yu. *Kvebek v prostranstve frankofonii* [Quebec in Francophonic space]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya - MSU Bulletin. Vol.19. Linguistics and Crosscultural Communication*. 2011. No. 4. (rus)
8. Zagryazkina T.Yu. *Rech' o francuzskom yazyke i problema yazykovogo mnogoobraziya* [Speech on French

Language and the Problem of Language Diversity]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya - MSU Bulletin. Vol.19. Linguistics and Crosscultural Communication.* 2013. No. 2. (rus)

9. Kargin A.V. *Nacional'no-kul'turnaya specifika frazeologicheskikh edinic bel'giyskogo varianta francuzskogo yazyka s komponentom-pragmatonimom* [National and Cultural Features of Phraseological Units with Pragmatonym Component in Belgic Variant of French]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya - MSU Bulletin. Vol.19. Linguistics and Crosscultural Communication.* 2007. No. 4. (rus)

10. Klokov V.T. *Francuzskiy yazyk vo Francii. Osobennosti social'no-territorial'noy variativnosti* [French Language in France. Features of Social and Regional Variety]. Saratov: Saratov University Publ., 2011.

11. Referovskaya E.A. *Francuzskiy yazyk v Kanade* [French in Canada]. L., Nauka. 1972. (rus)

12. Stepanov G.V. *Tipologiya yazykovykh sostoyaniy i situatsiy v stranakh romanskoy rechi* [Typology of Language Conditions and Situations in Roman Speaking Countries]. M.: Nauka. 1976. (rus)

13. Kholkina A.S. *Osobennosti kvebekskogo varianta francuzskogo yazyka: razgovornaya rech' i khudozhestvennaya literatura* [Features of Quebec French: Spoken Language and Fiction]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya - MSU Bulletin. Vol.19. Linguistics and Crosscultural Communication.* 2012. No. 3. (rus)

14. Shukhardt G. *Izbrannye stat'i po yazykoznaniiyu* [Selected Articles on Linguistics]. M., 1950. (rus)

15. Calvet L.-J. Une ou deux langues? Ou le rôle des représentations dans l'évaluation des situations linguistiques. *Etudes Créoles*, vol. XIX, No. 2, 1996.

16. Genion P. Comment parler le belge (et le comprendre, ce qui est moins simple). Paris, 2010.

17. Gosciny U. *Astérix chez les Belges*, Neuilly-sur-Seine, Dargaud Editeur, 1979.

18. Francard M, Lambert J., Masuy F. L'Insécurité linguistique en Communauté française de Belgique. *Français & Société* 6. 1993.

19. Francard M. Nef des fous ou radeau de la Méduse? Les conflits linguistiques en Belgique. *LINX* 33, 2, Université de Paris X, Nanterre, 1995.

20. Hambye P., Simon A.C., Wilmet R. *Le français en Belgique: éléments de synthèse. Les variétés du français parlé dans l'espace francophone: Ressources pour l'enseignement*, Paris, Ophrys, 2010.

21. Klinkenberg J.M. Préface. Francard M, Lambert J., Masuy F. L'Insécurité linguistique en Communauté française de Belgique. *Français & Société* 6. 1993.

22. Labov W. The reflection of social processes in linguistic structures. In «Readings in the Sociology of Language», J. A. Fishman (ed.), The Hague, Paris, 1966.

23. Lebouc G. Le belge dans tous ses états. *Dictionnaire de belgicisme, grammaire et prononciation*. Paris, 1998.

24. *Le soir* magazine. 4262. 01.03 — 07.03.2014

25. Lignée V. L'insécurité linguistique chez les locuteurs bruxellois francophones: entre représentations linguistiques et pratiques langagières. Bretegnier A., Ledegen G. Sécurité / insécurité linguistique. Terrains et approches diversifiés, propositions théoriques et méthodologiques. Actes de la 5ème Table Ronde du Moufia (22-24 avril 1998). Université de la Réunion. L'Harmattan, 2002.

26. Tuailon G. *Les regionalismes du français parlé à Vourey, viilage dauphinois*. Paris, 1983.

27. Available at: <http://www.RTBF.be>

28. Available at: <http://www.lesoir.be>

29. Available at: <http://www.7sur7.be>

30. Available at: <http://www.rtl.be>

УДК 811.133.1.

**ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБЛИГАТОРНЫХ
И НЕОБЛИГАТОРНЫХ КОМПОНЕНТОВ СИТУАЦИИ ВЫБОРА
В ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)**

© *Озонава Лариса Гавриловна*

кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого и французского языков
Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: olglarissa@mail.ru

Автор исследует представление ситуации выбора во французском языке на материале глаголов и адъективных конструкций. С этой целью он использует метод фреймового анализа. Глагол-идентификатор фрейма «choisir» отнесен к ментально-волевому классу. Автор статьи выделяет фрейм «выбор», представленный пропозициональной структурой, которая отражает обязательные/необязательные компоненты принятия выбора во французском языке и состоит из определенных пропозиций. Данная структура наиболее полно выражается при обращении к семантике глаголов и адъективных конструкций.

Исследование показало, что принятие выбора может быть представлено в виде следующей ситуации: субъект выбирает объект (один, два или множество объектов), в результате перцептивных, мыслительных и волевых усилий, т.е. напрягая разум и волю. Обязательными компонентами являются: субъект, предикат, объект; необязательными — критерий, результат, вне кадра. Процесс выбора имеет множество вариантов представления в зависимости от ситуации. При этом основные компоненты остаются обязательными, меняются лишь необязательные компоненты.

Ключевые слова: ситуация выбора, фрейм, субъект, ситуация-проблема, множество выбора, выбранная сущность, критерий, результат выбора.

**FEATURES PRESENTATION OF OBLIGATORY AND FACULTATIVE COMPONENTS
OF THE SITUATION OF CHOICE IN EXTRA-LINGUISTIC REALITY
(IN THE FRENCH LANGUAGE)**

Larisa G. Ozonova

phD, A/professor of German and French Languages Department
Buryat State University
24a Smolina St., Ulan-Ude 670000, Russia

The author explores the representation of the situation of choice in the French language on a material of verbs and adjective constructions. To this end, it uses the frame analysis. The verb-identifier frame «choisir» attributed mental class. The author highlights the frame "choice" presented by propositional structure that reflects obligatory / facultative components making the choice of the French language and consists of certain propositions. This structure is most fully expressed when referring to the semantics of verbs and adjective constructions.

Research has shown that the adoption of the selection can be represented in the following situations: An entity selects the object (one, two or multiple objects), resulting in perceptual, cognitive and volitional effort, straining his mind and will. Obligatory components are: subject, predicate, object; facultative components: criterion, the selection result the result, outside the frame. The selection process has many presentation options depending on the situation. However, the main components are required, changing only the optional components.

Keywords: situation of choice, frame, subject, situation-problem, plenty of choice, selected entity, criterion, the selection result.

Статья посвящена исследованию обязательных и необязательных компонентов ситуации выбора. Объектами исследования являются глаголы и адъективные конструкции французского

языка, изучение семантических особенностей которых производилось с позиций теории фреймов.

Основоположником теории фреймов является М. Минский, известный американский специалист в области искусственного интеллекта, который соотносил фреймы, прежде всего, с визуальными картинками. Когда человек пытается познать новую для себя ситуацию или по-новому взглянуть на уже привычные вещи, он выбирает из своей памяти некоторую структуру данных (образ), называемую нами фреймом, с таким расчетом, чтобы путем изменения в ней отдельных деталей сделать ее пригодной для понимания более широкого класса явлений или процессов. Фрейм является структурой данных для представления стереотипной ситуации [3, с. 15]. Е. Г. Беляевская видит фрейм как иерархически организованную структуру, в которой при неизменности общего содержательного наполнения некоторые аспекты могут выдвигаться на первый план, а другие уходить на уровень фона или вообще на время как бы «исчезать» из поля зрения [2, с. 25].

По мнению Е. В. Падучевой, глаголы выбора в русском языке (*выбирать, предпочесть, решить* и др.) относятся к тематическому классу ментально-волевых глаголов, описывающих ситуацию, в которой результат предопределен (в разных случаях — в разной пропорции) отчасти разумом, отчасти — волей субъекта. Значения глагола *выбрать* (НСВ *выбирать*) распределяются по трем тематическим классам:

класс I — ментально-волевые глаголы;

класс II — глаголы социального действия;

класс III — глаголы физического действия [4, с. 36].

Ссылаясь на классификацию Е. В. Падучевой, французский глагол обоснования выбора «*choisir*» мы относим к ментально-волевому классу. Выделение лексических единиц фрейма производилось при принятии во внимание того факта, что каждая выделяемая лексическая единица способна описывать своей семантикой глаголы принятия выбора, фокусируя внимание на том или ином облигаторном или необлигаторном компоненте фрейма.

Ситуация выбора как ментально-волевого действия предполагает следующий набор компонентов.

А — *субъект*, тот, кто выбирает (в соответствии со своим разумом и волей).

Х — *ситуация-проблема* (будущее действие субъекта или иная ситуация, один из параметров которой находится под его контролем). Например, в контексте *выбрать место для отдыха*

ситуация-проблема — отдых; ее параметр (а именно *место*) зависит от разума и воли субъекта.

М — *множество выбора*; оно может быть задано непосредственным перечислением возможностей (*Он выбирает между карьерой и здоровьем*); родовым именем (*выбирал себе лошадь*) или как множество возможных значений параметра Y ситуации X; например, в сочетании долго *выбирал минуту, чтобы вступить в разговор* целевой оборот обозначает ситуацию-проблему, а *минуту* — Y, ее объект.

Z — *выбранная сущность*; в частности, это значение, которое в конце концов принимает параметр, например, *я выбрал местом отдыха Ялту* объект Y — *место*, а его значение Z — *Ялта*.

W — *критерий*, которым руководствуется субъект, выбирая (*выбирать* можно по уму, по работе, по внешнему виду или по желательному признаку выбранной сущности, например, *выбрал сосну повыше*). Критерий не то же самое, что признак: в отличие от признака он задает аксиологическую шкалу (или даже несколько, ср. *выбирает по анкетным данным*), не уточняя, какое значение предпочтительно (например, *выбирает по весу* — неизвестно, предпочтителен большой или маленький вес). Но в каждой ситуации возможен лишь один из двух компонентов — либо критерий, либо признак. По Е. В. Падучевой, необлигаторным компонентом будет являться W (*критерий принятия выбора*), если он не выражен, выбор происходит на основе общих требований, выдвигаемых разумом и/или волей субъекта [4, с. 45].

Следующими компонентами Е. В. Падучева выделяет *результат выбора* и *вне кадра*. Компонент *результат* входит в семантику глагола в том случае, если новое состояние предполагает возникновение нового компонента. Если компонент *результат* есть, он обычно выражается *объектом*, т. е. прямым дополнением глагола: *Иван построил дом*. Но не обязательно. Во фразе *Он дополнил свой рассказ новыми подробностями* именную группу в творительном падеже *новыми подробностями* естественно надо рассматривать как *результат*: X дополнил Y = 'X сделал дополнение к Y-у', а дополнение к Y-у = 'то, чем X дополнил Y, создав его'. И также *субъект* может переходить в результате диатетических сдвигов в низший коммуникативный ранг *за кадром*, например: *Он вылечил больного*

от малярии — он вылечил малярию (больной за кадром).

Суммируя все знания об облигаторных и необлигаторных компонентах фрейма «выбор», мы предполагаем, что принятие выбора может быть представлено в виде следующей ситуации:

1. Субъект выбирает в результате перцептивных, мыслительных и волевых усилий, т. е. напрягая разум и волю.

2. Предикатом будет являться сам глагол — идентификатор фрейма *choisir* и глаголы ближней, дальней периферии (процесс принятия выбора).

3. Объект (один, два или множество объектов) представляет собой имя предмета или лица, на которое направлено действие (процесс принятия выбора).

Эти три компонента, по нашему мнению, будут представлены как облигаторные (обязательные), так в процессе определения выбора должен быть тот, кто выбирает и тот (или те) кого выбирают.

4. На основании компонента *критерий* как средства для суждения производится оценка, определение или классификация *объекта* (или множества объектов).

5. Компонент «результат» может рассматриваться как следствие, не обязательно вызванное сознательно направленной деятельностью *субъекта*, но также и неким новым состоянием, соответствующим цели деятельности (принятия выбора) *субъекта*.

6. Е. В. Падучева рассматривает компонент «вне кадра», при котором *субъект* может переходить в низший коммуникативный ранг, быть «за кадром» (подразумеваться): *Он вылечил больного от малярии = вылечил малярию (больной вне кадра)* [2, с. 47].

Например: (1) *Il a choisi deux amis très sûrs pour l'accompagner dans cette expédition (GLU).*

В предложении имеются все облигаторные компоненты: *субъект* выбрал для себя двух друзей, которые будут самыми достойными сопровождающими его в экспедиции, им он может доверить свою жизнь. Сам глагол *choisir* употреблен в *Passé Composé*, что указывает на то, что выбор сделан и результат его уже известен. В данном примере *субъектом* является местоимение *Il*, которое осуществляет действие (*предикат*, выраженный глаголом *choisir* в прошедшем времени). Помимо этого присутствует необлигаторный компонент *критерий très sûrs*, которым руководствуется *субъект* при выбо-

ре — выбрал по надежности, по верности, по безопасности. И последствием этого действия является *результат deux amis*, выраженный *объектом*, то есть прямым дополнением глагола.

Т. В. Яскевич разграничивает следующие облигаторные и необлигаторные компоненты в ситуации принятия выбора: облигаторные: *выбирающий, выбираемое, мотив/цель, альтернатива, желание и принятие решения*; необлигаторные — *физическое действие, восприятие, волеизлияние* [5, с. 7].

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что два облигаторных компонента в ситуации являются необходимыми и они не могут быть заменены другими компонентами. Это, по мнению Е. В. Падучевой, *субъект и объект*, по классификации Т. В. Яскевич — *выбирающий и выбираемое*. Что касается *выбираемого* (то есть того, что выбирается), оно представляет собой любую зрительно воспринимаемую и/или мысленно созерцаемую сущность. Выбор представляет собой сложную ментальную операцию, необходимым условием которой является наличие альтернативы. Наличие альтернативы является обязательным компонентом фрейма «выбор», т. е. то, из чего выбирается. Если нет альтернативы, соответственно нет и самого выбора. *Мотив/цель* также является обязательной принадлежностью фрейма «выбор». Выбор требует мотивировки. Мотив и цель различаются тем, что мотив входит в контекст желаний и потребностей, является «побуждением к действию, инстинктивным или осозанным» [1, с. 136], а цель входит в панораму возможных миров, ставится человеком, определяет его сознательные действия.

Компонент *принятие решения* свидетельствует о мыслительном процессе выбора, а также подтверждает то, что выбор принадлежит, прежде всего, сфере мысли. Обязательная принадлежность глаголов выбора к ментальной сфере подтверждается и сопутствующими выбору состояниями: оценка, сравнение, сопоставление, предпочтение.

Выбор определяется *желаниями*. Само существование желаний обусловлено возможностью и способностью выбора. В применении к языковым выражениям выбора о наличии воли можно говорить в случае, если в предложении *выбирающий и выбираемое* кореферентны, либо речь идет о проявлении «чистого» желания.

Итак, ситуация процесса выбора имеет множество вариантов представления, но, несмотря на это, в различных классификациях ученых компоненты процесса выбора остаются неизменными, меняются лишь их сочетания друг с другом.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — 688 с.
2. Беляевская Е. Г. Семантическая структура слова в номинативном и коммуникативном аспектах: дис. ... д-ра филол. наук. — М., 1992. — 401 с.
3. Минский М. Фреймы для представления знаний. — М.: Энергия, 1979. — 151 с.
4. Падучева Е. В. Семантика глаголов выбора // Серия литературы и языка. — 1999. — Т. 58, № 5–6. — С. 34–52.
5. Яскевич Т. В. Репрезентация фрейма «выбор» в современном английском языке (на материале глагольной лексики): дис. ... канд. филол. наук. — Иркутск, 1998. — 145 с.
6. Grand Larousse Universel. Dictionnaire de la langue française: en 15 volumes // P. : Éd. Librairie Larousse, 1999. — 11038 p. (GLU)

References

1. Arut'unova N.D. *Diskurs* [Discourse]. Linguistic dictionary. Moscow: Sovetskaja jenciklopedija. 1990. 688 p. (rus)
2. Belyaevskaya E. G. *Semanticheskaya struktura slova v nominativnom i kommunikativnom aspektakh* [The semantic structure of the word in the nominative and communicative aspects]. Dis. DSc of philology. Moscow. 1992. 401 p. (rus)
3. Minskii M. *Freimy dlya predstavleniya znanii. [Frames for knowledge representation]*. Moscow: Energy, 1979. 151 p. (transl. from Engl.)
4. Paducheva E. V. *Semantika glagolov vybora* [The semantics of verbs of choice]. 1999. Vol. 58. No 5-6. Pp. 34-52. (rus)
5. Yaskevich T. V. *Reprezentatsiya freima «vybor» v sovremennom angliiskom yazyke (na materiale glagol'noi leksiki)* [Representation frame "choice" in modern English (on the basis of verbal lexicon)]. Dis. PhD of philology. Irkutsk. 1998. 145 p. (rus)
7. Grand Larousse Universel. Dictionnaire de la langue française: en 15 volumes [Grand Larousse Universal. Dictionary of the French language: in 15 volumes]. Paris. Edition Librairie Larousse, 1999. 11038 p. (GLU)

УДК 81.111'42

**ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В РЕЧИ АНГЛОГОВОРЯЩИХ ТЕЛЕВЕДУЩИХ
(ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ)**© *Санжеева Лариса Цырендоржиевна*

доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английской филологии
Института филологии и массовых коммуникаций
Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 16
E-mail: lsanzhe@mail.ru

© *Абидуева Чимита Ажиповна*

учитель английского языка МАОУ СОШ 47, г. Улан-Удэ
Россия, 670042, г. Улан-Удэ, ул. Калашникова, 12
E-mail: nchd_8@mail.ru

В статье рассматриваются гендерные особенности языковой игры в речи популярных англоговорящих телеведущих Эллен Ли Дедженерес и Саймона Филиппа Коуэлла. В исследовании использованы видеоматериалы их речей в ток-шоу «The Ellen Degeneres show» и «American Idol», «Pop Idol», «The X Factor UK», «Britain's Got Talent».

В ходе исследования выявлено, что женская языковая игра, на примере Эллен Дедженерес, имеет целью привлечь внимание, создает художественный и комический эффекты, обыгрывает острые углы, создавая непринужденную атмосферу. Для женщин более характерны следующие виды языковой игры: повтор лексических и синтаксических единиц, метафора, олицетворение, сравнение, фонетическая языковая игра — аллитерация, интонация.

Мужская языковая игра, на примере Саймона Коуэлла, направлена больше на создание комического эффекта, насмешки, что и проявляется в выборе средств — каламбур, повторы на всех уровнях. Мужчине свойственна острота слова, при помощи которой он выражает свое субъективно-оценочное отношение к тому, о чем говорит. С помощью языковой игры мужчина развлекает, доводит до комизма, а иногда и до сарказма.

Ключевые слова: языковая игра, гендер, речевое поведение, функциональные особенности, комический эффект.

**LANGUAGE GAME IN THE SPEECH
OF POPULAR ENGLISH-SPEAKING TV HOSTS***Larisa Ts. Sanzheeva*

DSc of Philology, A/Professor
Institute of Philology and Mass Communications, Buryat State University
16 Sukhe-Batora St., Ulan-Ude 670000, Russia

Chimita A. Abidueva

Teacher of English, secondary school № 47
12 Kalashnikova St., Ulan-Ude 670042, Russia

The article is devoted to gender peculiarities of the language game in the speech of popular English-speaking TV hosts Ellen Lee Degeneres and Simon Phillip Cowell. The analysis is based on video of their speeches on talk-shows «The Ellen Degeneres show» and «American Idol», «Pop Idol», «The X Factor UK», «Britain's Got Talent».

Special analysis revealed the fact that women's language game (the example of Ellen DeGeneres), is aimed at attracting attention, creating artistic and comic effect, beating sharp corners. A woman, using a language game, creates a relaxed atmosphere. Women are characterized by using the following types of language game: repetition, metaphor, personification, comparison, phonetic language game — alliteration, intonation.

Men's language game (the example of Simon Cowell), manages creating a comic effect, a mock. It is reflected in the choice of stylistic devices — a pun, repetition at all levels. A man, using witness, ex-

presses his subjective-evaluative attitude to what he is talking about. With the help of language game, a man entertains, brings to the comic and sarcasm.

Keywords: language game, gender, speech behavior, functional peculiarities, comic effect.

В современной лингвистике усилился интерес к проявлениям творческой функции языка, одним из которых выступает языковая игра (см. работы А. Т. Гридиной, 1996, 1998; Н. А. Николиной, Е. А. Агеевой, 1998; Л. В. Лисоченко, 2000; С. Г. Михейкиной, 2008; Л. А. Осинной, 2007; В. Э. Санникова, 2002; Т. Г. Соповой, 2007; А. В. Стахеевой, 2008 и др.). В связи с этим актуальным представляется исследование речи телеведущих, которые «захватывают» зрителя, используя различные языковые приемы. Несмотря на обилие гендерных исследований, данный аспект остается недостаточно изученным с точки зрения американской и британской языковой парадигмы. Между тем речи популярных телеведущих имеют большой потенциал воздействия на общество именно на гендерном уровне. Их речевое поведение выражается в стереотипных высказываниях, речевых клише, с одной стороны, и в индивидуальных проявлениях данной личности — с другой.

Статья посвящена гендерным особенностям языковой игры в речи популярных англоговорящих телеведущих Эллен Ли Дедженерес и Саймона Филиппа Коуэлла. В исследовании использованы видеоматериалы их речей в ток-шоу «The Ellen Degeneres show» и «American Idol», «Pop Idol», «The X Factor UK», «Britain's Got Talent» (источник: сервис, предоставляющий услуги хостинга видеоматериалов «YouTube»). Для анализа были отобраны отрывки из шоу со знаменитостями, приглашенными на передачи временной протяженностью: 70 мин (Шоу Эллен Дедженерес), 70 мин (шоу «American Idol», «Pop Idol», «The X Factor UK» и «Britain's Got Talent» с Саймоном Коуэллом).

Вслед за С. Ж. Нуховым под языковой игрой понимаем такую форму речевого поведения че-

ловека, при которой языковая личность, реализуя свои лингвокреативные способности, демонстрирует свой индивидуальный стиль. Автор и реципиент получают эстетическое удовольствие от игры — отправитель сообщения от своего остроумия и мастерства, получатель от способности оценить игру, умения отгадать неразрешимую, на первый взгляд, лингвистическую загадку [Нухов, 1997, с. 37–138].

Одной из ведущих функций языковой игры считается эстетическая функция, вытекающая из установки «на новизну формы, перенесение акцента с того, о чем говорится, на то, как об этом говорится» [Сметанина, 2002: 178]. Выделяется ряд других функций. Например, В. З. Санников говорит об обучающей (языковая игра — «замечательный учитель словесности»), маскировочной и психотерапевтической функциях (смех как «единственный общедоступный способ борьбы с окружающим злом»), упоминает также о функции снижения (дискредитации в терминологии других исследователей) [Санников, 2005: 3]. Е. А. Земская и ее коллеги пишут об использовании языковой игры для реализации эмотивной (экспрессивной) функции языка, когда говорящий выражает свое отношение к тому, о чем он говорит [Земская, 1983].

Сравнительный анализ использования разных видов языковой игры на разных языковых уровнях англоговорящими телеведущими с точки зрения гендера позволяет сделать выводы количественного и качественного (цели употребления, функциональные особенности) характера.

На лексическом уровне. В таблице 1 представлены случаи употребления одного из видов языковой игры — избыточного (многообразного) повтора в речи обоих телеведущих.

Таблица 1

Виды повтора	Эллен Дедженерес	Саймон Коуэлл
Повтор фонетических единиц	3	7
Повтор морфологических единиц	1	1
Повтор лексических единиц	6	8
Повтор синтаксических единиц	3	3
Общее количество повторов	13	19

Данные свидетельствуют о большом количестве вариантов повторов в речи обоих телеведущих, а также о том, что использование избыточных повторов в речи Эллен Дедженерес и Саймона Коуэлла во многом имеют сходство. Оба ведущих используют данный прием для создания развлекательного тона передачи, привлечения внимания зрителей к тем или иным моментам. Различие же состоит в том, что Эллен использует многократные повторы для создания более теплой, дружелюбной, веселой атмосферы; телеведущая пытается разрядить обстановку в некоторых моментах, развеселить гостей и зрителей. Судья программ «American Idol», «Pop Idol», «The X Factor UK» и «Britain's Got Talent» Саймон Коуэлл отличается тем, что с помощью данного приема выражает свое мнение, дает оценку, и не всегда положительную, иронизирует по поводу выступления приглашенных гостей.

В ходе анализа установлено, что употребление повторов в речи женщин, на примере Эллен Дедженерес, реализует следующие функции языковой игры:

- комическая (Эллен, при помощи лексической анафоры, придает монологу особую ритмику, эмоциональность и комичность, встречая певца Джэйсона Деруло: «*I see London, I see France, I see Jason Derulo wearing my underpants*») Телеведущая часто дарит своим гостям нижнее белье, показывая свое теплое отношение к ним, свою легкость и чувство юмора;
- развлекательная (лексическая анафора придает ее монологу особую ритмику, эмоциональность и комичность, Эллен пританцовывает при этом: «*I see London, I see France, I see Jason Derulo wearing my underpants*»);
- эмотивная («*I just got to say that this is a big night for me because this is a dream since I was a little girl; I've always wanted to host the Academy Award's... so the dream come truth. And I'm sure that for you, audience, the dream come truth as well, not that I'm hosting, not that I'm here*»). Эллен с помощью повтора показывает свое настроение, эмоции по поводу той чести, которой она была удостоена, показывает, как она счастлива, что мечта стала явью,
- психотерапевтическая (Эллен выражает свое уважение спортсмену, поддерживая его: «*I really... I give you so much credit, because to be in*

such a muchly sport, and to decide that it's more important to live your life, to live your truth»).

Женщины и мужчины, употребляя множественный повтор, стремятся заострить внимание слушателя на определенных вещах. Помимо этого, такая языковая игра позволяет женщине оказать поддержку слушателю, фактически оказать на него воздействие.

В ходе анализа установлено, что употребление повторов в речи мужчин, на примере Саймона Коуэлла, реализует следующие функции языковой игры:

- комическая (Саймон сравнивает рот девушки с большим рвом, в этом легко прослеживается ирония в грубой форме: «*Molly, your mouth is far far too big when you sing. I mean it was just like a big cave. I've never seen anything so huge in my life. And because your mouth is so big, there's real noise comes out of it. It was absolutely terrible*»);
- оценочная (комментируя выступление молодой девушки, Саймон употребляет преувеличение, чтобы оценить ее выступление: «*Molly, your mouth is far far too big when you sing. I mean it was just like a big cave. I've never seen anything so huge in my life. And because your mouth is so big, there's real noise comes out of it. It was absolutely terrible*»);
- эмотивная (Саймон на выступлении «Attraction», выражая свои эмоции, говорит: «*It's just remarkable how something so simple, so beautiful could strike at somebody's heart within seconds*»);
- психотерапевтическая (в любом своем комментарии Саймон оказывает на людей психологического влияние: «*Did you know that you sounded like you're two cats, someone stepped on you <...> it was like terrific <...> sounded like you are in pain*»).

По сравнению с Эллен Саймон часто использует повторы в целях оценочного, обучающего эффекта, так как ведущий является судьей в передачах. Но следует отметить, что эффект комического у обоих ведущих проявляется по-разному: у Саймона данный эффект часто переходит в сатиру и сарказм. В этом и заключается существенная разница.

В следующей таблице представлены данные о проявлениях языковой игры на фонетическом уровне.

Таблица 2

Средства создания фонетической языковой игры	Эллен Дедженерес	Саймон Коуэлл
Аллитерация	7	8
Смена интонации	1	-
Ономатопия	5	-
Игра с омофонами	3	3
Общее количество	16	11

Как видно, Эллен Дедженерес пользуется фонетической языковой игрой чаще, нежели ее коллега. Частое употребление аллитерации говорит о том, что ведущая любит расставлять акценты на тех или иных словах, которые она считает ключевыми. Следует также отметить, что Эллен часто изменяет интонацию и регистр голоса, что помогает ей поддерживать непринужденную, веселую обстановку в передаче, она проявляет гибкость в общении. На примере Эллен Дедженерес можно утверждать, что женщины чаще используют различные тона для создания комического эффекта. Более того, данный способ используется женским полом и для выражения различных эмоционально-экспрессивных значений. Ведущая форма проявления эмоционального самовыражения женщины обнаруживается именно в фонетической игре, так как женщины шире используют средства фразовой просодии.

Данные таблицы 2 показывают, что Саймон Коуэлл отдает предпочтение повторению одинаковых звуков. С помощью аллитерации Саймон подшучивает над выступающими, или же, напротив, выражает свое восхищение, как в случае с 47-летней конкурсанткой на полуфинале шоу «Britain's Got Talent» («*It's just remarkable how something so simple, so beautiful could strike at somebody's heart within seconds*»). Мужская фонетическая игра менее разнообразна, чем женская.

На **морфологическом уровне**. Оба ведущих используют морфологические окказионализмы для создания комического. «*One of the nominees is her. And by 'her' I mean Meryl Streep*». Употребление окказионализма «**her**» в грамматически неправильном предложении указывает на то, что Мэрил Стрип настолько знаменита и любима, что не нуждается в представлении. Эллен хотела выразить свое уважение и почтение американской актрисе, показать, насколько ведущая ее «боготворит». Кроме того, данная языковая игра с помощью повтора подчеркивает комичность высказывания.

Языковая игра в мужской речи на морфологическом уровне, на примере С. Коуэлла, направлена на создание комического и выражения личного отношения. Комическое в данном случае ближе к сарказму, который выполняет следующие функции:

- оценочную (Саймон дает оценку выступлению: «*It's just remarkable how something so simple, so beautiful could strike at somebody's heart within seconds*»);
- комическую (Саймон, оценивая выступление девушек, говорит: «*...we has weeks, not decades*». Используя окказионализм «*has*» вместо «*have*», ведущий подчеркивает их возможности как есть, в то же время он иронизирует по поводу выступления участников шоу).

В целом анализ показал меньшее количество употреблений разных видов языковой игры в речи Саймона Коуэлла, чем у Эллен Дедженерес. Мужская языковая игра выражает прежде всего эффект комического, об этом говорит выбор средств воплощения языковой игры в жизнь: многократные повторы на всех уровнях, кроме морфологического. Особенными являются повторы на лексическом уровне; важными в меньшей степени на фонологическом. Речь Саймона Коуэлла насыщена острыми, колкими, иногда грубоватыми высказываниями в адрес конкурсантов.

Следует отметить, что мужской языковой игре свойственна направленность на самоутверждение, на показ своих интеллектуальных возможностей, высмеивание, на развлекательный и комический эффект.

Женская языковая игра, на примере речи Эллен Дедженерес, характеризуется лексическими, синтаксическими повторами, которые служат для создания комического эффекта. Но последний отличается от такового в мужской речи тем, что он более мягкий и дружелюбный. Любопытно, что характерным для женщин является использование фонетической языковой игры. Это говорит о том, что женской эмоциональной речи свойственна просодическая эксплицитность.

Данный набор средств выражения помогает выразить следующие функции языковой игры: аттрактивную, эстетическую, развлекательную, экспрессивную, смягчающую, комическую, эмоциональную. Эллиен создает благоприятные условия для своих гостей, несмотря на то, что любит подшутить над ними. От женщин ожидается эмоциональная, неконфликтная подача информации. Именно это мы видим в языковой игре Эллиен Дедженерес.

Итак, несмотря на то, что телеведущие имеют разное происхождение и условия, в которых они росли, у обоих высокий социальный статус, богатый внутренний мир, оба являются уважаемыми и влиятельными людьми. Отбор и специфика сочетания различных видов языковой игры в их речи, своеобразие выполняемых ими функций гендерно обусловлены, что было подтверждено в ходе специального анализа.

Литература

1. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка / пер. К. Будагов. — М.: Прогресс, 2002. — 528 с.
2. Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество. — Екатеринбург, 1996. — 215с.
3. Земская Е. А. Языковая игра. — М.: Искусство, 1983. — 269 с.
4. Земская Е. А., Китайгородская М. А., Розанова Н. Н. Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании / под ред. Е. А. Земской и Д. Н. Шмелева. — М., 1993. — С. 90–136.
5. Кирилина А. В. Гендер: лингвистические аспекты: монография. — М., 1999. — 378 с.
6. Матвеева Л. В., Аникеева Т. Я., Мочалова Ю. В. Психология телевизионной коммуникации: — М.: РИП-холдинг, 2002. — 316 с. Серия «Академия рекламы».
7. Нухов С. Ж. Языковая игра в английском словообразовании: имя существительное. — Уфа: Изд-во Башгоспединститута, 1997. — 342 с.
8. Санников В. З. Об истории и современном состоянии русской языковой игры // Вопросы языкознания. — 2005. — №4. — 350 с.
9. Сапогова Л. И. Составляющие языковой игры и их роль в создании комического // Известия Тульского государственного университета. Сер. Психология. — 2003. — Вып. 3. — С. 215–224.
10. Сметанина С. И. Медиа-текст в системе культуры. Динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века. — СПб.: Изд-во В. А. Михайлова, 2002. — 383 с.

11. Chiaro D. The language of jokes. Analyzing verbal play. — London: Routledge, 1992. — 352 p.
12. Первый российский фан-сайт Эллиен Дедженерес [Электронный ресурс]. — URL: <http://dgnrs.info/>
13. Электронный журнал «Known: Все о знаменитостях» [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.known.ru>

References

1. Bühler K. Theory of Language. Representational Function of Language, trans. K. Budagov, Moscow: Progress, 2002, 528 p. (trans. from Engl.)
2. Gridina T.A. *Yazykovaya igra: stereotip i tvorchestvo* [Language game: stereotypes and creation]. Ekaterinburg, 1996. 215 p.
3. Zemskaya E.A. *Yazykovaya igra* [Language game]. Moscow: Iskusstvo, 1983. 269 p.
4. Zemskaya E.A., Kitaigorodskaya M.A., Rozanova N.N. *Osobennosti muzhskoi i zhenskoi rechi* [Peculiarities of speech of men and women]. *Russkii yazyk v ego funktsionirovanii* (Moscow) — The Russian language in its functioning (Moscow). 1993. Pp. 90-136.
5. Kirilina A.V. *Gender: lingvisticheskie aspekty: monografiya* [Gender: linguistic aspects: monography]. Moscow, 1999. 378 p.
6. Matveeva L.V., Anikeeva T.Ya., Mochalova Yu.V. *Psikhologiya televizionnoi kommunikatsii* [Psychology of the telecommunication]. Seriya «Akademiya reklamy» (Moscow) — Academy of advertisement (Moscow): RIP-Holding, 2002. 316 p.
7. Nukhov S.Zh. *Yazykovaya igra v angliiskom slovoobrazovanii: imya sushchestvitel'noe* [Language game in English word-building: the noun]. Ufa: Bashgospedinstitut, 1997. 342 p.
8. Sannikov V.Z. *Ob istorii i sovremennom sostoyanii russkoi yazykovoï igry* [About history and modern status of Russian language game]. *Voprosy yazykoznaniiya - Linguistic issues*. Moscow, 2005. No. 4. 350 p.
9. Sapogova L.I. *Sostavlyayushchie yazykovoï igry i ikh rol' v sozdanii komicheskogo* [Constituents of language game and their role in creation of comics]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Psikhologiya (Tula) - Psychology Bulletin of Tula State University (Tula)*. 2003. No. 3. Pp. 215-224.
10. Smetanina S.I. *Media-tekst v sisteme kul'tury. Dinamicheskie protsessy v yazyke i stile zhurnalistiki kontsa XX veka* [Media text in the system of culture. Dynamic processes in the language and style of journalism in the end of XX century]. S-Pb.: V.A. Mikhailov Publ., 2002. 383 p.
11. Chiaro D. The language of jokes. Analyzing verbal play. London: Routledge, 1992, 352 p.
12. <http://dgnrs.info/>
13. <http://www.known.ru>

УДК 811.111

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ МОДАЛЬНЫХ СЛОВ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

© Сафина Аделина Ренатовна

ассистент кафедры иностранных языков Набережночелнинского института
социально-педагогических технологий и ресурсов

Россия, 423806, г. Набережные Челны, ул. Низаметдинова, 28

E-mail: safina-adelina@mail.ru

Настоящая статья посвящена коммуникативно-прагматическим функциям модальных слов, маркирующих модальность категорической достоверности в современном английском языке. Семантической особенностью модальных слов является выражение субъективного отношения коммуникантов к достоверности оперируемой ими информации. Несмотря на то что основной прагматической функцией модальных слов является убеждение собеседника в достоверности получаемых им сведений, выявлено несколько частных прагматических функций, позволяющих модальным словам добиваться необходимого перлокутивного эффекта. Анализируемые функции рассмотрены с позиции оказания влияния как на говорящего, так и на слушающего.

К числу направленных на говорящего коммуникативно-прагматических функций модальных слов категорической достоверности относятся следующие: функция манифестации уверенности говорящего в достоверности предоставляемых сведений, функция раскрытия отношения говорящего к ситуации, функция коррекции первоначального мнения на информационно более достоверное. Коммуникативно-прагматические функции модальных слов, ориентированные на слушающего, включают в себя функцию воздействия на эмоционально-психический фон реципиента, функцию убеждения, функцию акцентуации коммуникативного ядра высказывания, функцию иронизации и некоторые другие. Указанные выше функции проиллюстрированы примерами из современной англоязычной прозы.

Ключевые слова: модальность, модальное слово, категорическая достоверность, коммуникативно-прагматическая функция, прагматика.

COMMUNICATIVE-PRAGMATIC FUNCTIONS OF MODAL WORDS (ON THE BASIS OF THE MODERN ENGLISH LANGUAGE)

Adelina R. Safina

Assistant of Department of Foreign Languages

Naberezhnochelninsky Institute of Socio-pedagogical Technologies and Resources

28 Nizametdinova St., Naberezhnye Chelny 423806, Russia

The article is devoted to the communicative-pragmatic functions of the modal words marking the modality of categorical certainty in the modern English language. The semantic feature of modal words is to express the subjective attitude of communicants to certainty of the exchanged information. In spite of the fact that the main pragmatic function of modal words is to persuade the interlocutor that the information, he is receiving, is certain, during this research some specific pragmatic functions, which help modal words to achieve necessary perlocutionary effect, were revealed. The analysed functions were considered from the position of influence on the speaker and on the listener.

The communicative-pragmatic functions of the modal words of categorical certainty, directed to the speaker, include the function of demonstration of the speaker's confidence in certainty of the provided information, the function of showing of the speaker's attitude to a situation, the function of changing the initial opinion to more certain one. Among the communicative-pragmatic functions of the modal words, focused on the listener, the following functions can be differentiated: the function of influence on the emotional and mental state of the recipient, the function of persuasion, the function of accentuation of the rheme, the function of ironizing and some others. The functions stated above were illustrated with the help of the examples from the modern English prose.

Keywords: modality, modal word, categorical certainty, communicative-pragmatic function, pragmatics.

Известный швейцарский лингвист Ш. Балли подразделял предложение на две части: диктум, или та часть предложения, которая коррелятивна процессу, образующему представление (повод эксплицитного высказывания [1]); вторая — модус, или та часть предложения, что выражает отношение говорящего (рациональное, эмоциональное, волевое) к данному суждению (тема эксплицитного высказывания [1]). Иными словами, модус определяет отношение говорящего к достоверности содержания высказывания.

Пропозиция может считаться достоверной только в том случае, если то, что произносит говорящий, соответствует тому, что он имеет в уме, и если то, что он имеет в уме, соответствует тому, что имеет место в объективной действительности [5, с. 121]. Семантика достоверности выражается средствами различных уровней языка: лексического, морфологического и синтаксического. В качестве основных средств лексического уровня традиционно рассматриваются модальные слова (далее — МС).

Несмотря на то, что природа МС получила освещение в трудах как отечественных, так и зарубежных лингвистов (Е. И. Беляевой, Е. М. Галкиной-Федорчук, И. Г. Кошевой, Ф. де Хаана, Дж. Ньютса, У. Энгеля, Г. Хельбинга и др.), до сих пор нет единой точки зрения по данной проблеме. Тем не менее наличие двух компонентов — семантического и синтаксического — позволяет сделать обоснованный вывод о возможности выделения МС в самостоятельную часть речи. С семантической точки зрения все МС могут быть объединены общностью значения субъективного отношения говорящего к пропозиции в плоскости истины (достоверно/недостоверно). Что касается синтаксического признака, следует заметить, что МС выполняют функцию вводного члена предложения (иногда слова-предложения), тем самым не неся рематической нагрузки и выступая лишь как средство описательного выражения модальной рамки.

В данной работе будут рассмотрены коммуникативно-прагматические функции МС современного английского языка, маркирующих модальность категорической достоверности (далее — КД) и выражающихся лексемами *certainly, of course, no doubt, surely, obviously, indeed* и некоторыми другими. Их употребление связано с тем, что говорящий практически абсолютно уверен в достоверности своих суждений в силу наличия необходимого количества фактологических оснований. При этом сама достоверность

понимается нами вслед за Р. Д. Шакировой «как понятие, характеризующее степень соответствия содержания высказывания объективной действительности» [4, с. 89].

Неоспорима связь семантического и прагматического уровней языка. Зачастую лексические единицы находят свое конкретное семантическое обозначение лишь при обращении к определенным прагматическим факторам, обуславливающим их смысловое воплощение в речи. Здесь можно упомянуть о таком понятии, как прагматическая ориентация лексического значения. Понимание высказывания «зависит от контекста в самом широком смысле слова, т. е. от речевой ситуации, от фонда знаний говорящего и слушающего, от их целей и стратегий поведения в данный момент» [3, с. 301–302]. При этом указанные критерии постоянно меняются. Очевидно, что высказывание, воспринятое человеком в пятилетнем и двадцатипятилетнем возрасте, будет иметь различный перлокутивный эффект. В данном случае мы можем говорить о накопленном жизненном опыте, общем фонде знаний коммуниканта. Также здесь можно привести пример иной коммуникативной ситуации: рассмотрим суждение «Какая же ты умница!». В устах говорящего, настроенного дружелюбно по отношению к слушающему, находящегося с ним в близких, возможно, родственных отношениях, приведенное выше восклицание имеет иллокутивную цель похвалы, одобрения. Однако то же самое суждение, произнесенное коммуникантом, скептически (иногда враждебно) настроенным по отношению к собеседнику, меняет свою иллокутивную цель, трансформируя ее в неодобрение, ироничную ремарку, издевку.

Достоверность предоставляемой информации зачастую напрямую зависит от личности агенса. При этом он максимально использует свой авторитет (основанный на возрасте и богатом жизненном опыте в приведенном далее примере), чтобы убедить реципиента в достоверности своего высказывания: *What amazing beasts they [elephants] are, a direct link surely to a time long before our time, when behemoths <...> roared and rampaged through forest and swamp* [6].

Коммуникативно-прагматические функции МС, эксплицирующих КД, можно условно подразделить на две большие группы в зависимости от того, направлены они на личность самого говорящего (1) или слушающего (2). Остановимся более подробно на каждой из них.

В первую очередь среди функций, имеющих отношение к говорящему, стоит отметить функцию манифестации уверенности говорящего в достоверности предоставляемых сведений. Согласно постулатам общения П. Грайса, к категории качества относится общий постулат «Старайся, чтобы твоё высказывание было истинным», а также два более конкретных постулата: 1. «Не говори того, что ты считаешь ложным». 2. «Не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований» [2, с. 222–223]. Поэтому условием для произнесения категоричных и уверенных суждений является наличие каких-либо доказательств или фактов, будь то накопленный личный опыт, сведения из третьих рук, догадка, эмпирические данные, интерпретация последовавшей за событием реакции и пр.: Directly below me there was an oak, or perhaps it was a beech <...>, *certainly* not an elm since they are all dead [6].

Следующая функция, ориентированная на говорящего, служит для раскрытия его отношения к ситуации. Рассмотрим несколько примеров: We moved to the city, she and I, where she thought there would *surely* be more opportunities for her [6]. Уверенность в достоверности суждения основана на надежде говорящего, на его вере в лучшее будущее. Nonplussed — that is the word, *surely* — I struggled up in the bed <...> and gave him what was intended to be an imperiously interrogative stare [6]. МС КД *surely* указывает на очевидное замешательство говорящего, на его сконфуженность и незнание того, как нужно действовать в подобных ситуациях. «Oh, we won't let you go quite yet, Mrs. Morden <...>. No, *indeed* we will not» [6]. Несмотря на шуточный тон онколога и его стремление разрядить обстановку, он осознает, что пациентка прекрасно понимает, что шансов на выздоровление у нее нет, поэтому использование говорящим МС КД *indeed* не оправдывает возложенной на него функции заверения слушающего в достоверности предоставляемой информации, а звучит скорее как отчаянная попытка переубедить человека, который потерял надежду.

И наконец, в рассматриваемой группе следует упомянуть функцию коррекции первоначального мнения на информационно более достоверное, основанием для чего послужили какие-либо объективные сведения или факты. Проиллюстрируем примером: I was outraged, but he was right; there was, I saw <...> a faint tinge to the enamel of her incisors that was green *indeed*, but a

delicate damp grey-green, like the damp light under trees after rain <...> [6]. Агнс вынужден признать свою неправоту и согласиться с мнением сторонних наблюдателей после получения достаточного количества эмпирических доказательств, маркируя это МС КД *indeed*.

К числу направленных на слушающего коммуникативно-прагматических функций МС, выражающих семантику КД, относится, во-первых, функция воздействия на эмоционально-психический фон реципиента. Посредством использования МС агнс создает необходимый образ в сознании реципиента, что позволяет ему добиться требуемого положительного или отрицательного эмоционального отклика. В некоторой степени МС помогают манипулировать сознанием реципиента: I was not cruel, I would not kill a bird or steal its eggs, *certainly* not [6]. Главный герой пытается убедить читателя в том, что он никогда бы не смог причинить вред птицам, поскольку предшествующий контекст свидетельствует о его жестоком обращении с насекомыми. МС КД *certainly* в сочетании с отрицательной частицей *not* призвано «перекрыть» предыдущее впечатление, создать в сознании читателя новый образ миролюбивого, незлобивого юноши.

В следующем примере, напротив, нейтрализуется традиционно устоявшаяся уверенность реципиента в том, что мужчины стойко переносят все жизненные тяготы и невзгоды, готовы выдержать любые лишения и потери: She was right, *of course*, I have always been a moaner, fussing over every slightest twinge or ache [6]. МС КД *of course* маркирует отсутствие сомнений агенса в правоте его жены. Тем не менее здесь стоит подчеркнуть, что признаться в этом он готов лишь самому себе после смерти жены. Таким образом, иллокутивная цель автора в данном случае может трактоваться как стремление развеять существующее мнение о мужчинах как о сильном поле, который не способен испытывать боль и страдать.

Далее следует обратить внимание на функцию убеждения. МС КД обладают огромной иллокутивной силой, позволяя добиться определенного перлокутивного эффекта. В приведенном ниже примере убеждение направлено на самого говорящего, который пытается переубедить себя, переоценить достоверность детских воспоминаний, основанных на пространственном восприятии объектов: Here were the two hotels, smaller and shabbier, *of course*, than in my

memory of them, the Golf sporting importantly a rather grandiose flag on its roof [6]. Или другой пример, в котором адресатом убеждения является уже собеседник: This does not mean she was more real or of more significance to me than Chloe or her mother, *certainly* not, only that I can picture her with the most immediacy [6]. МС КД *certainly* используется для убеждения читателя в важности персонажа гувернантки для рассказчика, поскольку у первого могло сложиться ложное впечатление о несущественности ее роли в истории, т. к. действие в основном сосредоточено на Хлое и ее матери. Рассказчик объясняет это тем, что образы представительниц семьи Грейсов вырисовывались в его сознании на протяжении определенного количества времени, в то время как Роз изначально была для него цельной личностью.

Одной из функций, имеющих отношение к личности слушающего, является функция акцентуации коммуникативного ядра высказывания. МС, выступая в предложении в роли вводных элементов, призваны выделять тот или иной отрезок речи, представляющий особую важность для говорящего, с целью привлечения к нему внимания реципиента. В следующем примере МС КД *of course*, находясь в непосредственной связке со словом *things*, подчеркивает, что несмотря на убеждение социума в том, что молодой человек, не освободившийся от влияния юношеского максимализма, способен добиться поставленных целей в силу своей целеустремленности, существуют некие вещи, достижение которых неподвластно человеческому желанию. Личный опыт говорящего является достоверным тому подтверждением: There were things *of course* the boy that I was then would not have allowed himself to foresee, in his eager anticipations, even if he had been able [6]. Или другой пример: In some foul and treacherous chamber of my heart, *of course*, I wanted her to have done it, wanted it all to be over with, for me as well as for her [6]. МС КД *of course* усиливает семантическое значение предиката *wanted*, акцентируя внимание читателя на истинности желания рассказчика, на его искренности в момент произнесения высказывания несмотря на его жестокость и бесщедность.

В ходе анализа ресурсов художественного произведения была также выделена функция иронизации, которая может быть пояснена примером: *Be yourself! Meaning, of course, Be anyone you like* [6]. При помощи МС КД *of course* в

связке с последующей императивной конструкцией, значение которой прямо противоположно изначальной директиве, говорящий раскрывает истинный коммуникативный замысел скрытого адресанта. Ироничная импликатура высказывания помогает говорящему убедить слушающего в достоверности собственных суждений.

Перлокутивный эффект высказывания может быть достигнут за счёт функции апелляции к моральному (нравственному) сознанию реципиента: The cool thick secret smell of milk made me think of Mrs. Grace, and I would have a darkly exciting urge to give in to Duignan's wheedling and tell him about her, but held back, wisely, *no doubt* [6]. Опирируя предшествующей данному высказыванию ретроспекций рассказчика, читатель способен представить себе мысли, которыми тот мог поделиться с собеседником. Однако соблюдение моральных норм поведения приводит к тому, что рассказчик укрывает информацию, что, вне всякого сомнения, является мудрым решением, о чем он сообщает при помощи МС КД *no doubt*, стремясь склонить симпатию читателя на свою сторону.

Заключительная функция, которая будет рассмотрена в настоящем исследовании, может быть названа риторической. Употребление МС зачастую заставляет слушающего задуматься над философскими вопросами, вопросами мироздания, жизни и смерти, любви и ненависти. При этом агенс как бы вовлекает себя в процесс размышлений вместе с реципиентом: Has this not always been my aim, is this not, *indeed*, the secret aim of all of us, to be no longer flesh but transformed utterly into the gossamer of un-suffering spirit? [6].

Анализ вышеизложенного материала позволяет прийти к выводу о том, что функционирование МС КД в речи направлено на снятие возможных сомнений собеседника в достоверности получаемой им информации. Акцентируя ту или иную часть высказывания, МС воздействуют на сознание реципиента, направляют ход его мыслей в необходимое русло, что позволяет охарактеризовать их как суггестивные. Однако стоит подчеркнуть, что иллюкутивная цель, реализуемая при помощи введения в пропозицию МС КД, может быть направлена не только на собеседника, но и на самого говорящего. Это объясняется тем, что основной целью коммуникации является достижение понимания между собеседниками, что невозможно, если достоверность сведений говорящего изменилась, но он не при-

знает этого. Таким образом, роль МС КД в достижении определенного перлокутивного эффекта, а именно в убеждении собеседника в истинности высказывания, является неоспоримой.

Литература

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. — М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. — С. 46.
2. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 16. Лингвистическая прагматика. Сборник: пер. с разн. яз. / сост. и вступ. ст. Н. Д. Арутюновой и Е. В. Падучевой; общ. ред. Е. В. Падучевой. — М.: Прогресс, 1985. — 500 с.
3. Кронгауз М. А. Семантика: учебник для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Академия, 2005. — 352 с.
4. Шакирова Р. Д. Понятие эпистемического статуса и средства его выражения в современном немецком языке. — М.: Филологические науки, 2009. — № 2. — С. 89–97.
5. Шатуновский И. Б. Семантика предложения и нерелевантные слова (значение, коммуникативная перспектива, прагматика). — М.: Языки русской культуры, 1996. — 400 с.

6. Banville J. The Sea. — London: Picador, 2013. — 264 p. — [Электрон. книга (PDF)].

References

1. Bally C. *Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka* [General linguistics and questions of the French language]. Moscow: Publ. of foreign literature, 1955. P. 46.
2. Grice H. P. *Logika i rechevoe obshchenie* [Logic and conversation]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* — New in modern linguistics: Vol. 16. Linguistic pragmatics. Moscow: Progress, 1985. 500 p.
3. Krongauz M. A. *Semantika* [Semantics]. Moscow: Academy Publ., 2005. 352 p.
4. Shakirova R. D. *Ponyatie epistemicheskogo statusa i sredstva ego vyrazheniya v sovremennom nemetskom yazyke* [The concept of the epistemic status and means of its expression in the modern German language]. Moscow: Philological sciences. 2009. No. 2. Pp. 89-97.
5. Shatunovskii I. B. *Semantika predlozheniya i nereferentnye slova (znachenie, kommunikativnaya perspektiva, pragmatika)* [Semantics of the sentence and generic words (meaning, communicative prospect, pragmatics)]. Moscow: School «Languages of Russian culture», 1996. 400 p.
6. Banville J. The Sea. London: Picador, 2013. 264 p. [Electronic book (PDF)].

УДК 81:130.2

ФРАЗОВЫЕ ГЛАГОЛЫ С НАРЕЧИЕМ «AWAY» КАК МАРКЕРЫ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ МЕТАФОР ВРЕМЕНИ

© Федоров Михаил Александрович

кандидат философских наук, доцент кафедры английской филологии
Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: fma1105@gmail.com

В статье рассматривается вариативность фразовых глаголов с наречием «away», выступающих в качестве маркеров концептуальных метафор «время — ценная вещь», где ценность этого феномена репрезентируется посредством выражения негативного отношения к его растрапе: «trifle away», «melt away», «sloth away», «linger away», «throw away», «loiter away», «give away», «fritter away», «muddle away», «fling away», «dally away»; и метафоры «время — движущийся объект», представляющей время как тягостную длительность, переждать которую можно при помощи различных действий «discourse away», «wear away», «talk away», «toy away», «sleep away», «slumber away», «dance away», «write away», «idle away», «dawdle away», «saunter away», «while away», «wish away», «dream away», «doze away». Представленность этих маркеров в британской лингвокультуре показывает пример конкуренции языковых средств в выражении культурнозначимых смыслов.

Ключевые слова: категория времени, концептуальная метафора, фразовые глаголы, диахронический аспект, эволюция осмысления.

PHRASAL VERBS WITH ADVERB «AWAY» AS MARKERS OF CONCEPTUAL METAPHORS OF TIME

Mikhail A. Fedorov

PhD, A/Professor of Department of English Philology
Buryat State University
24a Smolina St., Ulan-Ude 670000, Russia

The article deals with the variability of phrasal verbs with adverb «away» that serve as the markers of the cognitive metaphor «time is a valuable commodity», its value signified by the negative attitude towards its expenditure: «trifle away», «melt away», «sloth away», «linger away», «throw away», «loiter away», «give away», «fritter away», «muddle away», «fling away», «dally away», and the cognitive metaphor «time is a moving object», where presenting time as a burdensome period, which can be endured with the help of different activities: «discourse away», «wear away», «talk away», «toy away», «sleep away», «slumber away», «dance away», «write away», «idle away», «dawdle away», «saunter away», «while away», «wish away», «dream away», «doze away». The representation of the markers in the British linguoculture shows an example of the competition of language means in conveying culturally important meanings.

Keywords: category of time, cognitive metaphor, phrasal verbs, diachronic aspect, evolution of thought.

Концептуальная метафора, понимаемая нами как осмысление одного концепта в терминах другого [14, р. 5, 86–87], представляет собой экстраполяцию характеристик одного объекта на другой. Вариативность одной метафоры может быть весьма широкой: использование различных средств актуализации — маркеров метафоры — увеличивает количество «смысловых граней» одного концепта за счет другого. Появление новых лексических маркеров можно рассматривать как составляющую истории осмыс-

ления категории времени в британской культуре [2].

В центре нашего внимания две группы маркеров концептуальных метафор, представленных фразовыми глаголами с наречием «away». Этот перечень маркеров является результатом анализа контекстов со следующими репрезентантами концепта «time»: «time», «hour», «minute», «moment», «year», «month», «week». Выборка маркеров произведена на материале корпусов текстов следующих британских авто-

ров — Дж. Чосер [6], У. Шекспир [17], Б. Джонсон [13], Дж. Драйден [11], Дж. Беньян [4], Д. Дефо [9], Дж. Свифт [18], С. Ричардсон [15], Г. Филдинг [12], Дж. Остин [3], В. Скотт [16], Ч. Диккенс [10], У. Теккерей [19], У. Коллинз [7]. Общий объем исследуемого корпуса составляет 22 млн 503 тыс. 734 слова.

Маркеры первой группы можно объединить в смысловое поле «негативное отношение к растраче времени», относящиеся к концептуальной

метафоре «время — ценная вещь»¹. К осуждаемым действиям относятся трата времени по пустякам «trifle away», «dally away», мелочам «fritter away» или по глупости «muddle away», из-за лени «sloth away», «idle away» или промедления «linger away», «loiter away», а также буквально выбрасывая «throw away», «fling away», отдавая «give away» или истаивая свое время «melt away». В таблице 1 показана статистика контекстов с маркерами первой группы.

Таблица 1

Статистика употребления фразовых глаголов с наречием «away» в качестве маркеров концептуальной метафоры «время — ценная вещь»

X+ away	Чосер	Шекспир	Джонсон	Беньян	Драйден	Свифт	Дефо	Ричардсон	Филдинг	Остин	Скотт	Диккенс	Теккерей	Коллинз
trifle		1		1	1			1		1	1			1
melt			1											
sloth	(1) ²			1										
linger / loiter				1						1				2
throw					1	1	1	3	5		7			1
give												1		
fritter											1	1	1	
muddle											1			1
idle											1			
fling											1			
dally											1			

Как видно из таблицы 1, из представленных фразовых глаголов, актуализирующих метафору «время — ценная вещь», только два использовались достаточно часто.

А) Самым первым был глагол «trifle away», который, появившись у Шекспира, в последующем встречается у отдельных авторов в XVII, XVIII и XIX веках:

Come, lords, we trifle time away (Шекспир);

It made me also angry with myself, to think that I should have no more wit, but to trifle away my time till my soul and heaven were lost (Беньян)

My lord, you trifle precious hours away (Драйден)

... as if our view was rather to trifle away our time, than improve ourselves by attending to the story of the action (Ричардсон).

She trifled away half an hour at the piano (Коллинз).

Б) Маркер «throw away», предложенный Дж. Драйденом, встречается почти у всех авторов, причем достаточно часто у С. Ричардсона и Г. Филдинга:

-and therefore I will say nothing of the poem, which I present to you, because I know not if you are like to have an hour, which, with a good conscience, you may throw away in perusing it (Драйден);

... he may be said to have served not himself, but his master--and both his money and his seven years are all thrown away (Дефо);

... Throws all his wit and hours away / In twisting up an ill spun Play (Свифт);

... wait on me while I sup, that I may have some talk with you, and throw away as little time as possible upon you... (Ричардсон);

I throw an idle hour away there sometimes (Филдинг);

Well, time, money, and instruction have been thrown away, and now, after fighting two regular boxing matches ... (Скотт);

«Think how precious your time is, Gilmore, and don't throw it away (Коллинз).

В) Несколько меньшую поддержку нашли маркеры «fritter away», «loiter away» и его синоним «linger away»:

«There is little need,» said the monk, with a meaning look, «to fritter away the time in gewgaws which shall raise up the pale ghosts of hopes of early years (Диккенс);

... instead of frittering away his time at Paris and Vienna amongst the most odious company (Теккерей);

... she loitered away several minutes on the landing-place, with the most high-minded fortitude, before she went to her sister... (Остин);

Loitering away the time in some quiet locality, out-of-doors (Теккерей);

... yet they defer it, and if not quite forget it, yet linger away the time, as being loth to distribute to the necessities of those in want (Беньян).

Г) Прочие маркеры концептуальной метафоры «время — ценная вещь» (melt away, sloth away, give away, muddle away) можно рассматривать как варианты общественно осуждаемых действий в отношении времени, не нашедших поддержку у языкового сообщества в рассматриваемый период. Так, Б. Джонсон говорил о «таянии» времени, Дж. Беньян — о промедлении по причине лени, Ч. Диккенс — о том, что время можно упустить, и, наконец, В. Скотт предложил несколько вариантов — «отшвырнуть», «проматывать» и «бездельничать».

Why, here's the man that can melt away his time and never feels it (Джонсон);

The most of professors are for embezzling, mis-spending, and slothing away their time, their talents, their opportunities to do good in ... (Беньян);

He will talk about business, and won't give away his time for nothing (Диккенс);

... by dallying away precious time by riding uphill after the falconer (Скотт).

Ключевым элементом рассматриваемых маркеров является наречие «away», указывающее на одновременно на движение времени и его утрату. Внутренняя форма фразовых глаголов позволяет составить следующий рейтинг осуждаемых действий по отношению ко времени, основанный на частотности их появления:

- бессмысленно потратить (trifle away);
- выкинуть (throw away);
- тратить промедлением (loiter away, linger away);
- тратить по мелочам (fritter away);
- тратить из-за лени (sloth away) и прочие осуждаемые действия.

Вторая группа маркеров представляет категорию времени как тягостную длительность³ которую можно перетерпеть «wear away» или переждать «while away», от которой можно отвлечься какими-либо действиями «discourse away», «talk away», «toy away», «dance away», «write away», «dawdle away», «saunter away», переждать это время в бессознательном состоянии «sleep away», «slumber away», «dream away», «doze away» или желать конца этого периода «wish away». Здесь имеется три «удачных» маркера со значением действия, позволяющих уменьшить гнет времени и получивших признание в британской лингвокультуре, статистика употребления которых показана в следующей таблице.

Таблица 2

Статистика употребления фразовых глаголов с наречием «away»
в качестве маркеров концептуальной метафоры «время — движущийся объект»

X+ away	Шекспир	Беньян	Драйден	Филдинг	Остин	Диккенс	Теккерей	Коллинз
discourse	1							
wear	1					1		
talk		2						
toy			1					
sleep / slumber			1	1		1		3
dance						1		
write								
idle								2
dawdle / saunter					1	2	1	1
while					2	2	2	12
wish						1		
dream/doze						1		2

А) Первый из них, маркер «while away», впервые встречается у Дж. Остина, затем у Ч. Диккенса, У. Теккерей и особенно часто и у У. Коллинза:

Catherine was with her friend again the next day, endeavouring to support her spirits and while away the many tedious hours before the delivery of the letters (Остин);

it whiled away the time, and kept him from wondering where he was going, and how it was that he found himself in such an odd situation (Диккенс);

Foker went away disconsolate, and whiled away an hour or two vaguely at clubs... (Теккерей);

and Allan... had proposed to while away the idle hours by taking a walk in Castletown (Коллинз).

Б) Второй маркер «sleep away» впервые отмечен у Дж. Драйдена, затем у Ч. Диккенса и У. Коллинза. В эту же подгруппу можно отнести фразовые глаголы, образованные от синонимов глагола «sleep» — «slumber away», «doze away», «dream away»:

...you sleep away your hours In desperate sloth, miscalled philosophy (Драйден);

Sikes, meanwhile, flinging himself on the bed, and composing himself to sleep away the time until the young lady's return (Диккенс);

She threw herself on her bed, with a sullen impulse to sleep away the time (Коллинз);

... where she had slumbered away the day, in order to sit up all night... (Филдинг);

... the blind blackbird, who dreamed and dozed away his days in a large snug cage... (Диккенс);

_My_ 'earthly Paradise' is here, where I am allowed to dream away my time over my drawings and my books ... (Коллинз).

В) Близость внутренней формы позволяет объединить маркеры «saunter away» и «dawdle away», которые неоднократно встречаются в литературе:

...who was wild to buy all, could determine on none, and dawdled away her time in rapture and indecision (Остин). — As he was sauntering away his spare time, and stopped to look at almost every object that met his gaze (Диккенс). — The young men sate, meanwhile, dawdling away the sunshiny hours on the terrace, very happy, and Pen, at least, very talkative (Теккерей). — I dawdled away the morning--part of the time in the rooms downstairs, and part out of doors in the great square... (Коллинз).

Г) Как и в первой группе, прочие маркеры (wear away, wish away, dance away, discourse away, talk away, write away) можно рассматривать и как уникальные авторские метафоры, и как варианты следующей модели: «глагол со

значением действия, позволяющего скоротать время + наречие «away»:

In this our pinching cave, shall we discourse the freezing hours away (Шекспир);

But, however, said he, come up, and let us talk away the time in this solitary place (Беньян). — ... and not finding me at home, you were forced to toy away an hour with my wife ... (Драйден). — But having nothing else to do, and I am sure I shall not sleep a wink to-night, if I was to go to bed, I will write my time away, and take up my story where I left off (Ричардсон). — This consideration set me thinking and thinking of an imaginary party where people were dancing the hours away (Диккенс). perfectly well knowing that for hours to come he could not obtain speech with Madeline, and could do nothing but wish the intervening time away.

На основании полученной статистики можно составить следующий рейтинг действий, представленных в британской лингвокультуре, при помощи которых можно переждать обременительный период времени:

— ничего не делать (while away);

— спать, дремать или пребывать в мире грез (sleep away, dream away, doze away, slumber away);

— гулять или бродить (dawdle away, saunter away).

— Такие действия, как «говорить», «танцевать», «писать» — дальнейший перечень представляется открытым, его можно дополнить такими примерами, как «*sing away my spare time», «*played away his lonely hours with a game book»⁴ и т. д.

Особое место в исследуемом материале занимает маркер «idle away». С одной стороны, внутренняя форма глагола «idle» относит его к первой группе, т. к. в британской культуре безделье не относится к числу добродетелей. С другой стороны, примеры с этим маркером не имеют пейоративной коннотации, т.к. во времена У. Коллинза риторика эпохи Просвещения уже была мало распространена и безделье не относилось к осуждаемому обществом времяпровождению. Косвенным подтверждением этого тезиса является то, что в произведениях Коллинза обнаружено только пять контекстов с маркерами из первой группы и двадцать — с маркерами из второй.

I was idling away the time one morning with my friend the attache in the garden of the Villa Reale (Коллинз). — ... I looked over the wide monotony of

the sea-side prospect, and the place in which we two had idled away the sunny hours (Коллинз).

Исследуемый материал является достаточно наглядным примером эволюции языка, которая, в свою очередь, отражает эволюцию способов размышления об объектах и явлениях. Онтология языка предполагает два этапа его изменения, как отмечал Р. Келлер [1, с. 166]: инновации, привнесенные отдельными индивидами, и принятие этих инноваций речевым сообществом. Таким образом, маркеры концептуальной метафоры, встречающиеся только у одного автора, можно считать примерами авторской метафоры, тогда как маркеры, получившие неоднократное употребление у разных авторов, можно считать репрезентантами британской лингвокультуры.

Сопоставление данных двух таблиц показывает, что использование рассматриваемых фразовых глаголов в качестве маркеров концептуальных метафор «время — ценная вещь» и «время — движущийся объект» относительно одинаково представлены на протяжении всего временного диапазона, тогда как актуализация маркеров, представляющих время как обременительную длительность, значительно вырастает в конце исследуемого периода, что свидетельствует о сдвиге в осмыслении времени.

¹ Вполне очевидно, что жизнь человека представляет собой череду утрат и приобретений бесчисленного количества идеальных и материальных объектов. И только некоторые из них, обладающие ценностью, попадают в фокус мысли. Тем самым можно заключить, что указание на потенциальную и реальную утрату чего-либо является констатацией его ценности.

² Стоит добавить, что у Дж. Чосера встречается однокоренной глагол «for-slouthe» со значением «терять посредством безделья» [6]. Несмотря на разные экспоненты, эти два глагола, очевидно, имеют одну внутреннюю форму. Поскольку «for-slouthe» не фразовый глагол, в таблице мы взяли его в скобки.

³ Пространственное наречие «away» позволяет отнести эти маркеры к метафоре «время — движущийся объект».

⁴ Звездочкой обозначены примеры, составленные мной по модели, указанной ранее.

Литература

1. Келлер Руди. Языковые изменения. О невидимой руке в языке / пер. с нем. О. А. Костровой. — Самара, 1997. — 307 с.

2. Федоров М. А. Эволюция концептуальной метафоры «время — ценная вещь» в британской

лингвокультуре // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. — 2015. — Т. 2, № 3(148). — С. 61–65.

3. Austen Jane. The Complete Works. URL: <http://www.gutenberg.org/ebooks/author/68> (07.04.2015).

4. Bunyan John. The Complete Works. URL: <http://www.gutenberg.org/ebooks/6049.txt.utf-8> (07.04.2015).

5. Cassirer E. Language and Myth. — New York: Dover Publ. Inc., 1946. — 103 p.

6. Chaucer Concordance. URL: <http://machias.edu/faculty/necastro/chaucer/concordance/> (07.04.2015).

7. Collins Wilkie The Complete Works. URL: <http://www.gutenberg.org/ebooks/author/98> (07.04.2015).

8. A Concise Dictionary of Middle English. 2008. — URL: <http://www.gutenberg.org/files/10625/10625-h/10625-h.htm> (01.06.2015)

9. Defoe Daniel The Complete Works. — URL: <http://www.gutenberg.org/ebooks/author/204> (07.04.2015).

10. Dickens Charles The Complete Works. — URL: <http://www.gutenberg.org/ebooks/author/37> (07.04.2015).

11. Dryden John The Complete Works. — URL: <http://www.gutenberg.org/ebooks/author/807> (07.04.2015).

12. Fielding Henry The Complete Works. — URL: <http://www.gutenberg.org/ebooks/author/537> (07.04.2015).

13. Jonson Ben The Complete Works. — URL: <http://www.gutenberg.org/ebooks/author/1269> (07.04.2015).

14. Lakoff G. Johnson, M. Metaphors we live by. The University of Chicago Press. Chicago. London. 2003. 276 p.

15. Richardson Samuel The Complete Works. URL: <http://www.gutenberg.org/ebooks/author/1959> (07.04.2015).

16. Scott Walter. The Complete Works. URL: <http://www.gutenberg.org/ebooks/author/59> (07.04.2015).

17. Shakespeare William The Complete Works. URL: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/100/pg100.txt> (07.04.2015).16.

18. Swift Jonathan The Complete Works. URL: <http://www.gutenberg.org/ebooks/author/326> (07.04.2015).

19. Thackeray, William Makepeace The Complete Works. — URL: <http://www.gutenberg.org/ebooks/author/313> (07.04.2015).

References

1. Keller Rudi On Language Change: The Invisible Hand in Language. Samara. 1997. 307 p. (transl. from German)

2. Fedorov M.A. *Evolyutsiya kontseptual'noi metafory «vremya — tsennaya veshch'» v britanskoi lingvokul'ture* [The Evolution of conceptual metaphor «time is a valuable commodity» in the British linguoculture]. Proceedings of Petrozavodsk State University. 2015. No. 3 (148). part. 2. pp. 61–65. (rus)

3. Austen Jane The Complete Works. Available at: <http://www.gutenberg.org/ebooks/author/68> (07.04.2015).

4. Bunyan John The Complete Works. Available at: <http://www.gutenberg.org/ebooks/6049.txt.utf-8> (07.04.2015).

5. Cassirer E. Language and Myth. New York. Dover Publ. Inc. 1946. 103 p.

6. Chaucer Concordance. Available at: <http://machias.edu/faculty/necastro/chaucer/concordance/> (07.04.2015).

7. Collins Wilkie The Complete Works. Available at: <http://www.gutenberg.org/ebooks/author/98> (07.04.2015).

8. A Concise Dictionary of Middle English. 2008. Available at: <http://www.gutenberg.org/files/10625/10625-h/10625-h.htm> (01.06.2015)

9. Defoe Daniel The Complete Works. Available at: <http://www.gutenberg.org/ebooks/author/204> (07.04.2015).

10. Dickens Charles The Complete Works. Available at: <http://www.gutenberg.org/ebooks/author/37> (07.04.2015).

11. Dryden John The Complete Works. Available at: <http://www.gutenberg.org/ebooks/author/807> (07.04.2015).

12. Fielding Henry The Complete Works. Available at: <http://www.gutenberg.org/ebooks/author/537> (07.04.2015).

13. Jonson Ben The Complete Works. Available at: <http://www.gutenberg.org/ebooks/author/1269> (07.04.2015).

14. Lakoff G. Johnson, M. Metaphors we live by. The University of Chicago Press. Chicago. London. 2003. 276 p.

15. Richardson Samuel The Complete Works. Available at: <http://www.gutenberg.org/ebooks/author/1959> (07.04.2015).

16. Scott Walter. The Complete Works. Available at: <http://www.gutenberg.org/ebooks/author/59> (07.04.2015).

---

17. *Shakespeare William* The Complete Works. Available at: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/100/pg100.txt> (07.04.2015).16.

18. *Swift Jonathan* The Complete Works. Available at: <http://www.gutenberg.org/ebooks/author/326> (07.04.2015).

19. *Thackeray, William Makepeace* The Complete Works. Available at: <http://www.gutenberg.org/ebooks/author/313> (07.04.2015).

УДК 811.133.1

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА КАК ИСТОЧНИК ВАРИАТИВНОСТИ

© Эрдынеева Дарима Владимировна

кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого и французского языков
Бурятского государственного университета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: darierdin@yandex.ru

В статье рассматривается языковая игра как лингвистический феномен. Языковая игра выступает как определенный тип речевого поведения говорящих, основанный на преднамеренном (сознательном, продуманном) нарушении системных отношений языка, то есть на изменении речевой нормы с целью создания неканонических языковых форм и структур. Выявлено, что языковая игра – речетворческая деятельность, допускающая свободное использование разнообразных приемов. Языковая игра отражает творческое начало человека, проявляющаяся в речи с целью создания нестандартного высказывания, активизирует скрытые потенции языка, заставляет размышлять о противоречивых явлениях его функционирования. Языковая игра широко распространена в художественной литературе. На фонетическом уровне чаще всего применяются звуковые и лексические повторы. Под фонетической языковой игрой мы понимаем игру на созвучии, имеющую три плана реализации: звуковой, звуко-графический и графический.

Ключевые слова: *людическая функция языка, языковая игра, языковая аномалия, языковая норма, ассоциативный контекст, словотворчество, валентность слова.*

LANGUAGE GAME AS THE SOURCE OF VARIATION

Darima V. Erdyneeva

PhD, A/Professor of German and French Languages Department of Buryat State University
24a Smolina St., Ulan-Ude 670000, Russia

The article examines the language game as a linguistic phenomenon. Language game is a certain type of verbal behavior of speakers, based on a deliberate (conscious, thoughtful) violation of the system of relations of language, i.e. on the change speech norms with the aim of creating a non-canonical linguistic forms and structures. It is revealed that language game – receiverdata activity, allows free use of various techniques. The language reflects the creativity of man, manifested in speech. Language game" activates the hidden potency of language, makes you wonder about the contradictory phenomena of its functioning. Language play on the phonetic level is widely spread in literature. On the phonetic level different replays of both audio and lexical are often used. Phonetic language game is the game on the tune with three of the implementation plan: sound, sound graphic and graphic.

Keywords: *game language function, language play, linguistic anomaly, language norm, associative context, the creation of the word, the valence of the word.*

Принадлежность языка к культуре подтверждается тем, что как в плане содержания, так в плане выражения он является творением определенного человеческого общества, социальной сущностью. В аспект артефактов языка включаются разнообразные явления: слова и прочие языковые формы в их звуковой и письменной оболочке; недаром Витгенштейн, а за ним и Росси-Ланди и некоторые другие философы и лингвисты уподобляли элементы языка орудиям, разрабатывая орудийную теорию устройства языка. Вариативность — фундаментальное

свойство языка. Языковое варьирование может быть со стороны говорящих намеренным и непроизвольным. К намеренному часто прибегают в художественных целях. Но оно может широко использоваться в игровой функции. Люди часто играют словами, языком. Такая игра привлекает доступностью, но вместе с тем позволяет выразить определенные эмоции. В своем известном труде «Номо ludens» Й. Хейзинга отмечает ряд функций игры в человеческом обществе и сферы ее проявления. Он пишет об элементах игры в правосудии в политической жизни, в войне и в

искусстве, в философии и в поэзии, он подробно разбирает понятие игры в языке, но почти не касается игры с самим языком. А между тем язык такой же объективный для отдельно взятого человека элемент культуры, как и всякие иные ее проявления, он может стать объектом игры и использоваться в игровой — ludической — функции [1, с. 367].

Э. Сэпир в статье «Аномальные речевые приемы в нутка» пишет: «Любопытную лингвистическую и культурную проблему представляет использование в речи различных языковых средств, косвенно указывающих на социальное положение, пол, возраст или другие характеристики говорящего, адресата или того лица, о котором говорят, без называния этих характеристик напрямую. Подобные импликации есть в любом языке, и чаще всего они выражаются при помощи особых слов или выражений. В языке нутка имеется возможность, а часто и обычай включать в речь информацию о физических свойствах человека, к которому обращаются или о котором говорят, используя для этого отчасти суффиксальные средства и отчасти «игру согласными» [5, с. 439]. Явления консонантной и вокалической игры представлены также в индейских песнях. В текстах песен часто встречается «испорченный язык, но изучение особенностей песенного языка в большинстве случаев показывает, что обычные языковые формы изменяются в соответствии с определенными стилистическими нормами.

Использование знакомых языковых форм для наименования новых предметов и ситуаций соответствует фундаментальной черте человеческой психики, состоящей в том, что человек способен воспринимать новую информацию только на основе уже имеющейся информации. Прежнее наименование, ассоциирующееся с некоторыми уже известными представлениями, оказывается тем мостиком, который человеческое сознание перебрасывает от известного к неизвестному. Использование известных форм для выражения нового содержания принимает двоякую форму. Оно происходит либо путем их использования в целостном виде способом переосмысления (например метафора), либо путем их реорганизации (составление новых единиц из готовых элементов по определенным моделям — как в словообразовании, так и в синтаксисе [1, с. 234].

Созданные по «закону случая» структурные аномалии разной протяженности и сложности

сводятся, по мнению И. А. Каргаполовой, к трем основным типам: антиграмматизмам, аграмматизмам и метаграмматизмам. Антиграмматизмы создаются нарушением кодифицированных правил и норм естественно-коммуникативного языка. Их прообразами часто становятся «осуждаемые», просторечные или гиперкорректные формы (ср. «bestest», «mostest»). Аграмматизмы возникают там, где говорящие игнорируют правила конкретного естественно-коммуникативного языка или создают, параллельно с ним, свои собственные. Метаграмматизмы создаются по реальным или ложным моделям иностранных или архаических языков и псевдодиалектов. Художественная речевая деятельность не ограничивается технико-поэтическим измерением, и эксперименты с языком, порождающие такие явления, как «заумь», «бессмыслица», «словесная эквилибристика», следует понимать в самом широком смысле — как вид общественно-культурного поведения. Акоммуникативность ludической речи означает не ее отсутствие или невозможность, а особый ее тип — «символическое общение». Лудологическая теория должна объяснить потребность в такой коммуникации и раскрыть секрет ее привлекательности для говорящих [3, с. 17]. Во многих случаях эффект языковой игры можно считать достигнутым только при осознании его адресатом, ибо в самом условии осуществления этого процесса лежит апелляция к языковому чутью собеседника. Ассоциативный контекст слова как условие реализации эффекта языковой игры предполагает панорамное (объемное) видение языковых фактов и деятельностное отношение к их интерпретации. Сам процесс его опознания, как отмечает Т. А. Гридина, создает игровую ситуацию, дает работу творческому воображению. Ср.: переосмысление исходного афоризма: *Бедность не подарок, не пирог, не порог (в лучшую жизнь), бедность — за порог*. Ассоциативный контекст восприятия этих выражений образуется не только актуализацией оценочных коннотаций антонимического противопоставления *бедность — богатство*, но и игровой контаминацией образного значения узуального афоризма и образного смысла функционально-ситуативных эквивалентов [2, с. 441].

Языковая игра — один из путей обогащения языка. Множество явлений, которые можно квалифицировать как игру, переставшую быть игрой. Ср. «формульные выражения» — сравнения (злой как собака), метафоры (свежий ветер, же-

лезная воля), генетивные конструкции (реки крови) и т. д., которые стали уже общеязыковыми. Долго не осознавалось (и не полностью осознается до сих пор), что языковая игра, может быть, бессознательно, преследует не только сиюминутные интересы (заинтриговать, заставить слушать), но она призвана выполнять и другую цель — развивать мышление и язык. Полностью освоено мышлением то, что освоено языком. Мысль, для которой язык нашел краткое и четкое выражение, становится достоянием народа и народного мышления, и это мышление может подниматься на следующую, высшую ступень. Язык закрепляет достижения мышления [4, с. 26].

Языковая игра многообразна. Мы остановимся на некоторых формах этой игры, проявляющихся в варьировании слов, их форм и значений. Нередко придуманные таким образом слова входят в словарный состав языка. В современной Франции процесс словотворчества настолько развит, что трудно перечислить всех авторов, чьи произведения изобилуют игрой слов. Анализ примеров с игрой слов показал, что игра часто основывается на омофонии:

«Dès que les *sourcils* pousent, les *soucis* viennent» (Jules Renard);

– L' *ouïe* de l' *oïe* de *Louis* a *ouï*.

– Ah *ouï*? Et qu' a *ouï* l' *ouïe* de l' *oïe* de *Louis*?

– Elle a *ouï* ce que toute *oïe* *oit*...

– Et qu' *oit* toute *oïe*

– Toute *oïe* *oit*, quand mon chien *aboïe* le soir au fond des bois, toute *oïe* *oit* *ouah!* *ouah!* (Raymond Devos).

Мы считаем вслед за Гридиной, что эффект языковой игры основывается на ассоциативном подражании слова — ассоциативной валентности слова, допускающей варьирование при совмещении его плана выражения и плана содержания. В контексте реализуется та или иная частная ассоциативная валентность слова — фонетическая, семантическая, лексическая, словообразовательная, синтаксическая. На фонетическом уровне языковая игра реализуется с помощью различных приемов, таких как анаграмма, палиндром, звукоподражание, звукосимволика, а также различные фоносемантические сближения слов. На фонетическом уровне приемы языковой игры включают: а) звуковой повтор: «*Aimable souvent est sable mouvent* (Robert Desnos);

«*Mes amours? Je me suis éprise. Je me suis méprise. Je me suis reprise*» (Cecile Sorel);

б) омофоническое сближение слов: «*La pipe au papa du pape Pie pue*» (Jacques Prevert);

«*C'est la vie:*

L'oiseau cru fait cui-cui

L'oiseau cuit ne le fait plus» (Raymond Queneau);

«*Etonnement monotone et lasse*

Est ton ame en mon automne, hélas» (Louise de Vilmorin);

в) «рифмованное эхо»:

«*Je t'enlacerai... Tu t'enlasserai*» (Louise de Vilmorin);

«*On est comme on naît*» (Frederic Dard).

При этом нередко сюда подключаются и различные графические приемы, как, например, разделения слова на части:

«*Décochons, décochons, décochons des traits*

Et *détrui*, et *détrui*, *détruisons* l'ennemi

C'est pour sau, c'est pour sau, c'est pour sauver la patrie» (Alfred Jarry).

Языковая игра в полной мере реализует свой деятельностный, творческий потенциал благодаря способности нестандартных единиц распространять комический или сатирический смысл на более широкое текстовое пространство вплоть до создания особой художественной концепции. В качестве текстовых средств выступают каламбуры, многозначные лексемы, значение которых проясняется окружающим контекстом. Например:

«*A Paris*

Je n'ai *pas ri*

C'était un pari

Avec le Roi Henri ... (Jean Louis Le Dizet)».

Довольно часто используется намеренное искажение орфографического облика слова с целью создания комического эффекта:

«*Si j'étais pocheteû*

Je serais *ivrogneû*

J'aurais un nez *rougeû*

Une grande *boiteû*».

На морфологическом уровне языковая игра основана на сознательном нарушении фонеморфологического восприятия лексических единиц: *Oeil* — «глаз» — *oelérie* «разглядывание»; *majeur* — «совершеннолетний» — *majeuration* «процесс взросления».

Звуки иноязычных лексем представлены французскими буквосочетаниями:

please — *plize* «пожалуйста»; *foot* — *foute* «ступня»; *week-end* — *ouiquinde*

«выходные»; *of course* — *oeuf corse* «конечно», во французском варианте обозначает в бук-

вальном прочтении «корсиканское яйцо». Большинство говорящих, независимо от уровня их коммуникативной компетенции, имеют ясное представление о речевой норме, отклонения от которой оценивают в терминах смешного.

Исходя из анализа примеров, можно предположить, что языковая игра франкоговорящих в значительной мере сформирована такими типами, как рифмические и каламбурные. Языковая игра — при всем многообразии средств и приемов — действительно становится определенным стандартом мышления и самовыражения и охватывает все сферы человеческой жизни.

Литература

1. Гак В. Г. Языковые преобразования. — М.: Языки русской культуры, 1998. — 768 с.
2. Гридина Т. А. Ассоциативный потенциал слова и его реализация в речи (явления языковой игры): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Московский педагогический университет. — М., 1996. — 566 с.
3. Каргаполова И. А. Лингвистические и социокультурные факторы лудического речевого поведения: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Российский государственный педагогический университет. — СПб., 2008. — 483 с.
4. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. — М.: Языки русской культуры, 1999. — 544 с.
5. Сэпир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии: пер с англ. / общ. ред. и вступ. ст. А. Е. Кибрика. — 2-е изд. — М.: Прогресс, 2001. — 656 с.

References

1. Gak V.G. *Yazykovye preobrazovaniya* [Language conversion]. Moscow: «Yazyki russkoi kul'tury», 1998. 768 p.656 p. (transl. from Engl.)
2. Gridina T.A. *Assotsiativnyi potentsial slova i ego realizatsiya v rechi (yavleniya yazykovoï igry)* [Associative potential of the word and its realization in speech (the phenomena of the language game)]. Dis. DSc of philology: 10.02.01. Moscow State Pedagogical University. Moscow, 1996. 566 p. (rus)
3. Kargapolova I.A. *Lingvisticheskie i sotsiokul'turnye faktory ludicheskogo rechevogo povedeniya* [Linguistic and socio-cultural factors of game verbal behavior]. Dis. DSc of philology: 10.02.04. Russian State Pedagogical University. St. Petersburg, 2008. 483 p. (rus)
4. Sannikov V.Z. *Russkii yazyk v zerkale yazykovoï igry* [Russian language as reflected by a language play]. Moscow: «Yazyki russkoi kul'tury», 1999. 544 p. (rus)
5. Sepir E. Selected works on linguistics and cultural studies. Moscow: Progress, 2001.

УДК 811.11-112

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА С КОМПОНЕНТОМ-СОМАТИЗМОМ

© Ябжанова Людмила Бадмаевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка
в профессиональной коммуникации
Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления
Россия, 670013, г. Улан-Удэ, ул. Ключевская, д. 40в, стр. 1
E-mail: yaluda_69@mail.ru

Как известно, фразеологические единицы языка являются средствами отражения видения человеком окружающего его мира. Объектом нашего исследования являются фразеологические единицы, актуализирующие умственные характеристики человека. В данной статье мы рассматриваем указанные фразеологические единицы с компонентом-соматизмом, которые позволяют более полно характеризовать умственную деятельность человека.

Соматический компонент, связанный с восприятием мира, его познанием и изменением, вызывающий ассоциации с жизнью, чувствами, физическим и умственным трудом, характером человека, активно проявляет себя в процессе фразеологизации. Этот компонент фразеологических единиц относится в своем самостоятельном употреблении к высокочастотной зоне лексического состава, к его наиболее древней, исконной и социальной значимой части. Целью данной статьи было представить возможный способ интерпретации соматических фразеологических единиц английского языка, отражающих восприятие и осмысление индивидом окружающего мира через свое тело, включая его умственную деятельность.

Ключевые слова: соматизм, компонент, фразеологическая единица, метафорическая модель, соматический фразеологизм, лексико-семантический потенциал, соматическая номинация.

ENGLISH PHRASEOLOGICAL UNITS WITH SOMATIC COMPONENT

Lyudmila B. Yabzhanova

PhD, A/Professor

Department of the English Language in Professional Communication,
East-Siberia State University of Technologies and Management
40c/1 Kluchevskaya St., Ulan-Ude 670013, Russia

As you know phraseological units of a language reflect people's vision of the world around. Somatic component that is connected with the world's perception, its experience and change, and is associated with life, feelings, physical and mental labour, human character, is very active in phraseological units' formation. This component of a phraseological unit belongs to a very frequently used, the oldest and socially important layer of a language. The aim of this article is to represent the way of interpretation of phraseological units, reflecting human's perception and understanding of the world with the help of the names of human body parts. Native language speakers use such words to describe various fields of their activity including mental activity.

Keywords: somatism, component, phraseological unit, metaphoric model, somatic phraseological unit, lexico-semantic potential, somatic nomination.

Фразеологические единицы (далее ФЕ) являются одним из наиболее ярких проявлений национально-культурной специфики языка. Они выступают как способ упаковки усложненного комплекса переживаний и мыслей в сжатом виде [3: 163], представляют собой сгусток культурной информации и позволяют сказать многое, экономя языковые средства, добираясь до глубины народного духа [1: 50].

В лингвистике изучается не только языковая концептуализация человеческого тела в целом, но также его частей, органов и действий, совершаемых ими. «Индивид, являясь мыслящим и творческим существом, особым образом отражает мир в своём сознании и определяет в нём своё место, становясь при этом точкой отсчёта, относительно которой воспринимается всё сущее» [5: 95]. С этим связано наличие во фразео-

логии современного английского языка большого числа единиц, содержащих соматические компоненты, то есть названия частей тела человека или животного, представляющие собой один из древнейших слоёв в лексике языка.

Впервые в лингвистический обиход термин «соматический» был введён в финно-угроведении Ф. Вакком, который, рассматривая фразеологизмы эстонского языка, имеющие в составе слова названия частей человеческого тела, назвал их соматическими. Он сделал вывод о том, что они являются одним из древнейших пластов фразеологии и составляют наиболее употребительную часть фразеологического состава эстонского языка [2: 23].

Термин «соматический фразеологизм» в применении к материалу русского языка впервые употребляет Э. М. Мордкович в статье «Семантико-тематические группы соматических фразеологизмов», где утверждает, что большинство соматических фразеологизмов выступает в функции негативной характеристики [4: 244].

Осмысление человеком своего собственного тела стимулирует процесс самопознания индивида. Соматическая лексика подчёркивает значимость данного лексического пласта в описании картины мира, сформированной в сознании индивида.

Человек использует соматические номинации для моделирования знаний об окружающем его мире. Антропоцентрическая составляющая фразеологических рядов широко представлена единицами, характеризующими человека, его физиологическую, ментальную и эмоционально-чувственную сферу. Активными во фразеобразовании проявляют себя соматизмы, связанные с восприятием мира, его познанием и изменением, вызывающие ассоциации с жизнью, чувствами, физическим и умственным трудом, характером человека.

Соматическую фразеологию образуют фразеологические единицы, один из компонентов которых — название части тела человека. Например: *head and shoulders above (the others/the rest)* — much better than other similar people or things; *burn your fingers, have/get your fingers burned/burnt* — to suffer unpleasant results of an action, especially loss of money, so you are not keen to try the same thing again и другие.

Образование соматических фразеологических единиц на основе метафорического или метонимического переноса является наиболее продуктивным для их появления.

В рамках нашего исследования обратимся к «телесной» интерпретации аспектов, характеризующих умственную деятельность человека. Прежде всего, умственная деятельность человека связана с головой, поскольку с ней ассоциативно связывается представление о головном мозге, одной из основных функций которого является функция мышления. Это обуславливает лексико-семантический потенциал этого слова как опорного компонента соматических фразеологизмов.

Семантическая структура лексемы *head* включает следующие значения:

- 1) top part of a body that has your brain, eyes, mouth etc. in it;
- 2) your mind and thoughts;
- 3) leader of a group;
- 4) top/front part of something и т. д. [7: 695]

Как видно из приведенных дефиниций, основное значение соматизма *head* — верхняя часть тела. Значение «ум, умственная деятельность» является переносным. Это значение и актуализируется во фразеологизмах исследуемого поля. Таким образом, в исследуемых нами ФЕ реализуется метафорическая модель «умственная деятельность — голова».

Наличие головы является признаком положительных умственных характеристик: *have a good head on your shoulders* — to be clever; *to be a head taller than someone* — to be far superior to someone (mentally or morally). Голова обладает различными характеристиками, она может быть «хорошей», «мудрой», «умной», что также положительно характеризует умственную деятельность человека: *an old head on young shoulders, a wise head on young shoulders* — a child or young person who thinks and talks like an older person who has more experience in life; *a clear head* — the ability to think quickly and calmly in a difficult situation.

Отсутствие же головы, напротив, даёт отрицательную оценку умственным способностям человека: *have no head for something* — to not be able to understand something; *lose one's head* — to become confused or crazy; *can't make head nor/or tail* — to not be able to understand something at all.

Нами были обнаружены фразеологизмы, в которых голова представлена как вместилище. Выход из этого вместилища является признаком безумия или временного помешательства: *be off your head* — to be crazy; *be out of your head* — to be unable to think clearly, especially because of having taken drugs or drunk too much alcohol.

Как известно, мозг состоит из коры и больших полушарий, соединённых между собой нервными волокнами. Замена мозга субстанциями, не способными осуществлять умственную деятельность, приводит к его функциональным нарушениям. Мозг заменяется такой инородной субстанцией, как камни: *have rocks in one's head* — to be silly or crazy, а также субстанцией, находящейся в плохом состоянии: *not be right in the head* — to be mentally ill; чем-то необычным, странным: *odd / queer in the head* — mad, not sensible; мягким, дряблым: *soft in the head* — stupid or crazy; слабым: *weak in the head* — to be mentally ill. Нарушение баланса структуры мозга, который состоит из твердой и мягкой соединительной ткани, то есть наличие только твердой или только мягкой, дряблой субстанции, или ее замена чем-то непонятным, приводит к его дисфункции.

Мозг человека, как уже говорилось ранее, выполняет высшую функцию — мышление. Это не могло не найти отражение в языке, в частности во фразеологии. Согласно словарю Macmillan English Dictionary лексема *brain* имеет следующие значения:

- 1) the organ inside your head that allows you to think and feel, and control your body;
- 2) mental ability or intelligence [7: 168].

Во ФЕ с соматизмом *brain* реализуется метафорическая модель «умственная деятельность — мозг». Наличие мозга, как и наличие головы, положительно характеризует умственную деятельность человека: *have more brains in one's little finger than one has in the whole body* — to be intelligent; *get your brain in gear* — to make yourself start thinking clearly and effectively. Его отсутствие дает противоположную оценку: *be all brawn and no brains* — to be physically strong but not very intelligent; *be brain dead* — if someone is brain dead, their mind is not working effectively because they are very tired or very bored.

Как известно, зрение является важнейшим источником информации. Неслучайно В. Д. Глезер, один из наиболее авторитетных физиологов зрения, подчеркивая значимость зрительного анализатора в процессе коммуникации, называет глаз «частью мозга, вынесенной наружу» [3: 128]. В нашей выборке мы обнаружили большое количество фразеологизмов с соматизмом *eye*. Семантическая структура данной лексемы представляет следующее:

- 1) body part for seeing,
- 2) expression on somebody's face,

- 3) for saying somebody is looking,
- 4) calm centre of storm,
- 5) hole in needle,
- 6) spot on potato,
- 7) part that hook fits in [7: 522].

Глаза — это орган зрения, зрительного восприятия. Зрительное восприятие (видение) ассоциируется с пониманием, т. е. способностью, умением проникнуть в смысл чего-либо. В исследуемых ФЕ реализуется метафорическая модель «понимание — орган зрения / глаза».

Человек получает наибольший объём информации об окружающем мире с помощью глаз. Наличие глаз — признак наличия ума, признак способности усвоить информацию, о чём свидетельствуют следующие ФЕ: *have an eye for* — to be quick-witted; *have eyes in the back of your head* — to know everything that is happening around you и другие. Если человек владеет «глазом, как у орла» — это признак способности человека видеть мельчайшие детали: *eagle eye* — the ability to notice even the tiniest detail.

Открытые глаза символизируют восприимчивость, смысленность человека: *open the eyes* — enable one to understand; *with the eyes open* — understanding clearly; *eyes open* — full knowledge, especially of consequences, understanding of what will or might result.

Признак плохого зрения или его отсутствия лежит в основе фразеологизмов, характеризующих глупость: *if someone had half an eye* — if the person mentioned were not so stupid, insensitive, dull; *to be blind in one eye* — to lack intelligence.

Мы обнаружили ФЕ, содержащие другие соматизмы.

В основе ФЕ *have something at one's fingertips (finger-ends)* — know a thing thoroughly; *have nothing between the / your ears* — to be stupid лежит признак локативности. В первой ФЕ объект (знание) находится на кончиках пальцев. Во второй ФЕ указывается на отсутствие объекта в том месте, где он должен присутствовать.

Как известно, прорезывание зубов — это важный этап развития ребенка. Прорезывание клыков (в обиходной речи «глазных зубов») — мучительный и болезненный процесс. В основу ФЕ *have one's eye-teeth cut* — to become wise лег образ человека, прошедшего определенный жизненный этап и, таким образом, приобретшего жизненный опыт, мудрость.

Отрицательную оценку умственной деятельности человека дают ФЕ, в состав которых входит соматизм *arse*, относящийся к обценной

лексике (сегменту бранной лексики различных языков, включающему вульгарные, грубые бранные выражения, часто выражающие спонтанную речевую реакцию на неожиданную (обычно неприятную) ситуацию): *can't tell your arse from your elbow; not know your arse from your elbow* — if you can't tell your arse from your elbow, you are stupid and become confused about simple things. В основе приведённых ФЕ лежит образ человека, не способного отличить одну часть тела от другой, что является простейшей задачей даже для маленького ребёнка.

Анализ отобранных ФЕ показал, что умственная деятельность человека чаще всего ассоциируется с такими частями тела, как голова, глаза, и таким органом, как мозг. Наличие этих частей тела положительно характеризует умственную деятельность человека, а их отсутствие — отрицательно. Реже ментальная деятельность ассоциируется с пальцами, глазным зубом. Единицы обценной лексики дают отрицательную характеристику умственным способностям человека.

Литература

1. Арсентьева Е. Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц, стилистически ориентированных на человека, в русском и английском языках и вопросы создания русско-английского фразеологического словаря: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20. — Казань, 1993. — 39 с.
2. Вакк Ф. О соматических фразеологизмах эстонского языка // Вопросы фразеологии и составления фразеологических словарей. — Баку, 1968. — С. 23.
3. Глезер В. Д. Зрение и мышление. — Л., 1985. — 128 с.
4. Городецкая И. Е. Соматический компонент фразеологизмов русского и французского языков // Филологические науки. Вестник Ставропольского гос. ун-та. — 2007. — № 51. — С. 162–166.
5. Мордкович Э. М. Семантико-тематические группы соматических фразеологизмов // Актуальные проблемы фразеологии. — Новосибирск, 1971. — С. 244–245.
6. Манерко Л. А. Предмет в пространстве через сложноструктурную единицу номинации // Номинация и дискурс: межвуз. сб. науч. трудов. — Рязань, 1999. — С. 95.

Словари

1. Macmillan English Dictionary. Second Edition / Macmillan Publishers Limited, 2007. — 1748 p.

References

1. Arsent'eva E. F. *Sopostavitel'nyi analiz frazeologicheskikh edinit, stilisticheski orientirovannykh na cheloveka, v russkom i angliiskom yazykakh i voprosy sozdaniya russko-angliiskogo frazeologicheskogo slovarya* [Comparative Analysis of Phraseological Units (on the material of human-oriented phraseological units in the English and Russian Languages)]. Kazan: 1989. 128 p.
2. Vakk F. *O somaticheskikh frazeologizmakh estonskogo yazyka* [About Phraseological Units of the Estonian Language]. *Voprosy frazeologii i sostavleniya frazeologicheskikh slovarei – Phraseology and Lexicographic Issues*. Baku: 1968. P. 23.
3. Glezer V.D. *Zreniye i myshleniye* [Sight and Thinking]. L.: 1985. 128 p.
4. Gorodetskaya I. E. *Somaticheskii komponent frazeologizmov russkogo i frantsuzskogo yazykov*. [Somatic Component of Phraseological Units of the Russian and the French Languages]. *Filologicheskie nauki. Vestnik Stavropolskogo un-ta - Philological Sciences. Stavropol University Bulletin*. No. 51. 2007. Pp. 162–166.
5. Mordkovich E.M. *Semantiko-tematicheskie grupy somaticheskikh frazeologizmov* [Semantic-topical Groups of Somatic Phraseological Units]. *Aktual'nye problemy frazeologii - Actual Problems of Phraseology*. Novosibirsk, 1971. Pp. 244–245.
6. Manerko L.A. *Predmet v prostranstve cherez slozhnostrukturnuyu yedinitu nominatsii* [An Object in Space Through Complex Structural Nomination Unit] *Nomintsiya i diskurs - Nomination and Discourse*. Ryzan, 1999. P. 95.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Бадмацыренова Д. Б., Долсонова А. А.</i> Сравнение как способ передачи авторского мироощущения в романе Джулии Дарлинг «The Taxi Driver's Daughter».....	3
<i>Базарова Б. Б.</i> Роль литературы в гуманитарном образовании.....	8
<i>Баяртуева Е. П., Тимофеева Е. М.</i> Особенности перевода прототипических и непрототипических каузативных конструкций с английского на русский язык.....	13
<i>Будажанова С. В.</i> К вопросу о развитии метаязыка британской интонологии.....	19
<i>Долсонова А. А.</i> К проблеме дискурсивных стратегий в художественном произведении.....	30
<i>Доржиева Г. С., Попова К. А.</i> Лингвокультурные коннотации англоязычных логоэпистем.....	35
<i>Дронова И. А.</i> Концепт и категория: к вопросу об объеме понятий (на примере категории Assertion в английском языке).....	40
<i>Моисеева Д. П.</i> Карнавальные традиции Валле-д'Аосты.....	45
<i>Невежина Е. А.</i> Лингвистическая уверенность/неуверенность в пограничном ареале (на примере Валлонии, Бельгия).....	51
<i>Озонова Л. Г.</i> Особенности представления обязательных и необлигаторных компонентов ситуации выбора в экстралингвистической реальности (на материале французского языка).....	56
<i>Санжеева Л. Ц., Абидуева Ч. А.</i> Языковая игра в речи англоговорящих телеведущих (гендерный аспект).....	60
<i>Сафина А. Р.</i> Коммуникативно-прагматические функции модальных слов (на материале современного английского языка).....	65
<i>Федоров М. А.</i> Фразовые глаголы с наречием «away» как маркеры концептуальных метафор времени.....	70
<i>Эрдынеева Д. В.</i> Языковая игра как источник вариативности.....	77
<i>Ябжанова Л. Б.</i> Фразеологические единицы английского языка с компонентом-соматизмом.....	81

CONTENTS

<i>Badmatsyrenova D.B., Dolsonova A.A.</i> Simile as a Means of Conveying the Author's Attitude in Julia Darling's Novel "The Taxi Driver's Daughter".....	3
<i>Bazarova B. B.</i> The Role of Literature in Humanities Teaching	8
<i>Baiartueva E. P., Timofeeva E. M.</i> Some Peculiarities of Prototypical and Non-Prototypical Constructions Translation From English Into Russian.....	13
<i>Budazhapova S. V.</i> Development of Intonology Metalanguage in Britain.....	19
<i>Dolsonova A. A.</i> On the Problem of Discourse Strategies in Fiction.....	30
<i>Dorzhiya G. S., Popova K. A.</i> Linguocultural connotations of the English logoepestems....	35
<i>Dronova I. A.</i> Concept and Category: on the Problem of Denotation Case Study (Category of Assertion in the English Language).....	40
<i>Moiseeva D. P.</i> Carnival Traditions of the Aosta Valley.....	45
<i>Nevezhina E. A.</i> Linguistic security/insecurity in the boundary area (by the example of Wallonia, Belgium).....	51
<i>Ozonova L.G.</i> Features presentation of obligatory and facultative components of the situation of choice in extra-linguistic reality (in the French language).....	56
<i>Sanzheeva L. Ts., Abidueva Ch. A.</i> Language Game in the Speech of Popular English-speaking TV Hosts.....	60
<i>Safina A. R.</i> Communicative-pragmatic functions of modal words (on the basis of the modern English language).....	65
<i>Fedorov M. A.</i> Phrasal Verbs With Adverb «Away» as Markers of Conceptual Metaphors of Time.....	70
<i>Erdyneeva D. V.</i> Language game as the source of variation.....	77
<i>Yabzhanova L. B.</i> English Phraseological Units with Somatic Component.....	81

ВЕСТНИК БУРЯТСКОГО ГОСУНИВЕРСИТЕТА

Вестник БГУ включен в подписной каталог Роспечати за № 18534 и Перечень изданий Российской Федерации, где должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

На основании постановления заседания Ученого совета БГУ за № 10 от 28 мая 2009 г. в «Вестнике БГУ» в 2015 г. публикуются статьи по следующим направлениям:

1. Педагогика (январь)

гл. ред. Дагбаева Нина Жамсуевна – тел. 21-04-11; 44-23-95

эл. адрес: vestnik_pedagog@bsu.ru

2. Экономика. Право (февраль)

гл. ред. Атанов Николай Иванович – тел. 21-37-44

эл. адрес: vestnik_econom@bsu.ru

3. Химия, физика (март)

гл. ред. Хахинов Вячеслав Викторович – тел. 43-42-58

эл. адрес: khakhinov@mail.ru

4. Биология, география (март)

гл. ред. Максарова Дарима Дамбаевна – тел. 21-03-48

эл. адрес: d.maksarova@mail.ru

5. Психология, социальная работа (апрель)

гл. ред. Базарова Татьяна Содномовна – тел. 21-26-49

эл. адрес: decspf@mail.ru

6. Философия, социология, политология, культурология (апрель)

гл. ред. Осинский Иван Иосифович – тел. 21-05-62

эл. адрес: intellige2007@rambler.ru

7. История (май)

гл. ред. Митупов Константин Батомункич – тел. 21-64-47

эл. адрес: vestnik_history@bsu.ru

8. Востоковедение (май)

гл. ред. Бураев Дмитрий Игнатьевич – тел. 44-25-22

эл. адрес: gailia@mail.ru

9. Математика, информатика (июнь)

гл. ред. Булдаев Александр Сергеевич – тел. 21-97-57

эл. адрес: vestnik_bsu_math@rambler.ru

10. Филология (сентябрь)

гл. ред. Имixelова Светлана Степановна – тел. 21-05-91

эл. адрес: 223015@mail.ru; mar1955@mail.ru

11. Романо-германская филология (сентябрь)

гл. ред. Ковалева Лариса Петровна – тел. 21-17-98

эл. адрес: klp@bsu.ru, khida@mail.ru

12. Медицина, фармация (октябрь)

гл. ред. Хитрихеев Владимир Евгеньевич – тел. 44-82-55

эл. адрес: vestnik_medicine@bsu.ru

13. Физкультура и спорт (октябрь)

гл. ред. Гаськов Алексей Владимирович – тел. 21-69-89

эл. адрес: gaskov@bsu.ru

14. Философия, социология, политология, культурология (ноябрь)

гл. ред. Осинский Иван Иосифович – тел. 21-05-62

эл. адрес: intellige2007@rambler.ru

15. Теория и методика обучения (декабрь)

гл. ред. Очиров Михаил Надмитович – тел. 21-97-57

эл. адрес: vestnik_method@bsu.ru

Требования к оформлению статей, представляемых в «Вестник БГУ»

Отбор и редактирование публикуемых статей производятся редакционной коллегией из ведущих ученых и приглашенных специалистов.

В «Вестник БГУ» следует направлять статьи, отличающиеся высокой степенью научной новизны и значимостью. Каждая статья имеет УДК, а также письменный развернутый отзыв (рецензию) научного руководителя или научного консультанта, заверенный печатью. Рецензенты должны являться признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и иметь в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи.

Автор статьи обязан заключить лицензионный договор о предоставлении неисключительных прав на использование созданного им произведения (статьи) ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет». Образец лицензионного договора представлен на сайте БГУ.

Общие требования	Тексты представляются в электронном и печатном виде. Файл со статьей может быть на дискете или отправлен электронным письмом. На последней странице – подпись автора(ов) статьи. Название статьи и аннотация даются и на английском языке. Аннотация (авторское резюме) должна заключать от 100 до 250 слов. После аннотации дать ключевые слова (не менее семи слов) на русском и английском языках. Несоответствие между русскоязычным и англоязычным текстами не допускается. Выполнить транслитерацию русского текста литературы латиницей.
Электронная копия	Текстовый редактор Microsoft Word (версии 6.0, 7.0, 97). В имени файла указывается фамилия автора.
Параметры страницы	Формат А4. Поля: правое – 15 мм, левое – 25 мм, верхнее, нижнее – 20 мм.
Форматирование основного текста	С нумерацией страниц. Абзацный отступ – 5 мм. Интервал – полуторный.
Гарнитура шрифта	Times New Roman. Обычный размер кегля – 14 пт. Список литературы и аннотация – 12 пт.
Объем статьи (ориентировочно)	Краткие сообщения – до 3 с., статьи на соискание ученой степени кандидата наук – 8–12 с., на соискание ученой степени доктора наук – 10–16 с. Название статьи должно содержать не более 10 слов.
Сведения об авторах	Указываются фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, звание, должность и место работы, страна, адрес с почтовым индексом, телефоны/факсы, e-mail (на русском и английском языках)

• Список литературы – все работы необходимо пронумеровать, в тексте ссылки на литературу оформлять в квадратных скобках.

• Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются. Все статьи проходят проверку в системе «Антиплагиат. ВУЗ».

• Решение о публикации статьи принимается редакционной коллегией выпуска «Вестника БГУ». Корректур авторам не высылаются, присланные материалы не возвращаются.

• Статьи принимаются в течение учебного года.

• Допустима публикация статей на английском языке, сведения об авторах, название и аннотацию которых необходимо перевести на русский язык.

• Формат журнала 60x84 1/8.

• Рисунки и графики должны иметь четкое изображение. Фотографии и рисунки в формате *.tif или *.jpg должны иметь разрешение не менее 300 dpi. Диаграммы, рисунки, графики должны прилагаться отдельными файлами, чтобы издательство имело возможность ввести в них правки. Математические формулы в текстах должны быть выполнены в MathType. Если работа содержит примеры на старославянском языке или языках народов, то отправить соответствующие символы.

Стоимость обработки 1 с. (формата А4) для преподавателей БГУ составляет 200 р., для остальных – 400 р. Для аспирантов – бесплатно.

Адрес: 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а, Издательство БГУ.

Факс (301-2)-21-05-88

Оплата производится при получении счета от бухгалтерии БГУ.